

П

олитика
остправды и
опулизм

Санкт-Петербургский
государственный
университет

*к 25-летию кафедры политических институтов
и прикладных политических исследований СПбГУ*

«ПОЛИТИКА ПОСТПРАВДЫ» И ПОПУЛИЗМ

Под редакцией
О. В. Поповой

Санкт-Петербург
2018

УДК 32
ББК 66
П50

Авторский коллектив:

В. А. Ачкасов (гл. 10), Н. А. Баранов (гл. 8), Д. А. Будко (§ 3 гл. 5),
К. Ф. Завершинский (гл. 1), А. О. Зиновьев (гл. 12), О. В. Лагутин (гл. 7),
С. А. Ланцов (гл. 9), Г. В. Лукьянова (§ 1 и 2 гл. 5), Д. С. Мартянов (гл. 4),
Е. О. Негров (гл. 3), А. В. Павроз (гл. 6), Н. В. Полякова (гл. 11),
О. В. Попова (гл. 2, общая редакция), О. Д. Сафонова (гл. 14), А. В. Шентякова (гл. 13).

Рецензенты:

Доктор политических наук, профессор *Я. Ю. Шашкова*
(Алтайский государственный университет)
Доктор политических наук, профессор *Н. В. Гришин*
(Астраханский государственный университет)

П50 **«Политика постправды» и популизм** [Текст] / под ред.
О. В. Поповой. — СПб.: Скифия-принт, 2018. — 216 с.

ISBN 978-5-98620-336-2

В коллективной монографии проанализирован комплекс теоретических и практических проблем «политики постправды» и связанной с ней актуализации многообразных вариантов популизма в настоящее время. Авторы не настаивают на своих взглядах как единственно возможных и априори истинных, но исходят из принципа необходимости объективного изучения и рационального объяснения политических процессов в эпоху постмодерна.

УДК 32
ББК 66
П50

ISBN 978-5-98620-336-2

© Санкт-Петербургский государственный
университет, 2018
© Коллектив авторов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. «ПОСТПРАВДА» В РАЗЛИЧНЫХ СЕКТОРАХ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Глава 1. «ПОСТПРАВДА» КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ АПОРИЯ	6
§ 1. Эпистемологические антиномии в исследовании феномена «постправды»	6
§ 2. Социально-философская эпистемология Х. Арендт о приро- де «обмана», «самообмана» и «лжи» в политике.	11
§ 3. Междисциплинарная эпистемология «постправды»	14
§ 4. Антропологические измерения политики «постправды»	17
Глава 2. «ПОСТПРАВДА» И НАУЧНЫЕ ТЕКСТЫ В ПОЛИТОЛОГИИ	23
§ 1. Критерии научности и риски идеологизации текстов в эпоху «постправды»	23
§ 2. «Политика постправды» в научных публикациях.	28
Глава 3. ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ДИСКУРСА «ПОСТПРАВДЫ»	34
§ 1. Политический дискурс в эпоху «постправды»	34
§ 2. «Форма или содержание?»: исторический генезис дискурса «постправды»	36
§ 3. «Управляемая реальность»: основные современные техно- логии конструирования манипулятивного дискурса	39
§ 4. «Стимул/реакция»: роль и место дискурса «постправды» в современном общественно-политическом процессе.	45
Глава 4. ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ПРОСТРАНСТВО «ПОСТПРАВДЫ»	50
§ 1. Концепт виртуальной реальности и симулякры	50
§ 2. Веб 2.0 как деконструкция виртуальности	54
§ 3. Невиртуальность: от культуры к технологии.	57
§ 4. Управление виртуальностью как «постправда»	61
Глава 5. «ПОСТПРАВДА»: МЕДИА-ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ.	66
§ 1. Традиционные медиатехнологии	66
§ 2. Новые медиатехнологии конструирования «постправды»	69
§ 3. Мемы как инструмент политики «постправды»	75
Глава 6. ГРУППЫ ДАВЛЕНИЯ В ЭПОХУ «ПОСТПРАВДЫ»	86
§ 1. Группы давления: от закрытости к публичности	86
§ 2. Элементы «постправды» в информационных кампаниях групп давления	89
§ 3. Кампании «грассрут» и «астротурфинг»	93
§ 4. Коалиции и сети давления.	97
Глава 7. ПОЛИТИКА «ПОСТПРАВДЫ» И «ВАШИНГТОНСКИЙ КОНСЕНСУС»: ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА ИСТОРИЮ КАПИТАЛИЗМА	101
§ 1. Особенности индустриальной фазы развития капиталисти- ческой формации.	101

§ 2. Теоретические трактовки экономического развития государства	107
§ 3. Принципы «Вашингтонского консенсуса» как инструментарий «политики постправды» в современной России	110
§ 4. Проблема выбора будущего экономического уклада для России	115

Раздел II. ПОПУЛИЗМ В ТЕОРИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ

Глава 8. ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПОПУЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ	120
§ 1. Зарождение популизма.	120
§ 2. Определение популизма.	124
§ 3. Популистская практика.	130
§ 4. Причины популярности популизма.	134
Глава 9. ПОПУЛИЗМ В ПОЛИТИКЕ: СТРУКТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ РИСКИ.	137
§ 1. Сущность и формы популизма	137
§ 2. Популизм в политической истории России.	142
§ 3. Популизм в современном мире	150
Глава 10. «ПОПУЛИЗМ ИДЕНТИЧНОСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ	156
§ 1. Почему политический успех имеет «популизм идентичности»?	156
§ 2. Причины политического успеха правых популистских партий в Западной Европе	158
§ 3. Причины успеха национал-популизма в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы	163
Глава 11. ФЕНОМЕН «МНОГООБРАЗИЯ ПОПУЛИЗМА» (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ)	168
§ 1. Популизм в контексте современной европейской политики	168
§ 2. Популизм в современной Франции (особенности президентской кампании 2017 г.)	174
Глава 12. ПОПУЛИЗМ И ТИРАНИЯ: СЛУЧАЙ ФЕРДИНАНДА МАРКОСА В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ.	184
§ 1. «Постправда», популизм и тирания.	184
§ 2. От античного союза популизма и тирании к современным случаям	188
Глава 13. ПОПУЛИЗМ КАК ТАКТИЧЕСКИЙ РЕСУРС ЭЛИТ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.	193
§ 1. Попытки элит в достижении ценностного консенсуса в обществе	193
§ 2. Модели и практики консолидации элит	199
Глава 14. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПОПУЛИЗМ.	205
§ 1. Политика популизма в избирательном процессе.	205
§ 2. Популизм народных избранников	212

РАЗДЕЛ I.

«ПОСТПРАВДА» В РАЗЛИЧНЫХ СЕКТОРАХ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ГЛАВА 1.

«ПОСТПРАВДА» КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ АПОРИЯ

---

§ 1. Эпистемологические антиномии в исследовании феномена «постправды»

Феномен «постправды» (post-truth) в современных политических коммуникациях все чаще является предметом анализа в зарубежном и отечественном научном дискурсе¹, но в семантическом плане понятия «постправды», «политики постправды» остаются весьма размытыми и чаще используются в рамках идеологического и пропагандистского сегмента современных массмедиа. При этом все участники дискуссии по вопросам политических рисков «политики постправды» или «постфактической» политики (post-factual politics), замещающей факты «фальшивыми новостями» («фейками»), так или иначе связывают подобные явления с изменением режима производства, распространения и влияния политической информации в публичной сфере.

Обращаясь к способам концептуализации феномена «политики постправды» в литературе научного и публицистического плана можно обнаружить, что описания того, что номинируют «постправдой», весьма противоречивы и полисемичны. Провозглашаемые некоторыми исследователями наступление эпохи «постправды» и придание этому слову статуса самостоятельного и самодостаточного научного концепта видится несколько чрезмерным, поскольку остается без ответа ряд принципиальных вопросов.

---

¹ См., напр.: Политика постправды в современном мире. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире» / под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017; Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59; Щербинин А. И. «Правда» и «постправда» в революционно-ценностном конфликте на Украине / А. И. Щербинин, Н. Г. Щербинина // Русин. 2017. № 4. С. 134–151; Evans A. The Myth Gap: What Happens When Evidence and Arguments Aren't Enough. L.: Transworld Publishers Ltd. 2017; Lockie S. Post-truth politics and the social sciences // Environmental Sociology. 2017. Vol. 3. Issue 1. P. 1–5.

Какими эпистемологическими критериями следует руководствоваться исследователям при артикуляции различий между «истинными» и «ложными» представлениями о политическом процессе, между «фальшивой» или «правдивой» информацией о социальных событиях? Идет ли речь о принципиально новом феномене или же мы имеем дело с коммуникативным процессом так или иначе сопутствующим социально-политической эволюции общества? Наконец, на основе каких теоретических моделей возможно разграничение практик символических репрезентаций коллективного альтер эго в политике идентичности, частью которой является «политика постправды», на «манипулятивные», «пропагандистские» и «социально-позитивные», «социально-конструктивные»? Отсутствие внятности при ответе на эти вопросы и идеологическая, аксиологическая загруженность дискурса «постправды» неизбежно порождает своего рода эпистемологические и коммуникативные апории, когда на первый взгляд логически и ценностно аргументированное описание «разумности», «цивилизованности» происходящего вступает в очевидное противоречие с фактами социальной деградации, а социально-действенные символические практики, например социального конструирования национальной памяти, интерпретируются как нечто иррациональное и вымышленное.

Мы полагаем, что при интерпретации эпистемологических апорий и теоретической идентификации феномена «постправды» (в силу очевидной коммуникативной природы этого феномена), следует руководствоваться общими посылками социально-феноменологического подхода. Подобная стратегия теоретической идентификации феномена предполагает его артикуляцию в трех основных смысловых измерениях (символических рамках) — предметного, темпорального и социального горизонта смысла²,

---

² Предлагаемая схема теоретической идентификации феномена «постправды» осуществляется на основе методологической посылки, что смысловое конституирование осуществляется в предметном, временном и социальном горизонте. Под горизонтом следует понимать рамки, границы, посредством которых можно «наблюдать идентичное». Обоснование этой методологической позиции, несмотря на методологическую вариативность теоретической аргументации авторов, достаточно обстоятельно представлено в современной социологии. Подобная методологическая посылка позволяет более обоснованно систематизировать эпистемологические проблемы описания феномена «постправды», вскрыть их гносеологическую природу и решить проблему «конфликта интерпретаций», возникающего при концептуализации политических и политико-культурных феноменов, в частности такого, как «постправда». (См., напр.: *Луман Н. Власть*. М.: Праксис, 2001. 256 с.; *Луман Н. Общество как социальная система*. М.: Логос, 2004. с. 57; *Бурдье П. Производство веры. Вклад в экономику символических благ* // П. Бурдье. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. С. 245–247.)

несмотря на многообразие коммуникативных форм номинируемых «пост-правдой».

Предметное пространство анализа «политики постправды» описывается как противостояние «неистинной», «неразумной», «манипулятивной» («пропагандистской») технологии социального конструирования политическими элитами и экспертными сообществами политической повестки дня посредством современных массмедиа, — истинным, основанным на научном анализе дискурсивным практикам критического анализа интеллектуалов.

В темпоральном, временном измерении, пространство «политики постправды» часто рассматривается как специфический политико-культурный феномен («симуляции» и «зрелищности» политики «эпохи постмодерна»), связанный с символизацией практик принуждения многообразными социальными акторами, эгоистично борющимися за сохранение или приобретение политической власти. Антитезой подобному восприятию является признание неизбежности исторической логики мировой глобализации и модернизации, в ходе которой будут преодолены коммуникативные сбои, порожденные процессом перехода к новому качеству коммуникаций в реалиях «общества обществ».

В социальном аспекте, связанном с восприятием коллективными акторами друг друга, понятие «постправда» в высшей степени нормативно амбивалентно: то, что для одних участников коммуникативного процесса является демонстрацией политического цинизма, «популизма», «политического варварства», для других — это естественное состояние, некая безусловная «правда» жизни и способ поддержания политической идентичности и государственного суверенитета.

Подобная амбивалентность свидетельствует не только о вариативности способов концептуализации, а и о конфликтности приоритетов в трактовке социального познания и классификации форм знания об обществе. Фиксация очевидного своеобразия коммуникативных параметров феномена «постправды», связанных с развитием цифровых технологий воспроизводства, передачи и хранения информации, скорее оттеняет эпистемологическую дихотомию современных дебатов об «истинности» и «ложности», «правдивости» и «лжи».

Исходная эпистемологическая матрица научного познания социокультурной реальности, оформившаяся в Новое время, предполагает нормативное разделение знаний, «верований» на два «разряда», «группы»³ —

---

³ См.: Касавин И. Т. Критика групповых убеждений: дискуссия с Дженнифер Лэки // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 50. № 4. С. 63–73.

«истинные», научно обоснованные, эмпирически подверженные знания и «заблуждения» («мнения»). Чаще всего статусом «заблуждений» наделяют идеологические и разнообразные мифоконструкции или, в нашем случае, номинирует «постправдой». Первая группа часто ассоциирует с объективным, рациональным и эмпирически верифицируемым типом познания, вторая же с иррациональным, бессознательным, субъективным и «манипулятивным», пропагандистским. Вторая же эпистемологическая парадигма так или иначе представлена в рамках социологии знания и социально-конструктивистских моделей множественности социальных универсумов, стремится снять теоретическую дихотомию «фактологического знания» и «ложности верований» посылкой, что знанием можно считать все то, что функционирует как знание в социальной практике и важнее анализировать действенность знания в рамках социокультурных систем, нежели опираться на аксиологически закруженные принципы познания. В центре «первой группы» эпистемологических посылок находится познавательная активность индивидуального субъекта, для второй — важнее коллективная природа знания и опция «наблюдения».

В критических исследованиях феномена «постправды» достаточно очевидно доминирует первая эпистемологическая матрица. В целом можно констатировать, что исследователи, которые прибегают к понятию «политика постправды», в основном исходят из посылки, что умножение акторов и медийных технологий при продуцировании политической информации ведет к диверсификации и деградации критериев истинности и ложности при интерпретации событий прошлого и настоящего в политике. Как полагают многие интерпретаторы феномена «постправды», широкое использование в «политике постправды» современных массмедиа, субъективных и часто иррациональных в своих репрезентациях, ведет к культивированию таких «ложных» форм знания, как политические слухи, сплетни, мистификации, скандалы. Такие формы знания становятся значимым когнитивным ресурсом негативной политической мобилизации для многих социальных движений и организаций (формальных и неформальных) с весьма неоднозначными политическими последствиями подобной консолидации.

При этом отсылки авторов к разработке строгих процедур проверки «истинности», «объективности» политической информации, повышению моральной ответственности акторов информационной политики и их умеренный оптимизм по поводу постепенного оформления публичной социологии и публичной политики, способной минимизировать последствия пропагандистской направленности «политики постправды», не проясняют природу институциональных и организационных оснований нынешних трансформаций информационного режима и парадоксов «демократиза-

ции» сферы производства знания, которые стимулируют насильственные конфликты.

Симптоматично, что исследователи, которые фиксируют «ложь» у своего публичного оппонента, весьма «терпимы» по отношению к собственным идеологическим установкам и мифопредставлениям. Для позиции «незаинтересованного» наблюдения нередко характерно подчеркивание значимости способности исследователя абстрагироваться, «отрешиться» от идеологической конъюнктуры повседневности. Однако при этом редко удается избежать «ошибки натурализма» (*naturalistic fallacy*) в трактовке «фактической действительности» тех или иных событий, которые признаются значимыми, замечает авторитетный представитель современной культур-социологии Дж. Александер, в связи с анализом смыслового конструирования при описании травматических событий⁴. Сторонники культурно-ориентированной эпистемологии акцентируют на том, что социальные явления, которые в обществе номинируются как «факты», действительны «не благодаря их фактической вредности или объективной резкости», но зависят от того, как их воспринимают, и степени эффекта их влияния на коллективную идентичность. Подобная посылка весьма актуальна по отношению к феномену «постправды», поскольку «фальшивые новости» чаще всего сопряжены с интерпретаций событий травматического рода или попытками представить факты как свидетельство травмирующих обстоятельств. При анализе коммуникативных явлений важна «не правдивость заявлений социальных акторов» или оценка их нравственных оправданий, а «при каких условиях делаются эти заявления и к каким они приводят результатам». Важнее при анализе явлений, «подобных постправде», не «истинная» онтология и этика познавательного процесса, а эпистемология социокультурной динамики.

«Именно смыслы обеспечивают чувство шока и страха, — замечает американский исследователь, — а вовсе не события сами по себе». Фактические события — «это одно дело, а репрезентация этих событий — совсем другое»⁵. Социальные системы общества могут реально переживать масштабные деформации, институты могут не работать, правительства могут быть не в состоянии обеспечить базовую защиту, но все это представляется как временные проблемы «победного шествия демократизации», а потому могут не рассматриваться в качестве значимых, в то время как вымышленные действия наделяются статусом катастрофических.

---

⁴ Александер Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 16.

⁵ Там же. С. 17–18.

Сегодняшняя коммуникативная реальность полна свидетельств подобного свойства. На культурный процесс оказывают глубокое влияние символические структуры власти и процессы, происходящие в социальной памяти. Чтобы факты обрели коллективную значимость не только для интеллектуалов, а и для общества, реальные проблемы «должны стать культурными кризисами»⁶.

На ограниченность стратегии «фактографии» указывает и авторитетный отечественный исследователь, обосновывающий необходимость более комплементарной эпистемологии социальных феноменов. «Не нужно рассматривать истину только как результат совпадения с объектом, а заблуждение — только как продукт социальной иллюзии и ангажированности. Истина не бессубъектна, а заблуждение не безобъектно. Знания обоих родов — и истинные, и ошибочные — в равной степени обусловлены комплексом социально-культурных условий и обстоятельств», — справедливо констатирует авторитетной отечественный автор⁷.

§ 2. Социально-философская эпистемология Х. Арендт о природе «обмана», «самообмана» и «лжи» в политике

Сторонники критического описания феномена «постправды» нередко претендуют на оригинальность в попытке описать специфику «постфактической политики» как некое принципиально новое состояние, свойственное массмедиа в эпоху «постмодерна», но обращение к истокам противостояния двух исследовательских матриц и попыток их «примирения» позволяет обнаружить, что феномены, номинируемые в современной научной литературе «постправдой», так или иначе получали осмысление в работах более раннего периода.

На наш взгляд, наиболее глубокая и оригинальная трактовка природы «отклонений» от «истинности» в политическом дискурсе дает Х. Арендт. Чаще всего в основе критической рефлексии современных авторов по поводу «постфактической политики», пусть и не столь талантливо, как у Х. Арендт, прослеживаются ее интенции о характере взаимоотношения «истины разума» и «лжи», «истины факта» и «самообмана» в политике. В целом философ развивает первую эпистемологическую традицию, поскольку в центре ее рефлексии находятся качества познавательной активности ин-

---

⁶ Там же.

⁷ Касавин И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. С. 15.

дива, но при этом она описывает природу «лживости» в политике с учетом значимости коммуникативных параметров.

Предметное пространство противостояния «истины» и «лжи» Х. Арендт описывает как противостояние политического и неполитического. Сфера реальной политики видится ей «ограниченной», где истина постоянно подвержена «уничтожению», поскольку реальная политика «не заключает в себе все существование человека и мира», и в этом пространстве люди не могут «сохранять свою целостность и держать обещания», «уважая собственные границы». Истину и способы ее обретения надо искать в сфере неполитического, поскольку категория лжи/истины относится к числу экзистенциально необходимых мыслительных средств ориентации в окружающем мире, а «экзистенциальным» ядром коммуникативного процесса Х. Арендт считает политико-философскую рефлексию. Истинное знание реальной природы конкретно-исторических событий («фактов»), по мнению Х. Арендт, может быть получено только на основе «экзистенциальных» мыслительных средств, которые вырабатываются в процессе критической философской рефлексии.

Иные же формы знания и средства познания ведут к «ограниченному познанию факта». «В руках власти факты не в безопасности», поскольку власть по своей природе не способна постичь и «чем-либо заменить подлинную фактическую реальность. Властные образования, которые возникают, когда люди объединяются с некоей целью, исчезают, как только цель достигнута или потеряна: «Эта мимолетность делает власть крайне ненадежным средством для достижения какого бы то ни было постоянства, поэтому в ее руках не в безопасности не только истины и факты, но и неправды и нефакты». Хотя, факты «заявляют о себе своим упрямством, а их хрупкость странным образом сочетается с огромной устойчивостью» и необратимостью, единственное, что может сделать политика в своем отношении к фактам, — избегать фатализма в их восприятии и пытаться удалить их из мира⁸.

В понятийном отношении, полагает Х. Арендт, «истиной можно назвать то, чего мы не можем изменить»; вводя же коммуникативные и культурные параметры критериев истинности, философ замечает, что «истина есть то, что нас объединяет», и в «метафорическом отношении истина — это земля, на которой мы стоим, и небо, распростершееся над нами»⁹. Несмотря на то,

---

⁸ Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 382.

⁹ Арендт Х. Люди в темные времена. М.: Московская школа политических исследований, 2003. С. 100–101; Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 389.

что истина часто проигрывает власти, она обладает собственной силой, с которой власть не может не считаться, ее сила в том, что «истина коммуникативна» («истина и коммуникация суть одно») и может быть понята только в коммуникативном измерении неполитического.

Определяя пространственные и временные параметры «лжи» и «заблуждений», Х. Арендт замечает, что действиям, совершаемым на основе подобного познания, «подвластно не прошлое (а все истины факта, разумеется, касаются прошлого) и не настоящее в смысле результата прошлого, а будущее», то есть с прошлым и настоящим обращаются как с частями будущего (возвращают их в прежнее состояние возможности)». В этом случае, как полагает Х. Арендт, политическое пространство лишается не только своей главной стабилизирующей силы, но и отправной точки для изменений и новых начинаний. Характеризуя противостояние «истин факта» и «обмана» в социальном пространстве, Х. Арендт отмечает, что искусство «лжи» в политике, даже в развитых демократиях, ведет к тому, что «внешние дела преобразуются во внутренние», международный или межгрупповой конфликт возвращается в пространство внутренней политики». Политически актуально звучат ее ремарки и о том, что в «полностью демократических обществах» всегда существует «обман» и связанный с ним «самообман»¹⁰, что достаточно очевидно являют и современные нам массмедиа.

В ее работах можно найти умеренный оптимизм по поводу возможности частичного преодоления «обмана» в процессе политических коммуникаций. В подобных реалиях можно наблюдать сопротивление лжи истинам факта; в «нынешней системе всемирного сообщения, охватывающего большое количество независимых стран, ни у одной из мировых держав и близко нет власти, достаточной, чтобы взять свой „имидж“ под полный контроль». В силу подобных обстоятельств у имиджей и фикций сравнительно короткая продолжительность жизни, так как «осколки фактов» постоянно нарушают и расстраивают ход пропагандистской войны конфликтующих фикций.

Продолжительность жизни фикций проблематична даже при наличии всемирного правительства или закрытых систем тоталитарных государств, которые пытаются жестко защищать свои идеологические доктрины от посяганий истины и действительности. Последовательная и тотальная подмена истины факта ложью не может привести к тому, что «эту ложь примут как истину, а истину будут поносить как ложь»¹¹. В социальном плане га-

---

¹⁰ Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 378–389.

¹¹ Там же.

рантом «истинности» у Х. Арендт выступают объединения интеллектуалов, обладающих навыками и способностями рационально-критического восприятия и описания социальной реальности, противостоящие давлению конъюнктуры политики и повседневных коммуникаций.

Вместе тем, подобная критическая рефлексия о предметных, темпоральных и социальных аспектах динамики «истинных» и «лживых» представлений о социальной реальности, сохраняющая свою актуальность для описания современных коммуникаций, все же являет следы абсолютизации философских и аксиологических обоснований смысла и содержания коммуникативного процесса. Для позиции «незаинтересованного» наблюдения нередко характерно подчеркивание значимости способности исследователя абстрагироваться, «отрешиться» от идеологической конъюнктуры и «ложности мнений» повседневности. Подобная установка, возможная в процессе создания философской теории, недостаточна для теории социологической и политологической. Она весьма уязвима не только в аспекте очевидной приверженности либеральной трактовке природы опыта рационального познания, а и тем, что не учитывает важности комплементарности макро- и микроуровня анализа, совершая «ошибки натурализма», о чем упоминалось выше.

§ 3. Междисциплинарная эпистемология «постправды»

Соглашаясь с обоснованностью посылки, что изучение феномена «постправды» так или иначе отсылает нас к особенностям социокультурной динамики современного общества, в частности пространства политической культуры, важно видеть методологическую ограниченность более традиционных теоретических моделей политической культуры, описывающих культурный процесс с позиций «рационального гражданина» и либерально-демократических ценностных ориентаций, упрощающих процесс нарастающей фрагментации политико-культурного пространства. Более эвристичным представляется дискурс политико-культурных исследований, опирающийся на когнитивные модели современной «культурсоциологии» (Cultural sociology), культурной антропологии и социологического неонституционализма, представители которых подчеркивают перспективность понимания культуры как сетей смысла, исторической формы социальной памяти, изучение которых должно опираться на когнитивный анализ символических структур сетей смыслов, в отличие от исследовательских программ, где описания культурных феноменов редуцируется к ценностям, нормам, идеологиям, производным от структур формальных

институтов или социально-психологических моделей коллективного сознания¹².

Для анализа феномена «постправды» как специфического состояния политических культур представляют интерес теоретико-методологические посылки социологического неoinституционализма, где в трактовке процессов институционализации современные социальные институты как культурно-нормативные, когнитивные структуры рассматриваются в рамках подвижного взаимодействия с оформлением идентичности многообразных движений и организаций (коллективных акторов), которые нередко вырабатывают рационализированные мифологии и ритуальности. В связи с подобными теоретическими моделями институционализации представители социологического институционализма рассматривают «легитимность» как центральный концепт при описании активности организаций как коллективных акторов¹³. Легитимация в этом случае описывается как процесс интерпретации, теоретическом обосновании, прояснении возможных альтернатив социальной эволюции организации и процессов «оповседневнивания» (рутинизации) организационных норм и правил как условия организационной устойчивости и активности организаций в динамичном социокультурном пространстве (поле).

Обозначенные исследовательские стратегии, по мнению автора, позволяют артикулировать возможную эпистемологическую комплементарность в исследовании феноменов подобных «постправде» на макро- и микроуровнях социологического анализа.

Говоря об уровне макросоциологического описания коммуникативных процессов уместно в связи с этим вспомнить критические ремарки Николаса Лумана по поводу специфики коммуникативного процесса в современной информационной среде, где «системы сознания» наличествуют в «миллиардах единиц» и функционируют одновременно¹⁴. В таких коммуникативных реалиях требование «истинности» по отношению к когнитивной и символической продукции любой коммуникативной системы (пра-

---

¹² См., напр.: *Alexander J. C. The meanings of social life: a cultural sociology*. N. Y.: Oxford University Press, 2003. P. 11–26; *Alexander J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy* // *Social Performance // Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual* / eds. J. C. Alexander, B. Giesen, J. L. Mast. Cambridge University Press, 2006. P. 29–89.

¹³ См., напр.: *Meyer J. W. Reflections on Institutional Theories of Organizations* // *The SAGE handbook of organizational institutionalism* / R. Greenwood, R. Suddaby, K. Sahlin (eds.). Los Angeles; L.: SAGE, 2008. P. 788–809; *Deephouse D. L., Suchman M. Legitimacy in Organizational Institutionalism* // *The SAGE handbook of organizational institutionalism* / R. Greenwood, R. Suddaby, K. Sahlin (eds.). Los Angeles; L.: SAGE, 2008. P. 49–77.

¹⁴ *Луман Н. Л. Общество как социальная система* / пер. с нем. А. Антоновского. М: Логос, 2004. С. 119.

вой, политической, системе массмедиа и т. д.), в частности к новостям и комментариям политического характера, в современных массмедиа становится весьма проблематичным и стимулирует упрощенные представления о смысле подобных коммуникаций.

Так, замечает немецкий социолог, сообщения массмедиа определяются не столько кодом истинное/ложное, а кодом информация/неинформация и зависят от процедур отбора этих сообщений на основе специфических коммуникативных кодов, оформившихся в рамках этой коммуникации, находящейся в сложных отношениях с иными коммуникативными пространствами¹⁵. Общество «вкладывает» в коммуникацию все больше ожиданий и разочарований и производит символические продукты, «вызывающие у него самого иллюзии, прежде всего, в политической системе»¹⁶.

На подобные аспекты коммуникаций в современном обществе обращает внимание авторитетный представитель отечественной культур-ориентированной теоретической социологии, который полагает, что именно способность представить «невозможное» в процессе реальных коммуникаций позволяет «фактам» обрести действенность¹⁷. В реалиях дифференциации коммуникативных пространств, каждое из них начинает располагать своим специфическим «символически обобщенным» средством коммуникации, определяющим течение этой коммуникации. Конечно, власть, при принятии политического решения, может апеллировать к истине, но ведущую роль играют символические ресурсы самой политической сферы.

Переживание совместности может быть «неморальным», «бессодержательным» с позиций «истинного знания», но чувственно интенсивным, что позволяет людям вырваться из мира повседневности, погружая их в состояние трагического противоречия в связи с отсутствием возможностей, ресурсов для достижения подобной «совместности». Эта эмоциональная составляющая очень важна именно в современную эпоху, потому что трезвость и ясность самосознания сами по себе не очень пригодны для того, чтобы служить базисом массовой политики. Современных массмедиа в условиях распада больших политических нарративов и роста коммуникативной автономии акторов символического производства все чаще попадают в зависимость от форм знания, продуцируемых в «тигле повседневности» социальных сетей.

---

¹⁵ Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. С. 62–64.

¹⁶ Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Логос, 2006. С. 190–192.

¹⁷ Филиппова А. Ф. Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы / под общ. ред. С. П. Баньковской. СПб.: Владимир Даль, 2015. Т. 2. С. 151, 332.

Фактическое разрушение социума или гуманитарные катастрофы могут происходить относительно скрыто для многих групп, не вовлеченных непосредственно в этот процесс, объективные свидетельства о таких событиях могут быть уничтожены, в то время как разрушение идентичности и эрозия границ социокультурной среды, порожденные, например, символической политикой элит или групп, могут привести к утрате социального порядка, разрушению институтов политического образования, разрушению механизма поддержания культурных санкций. Для того чтобы факты, например, коллективного насилия обрели значимость и действительность для их предотвращения в настоящем и будущем, они должны стать атрибутом символической политики и быть представлены как «трагедия» и «социальная боль».

Из этих общетеоретических посылок следует, что сопряженность символических кодов и идентичностей в реалиях умножения участников коммуникативного процесса и дифференциации сфер коммуникации становится все более проблематичной. Как полагает автор работы, в таких реалиях на первый план все чаще могут выходить коммуникативные стратегии, ориентирующие участников взаимодействий на когнитивные схемы повседневности и антропологические модели солидарности, тесно связанные с базовыми, часто мифическими в своих основаниях способами кодирования и идентификации.

§ 4. Антропологические измерения политики «постправды»

Состояние современных политических коммуникаций делает весьма актуальными эпистемологические интенции представителя теоретической социологии А. Ф. Филиппова, подчеркнувшего в одной из своих работ, что наряду с антропологией «рационального гражданина» в современном обществе возрастает значимость антропологии «человека чувственного» и науки о «новой чувственности» (в терминах А. Филиппова — эстеziологии), ее символических проекций. Поскольку тот, «кто будет владеть словарем новой чувственности, тот будет владеть словарем мобилизации»¹⁸.

Изучение культуры и ее символических репрезентаций, политической культуры в частности, при таком подходе трансформируется в исследование «социальной памяти», «культурной прагматики» и «социального перформанса», «драматургии власти», представляющей многослойный про-

---

¹⁸ Филиппов А. Ф. Чувственность и мобилизация. К проблеме политической эстеziологии // Defuturo, или История будущего / под ред. Д. А. Андреева, В. Б. Прозорова. М.: Политический класс; АИРО-XXI, 2008. С. 127–128.

цесс социального конструирования и комплекса средств символического производства социальной власти, сакральные объекты и многообразные символические фигуры взаимодействия¹⁹.

Принципиальным в рамках подобной стратегии исследования динамики многообразных символических продуктов современного коммуникативного процесса являются культур-антропологические модели форм солидарности (grid-group анализа), предложенные в свое время М. Дуглас и адаптированной представителями «культурной теории» к политическим реалиям политики в национальных сообществах²⁰. Это позволяет выделить модели социальной солидарности на пересечении «мировоззренческой» и «групповой оси», которые могут быть использованы для характеристики своеобразия и влияния этих форм солидарности на характер восприятия политики и политического, артикулировать многообразие их комбинаций, определяющих специфику и направленность политики памяти в современных реалиях взаимодействий национальных государств. Символические формы солидарности выступают своего рода интегралом взаимодействий на макроуровне и уровне повседневности.

Измерение по шкалам мировоззренческой «сети» представлений (grid) и групповых предпочтений (group), нормативных ограничений, связанных с принадлежностью к культурной общности и конкретной социальной группе, позволяет выявить специфику форм солидарности и их символического потенциала по преодолению рисков и опасностей конфликтной динамики внутренней и внешней среды существования современных политических общностей. Это позволяет выделить «идеально-типические» модели социальной солидарности на пересечении «мировоззренческой» и «групповой оси», которые могут быть использованы для характеристики своеобразия и влияния этих форм солидарности на характер социальных взаимодействий, в том числе и политических, в которые вступают люди (индивидуализм, фатализм, иерархизм, эгалитаризм), и их комбинаций. Отсюда следует четыре базовых мифоконструкции и стратегии достижения целей, связанные с восприятием границ политического, национального суверенитета, демократии: восприятие политики как рационально-управляемого и директивно-управляемого (политический индивидуализм и иерархизм) и как некой культурной антитезы индивиду-

---

¹⁹ Alexander J. C. The meanings of social life: a cultural sociology. N. Y.: Oxford University Press, 2003. P. 11–26; Alexander J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy Social Performance. Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual / eds. J. C. Alexander, B. Giesen, J. L. Mast. Cambridge University Press, 2006. P. 29–89.

²⁰ См.: Cultural theory as political science / eds. M. Thompson, G. Grendstad, P. Selle. L.; N. Y.: Routledge, 2005. P. 1–22.

ализму и иерархизму — признание непредсказуемости политических коммуникаций (политический фатализм) и мировоззренчески-диффузная политика эгалитаризма. Движение в пространстве этих двух осей измерения и четырех «идеально-типических» конструкций солидарности позволяет артикулировать многообразие их комбинаций, определяющих специфику способов обоснования политических идентичностей в современных реалиях взаимодействий национальных государств. Соответственно, эти формы солидарности отличаются в своих способах интерпретации «правды» и «неправды», «лжи» и «истины». «Политика постправды» и возникающие при этом конфликты интерпретаций часто связаны с различиями в понимании приоритетных стратегий реализации политического суверенитета и степени нормативных ограничений, которые признают члены солидарных сообществ.

Если солидарность — это культурный интеграл социокультурных взаимодействий на уровне повседневности, то семантическим ядром солидарности являются мифические символические структуры. В современных коммуникативных реалиях, когда социальное конструирование политических событий напоминает некий «смысловой калейдоскоп», на первый план часто выходят коммуникативные практики политической мифологизации, связанные со спецификой презентацией «политической телесности», эмоционально-чувственного восприятия политики в рамках тех или иных представлений о солидарном существовании, что выступает важным измерением и семантическим катализатором политических коммуникаций. «Солидарное принятие решений» по поводу того, какие факты считать значимыми или не значимыми, какие мифы о демократии признавать очевидными, — неотъемлемый атрибут современных политических взаимодействий.

В современном, при первом приближении весьма рационализированном обществе, нет политических движений и сопровождающих их когнитивных процессов без эмоционально-чувственных презентаций, и нет процесса рационального осмысления без эмоционального фона²¹. Важным звеном подобного процесса является политический мифический нарратив как семантическое средство связи идеологических обоснований и практик фонового повседневного знания, когда идеологические символы и обоснования прошлого и будущего дополняются символизацией телесно-чувственного восприятия политического посредством символизации событий героического и жертвенного. Распространение новых медиатехнологий и

---

²¹ См.: *Melucci A. Challenging codes. Collective action in the information age* Cambridge: Press Syndicate of the University of Cambridge, 2003. P. 71.

биополитики существенно расширяет возможности для актуализации мифического, нередко делая его воздействие «более зловещим», чем в прошлом²², порождая многообразие «рационализированных» политических мифов (новые «религиозные политические мифы», «научные политические мифы», «исторические политические мифы»). Именно подобные символические конструкции чаще всего номинируются «постправдой».

Политический миф репрезентирует себя как драматическое повествование о героической истории политических или неполитических сообществ, стремящихся к поддержанию или обретению политической солидарности. Любой политический миф вписывает эпизоды повседневной деятельности людей в нарратив драмы коллективного существования. В основе мифической символизации политики лежат «симбиотические символы», выражающие связь политических действий с «телесностью», телесно-чувственной осязаемостью и действенностью власти посредством многообразных фигур («героического»). Поэтому политический миф — всегда не только объяснение, но и «практический аргумент». Миф может драматически обосновывать историю существующих политических обществ, отсылая к прошлому, воспринимаясь как «традиция», но он может сакрализировать политические взаимодействия через настоящее или отсылку к будущему, превращаясь в источник социальных реформ, революций и гуманитарных катастроф.

Политические мифы, обеспечивая символизацию практик политического доминирования на уровне повседневности, являются важным и необходимым звеном современных политических коммуникаций. Выявление потенциала действенности символических фигур («героя», «жертвы», «преступника» и т. п.) позволяет перевести в плоскость конкретного анализа влияния мифоконструкций и символических фигур солидарности на конфликтное противостояние национальных идентичностей связанного с «перевертыванием» и противостоянием символических фигур героического и жертвенного. Обозначенные теоретические подходы к интерпретации «работы» политического мифа позволяют сместить исследовательские акценты в описании «лживости» в динамике современных политических коммуникаций, связанной с перманентным обновлением представлений акторов, на исследование солидарного потенциала их мифического контента.

Таким образом, «тропа зависимости» от символических структур солидарности или попытки радикального их переформатирования в процессе проводимой европейскими и российскими элитами политики памяти мо-

---

²² См.: Bottici C. A Philosophy of Political Myth. N. Y.: Cambridge University Press, 2007. P. 243–248, 259–260, 358.

жет стимулировать как совместимость структур солидарности, появления пространств символической комплементарности, так и конфронтацию идентификационных символических кодов. Активизация маргинальных нарративов в символических структурах политической памяти ведет к легитимации насильственных стратегий и поведенческих моделей по отношению к «иным» или «другим» формам солидарного существования. К сожалению, процессы, происходящие в политических коммуникациях, демонстрируют рост актуальности предостережения Мэри Дуглас о рисках доминирования «социально безответственной» индивидуалистической солидарности.

Обозначенные выше эпистемологические посылки позволяют сделать несколько методологических выводов по поводу исследования феноменов, номинируемых в современном публичном дискурсе «политикой постправды». «Политика постправды», очевидно, сопряжена с практиками легитимации политической идентичности, происходящей на различных уровнях символической реальности. В связи с чем более перспективным представляется интерпретация «политики постправды» как специфической формы символической политики, связанной с легитимацией и делегитимацией политической идентичности сообществ в реалиях распада больших политических нарративов.

В процессе «политики постправды» происходит конструирование или деконструкция политической идентичности участников подобного процесса посредством мифоконструкций. Содержательно «политика постправды» нацелена на чувственно-эмоциональное обоснование политических идентичностей. Современный политический миф и его многообразные символические производные следует рассматривать не только как индикатор массовой «иррациональной» политической энергетики или целенаправленное разрушение «истин разума», но, прежде всего, как специфический процесс социального конструирования политических идентичностей на основе артикуляции повседневных практик солидарного существования. За критическим пафосом, нацеленным на развенчание «популизма» и «цинизма» акторов «политики постправды», нередко «выносятся за скобки» подлинные риски и креативные измерения современной политической мифологии, закладывающей семантические основания для новых гибридных форм политической солидарности, часто непредсказуемых в своем коммуникативном потенциале.

Наблюдая с социологических позиций специфические формы современной символической политики, в нашем случае — это «постправда», не следует редуцировать их к «гносеологическим абстракциям» истины и лжи, а обращаться «ко всему многообразию культурных ресурсов». В этом

случае могут появиться шансы получить объективное знание²³. Поэтому можно согласиться со стержневой мировоззренческой посылкой одной из недавних работ, посвященной проблеме «постфактической политики»²⁴, где отмечается, что, конечно, мы не должны отказываться от фактов и поисков истины, даже если наши противники делают это. Однако при этом не следует забывать о том, что «резонансные истории» и популистские интерпретации событий сигнализируют нам об отсутствии больших и содержательных мифических нарративов, важных для солидарного существования в современном и весьма рискованном культурном многообразии.

---

²³ См.: Касавин И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. С. 15.

²⁴ См.: Evans A. The Myth Gap: What Happens When Evidence and Arguments Aren't Enough. L.: Transworld Publishers Ltd., 2017.

ГЛАВА 2. **«ПОСТПРАВДА» И НАУЧНЫЕ ТЕКСТЫ В** **ПОЛИТОЛОГИИ**

---

§ 1. Критерии научности и риски идеологизации текстов в эпоху «постправды»

Традиционно считается, что тексты, обладающие определенным набором признаков, априори являются научными. В этот набор базовых требований научности текстов входят следующие. Во-первых, речь идет об истинности информации, знания, фактов и т. д., что понимается как соответствие предоставляемой учеными информации системным характеристикам исследуемого явления и устанавливается на основании принципа достаточности основания логических выводов, экспериментов и т. д. Во-вторых, речь идет об интерсубъективности, что определяется как общезначимость, «безличность», универсальность информации и сформулированных принципов и закономерностей. В-третьих, отмечается системность знания. В-четвертых, наличие надежного механизма получения новых знаний. В-пятых, рациональность. Наконец, исключительно важна также «принципиальная фальсифицируемость» научного знания. Этот критерий предложил К. Поппер, который считал, что в принципе может быть опровергнуто любое научное утверждение с помощью научного метода, поскольку невозможно исключить существование примера, который не вписывался бы в общепринятое объяснение или теорию.

Если речь идет о научном тексте, претендующем на концептуализацию, то он должен отвечать требованиям предметности, полноты, непротиворечивости, интерпретируемости, проверяемости и достоверности²⁵. Основным критерием научности полученного исследователем результата является его воспроизводимость, однако многими учеными-обществоведами это правило воспринимается как наличие в информационном про-

---

²⁵ Алексеева М. В. Типологические особенности научного текста: гипертекстовая типология языка науки. М.: Изд. дом МИСиС, 2015. 100 с.

странстве текстов с изложением аналогичной точки зрения. В данном случае принцип научности подменяется манипулятивным приемом — ссылкой на авторитеты.

В посвященных критериям научности публикациях традиционно озвучиваются и такие параметры текстов, как: тип научных текстов (монография, журнальная статья, лекция, доклад, информационное сообщение, устное выступление, диссертация, научный отчет и т. п.), стиль (собственно научный, научно-учебный, научно-популярный), особенности языка и формально-логического способа изложения, предполагающие монологичность и сжатость высказываний, насыщенность содержания, логическую связанность совокупности высказываемых положений, точность смысловых посылов без апелляции к эмоциям. Обязательными атрибутами научного текста являются и наличие элементов «искусственного» языка (графики, схемы, рисунки, формулы, символы, специализированные термины), отсылочного аппарата (сноски, ссылки, примечания), строго выверенной логики изложения материала с использованием логической аргументации, а также завершающих выводов.

Однако применительно к политологическим текстам эти требования в эпоху «постправды» являются явно недостаточными, поскольку под личиной наукообразного продукта, включающего научный аппарат, ссылки на теории и научные источники, очень часто скрывается именно идеологический продукт. Фактически многие тексты из области общественных наук, и политология в этом плане отнюдь не является исключением, представляют собой инструмент укрепления власти политических акторов или отражение идеологических убеждений и политических предпочтений их авторов посредством навязывания определенной системы взглядов и политических оценок.

Эпоха «постправды» острейшим образом ставит вопросы о способности ученых-обществоведов отличать наукообразность от собственно научного знания и возможности отказаться (избежать) производства идеологических текстов под видом научных. Как отмечал И. Лакатос, «проблема проведения границ между наукой и псевдонаукой выходит за рамки кабинетной философии: она имеет жизненную и политическую значимость»²⁶, существенные этические и политические последствия.

Сохранение скептицизма по отношению даже к самым авторитетным теориям — это отличительный признак подлинно научного образа мышле-

---

²⁶ Лакатос И. Наука и псевдонаука (Выступление в радиопрограмме Открытого университета 30 июня 1973 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://nsu.ru/classics/pythagoras/Lacatos.pdf> (дата обращения: 01.09.2017).

ния, поскольку «утверждение может быть псевдонаучным, даже если оно представляется очень правдоподобным и все в него верят, и оно может быть ценным с научной точки зрения, даже если оно представляется не вызывающим доверия и никто в него не верит»²⁷.

Но научная критика должна быть обязательно конструктивной; вместо опровергаемой теории исследователю следует предложить более совершенную концепцию, способную точнее объяснить и спрогнозировать развитие политических процессов. Прогрессивные исследовательские проекты, предлагая возможность точного прогноза развития явлений, позволяют открыть новые, неизвестные ранее факты и прогнозировать развитие ситуации.

Этические требования к работе ученых формулировались многократно. Например, Р. Мертон еще в 1942 г. настаивал на обязательности следующих четырех принципов (ценностей):

- а) универсализме высоких требований к исследователям вне зависимости от их расы, пола, возраста, авторитета, званий;
- б) публичности, общности научного знания, которое должно становиться общедоступным и общеизвестным;
- в) незаинтересованности и беспристрастности в отношении получения учеными вознаграждения и различных регалий за свои труды;
- г) рационального скептицизма в отношении полученных другими учеными и им самим знаниям, персональной ответственности за качество используемых в проектах данных и теоретических конструкций.

Априори полагаться в эпоху «постправды» на научную этику авторов статьи или доклада на конференции по политической тематике крайне нецелесообразно, поскольку многие политологи реализуют в тексте свои политические взгляды и убеждения или попросту обслуживают интересы политических акторов. В результате слишком распространенными становятся нарушения всех или большинства этических норм учеными как у нас в стране, так и за рубежом.

Восемь тестов Г. Лассуэла для определения признаков идеологии в псевдонаучном тексте работают не вполне эффективно. Для оценки качества политологических текстов в настоящее время недостаточной является и общепризнанная методика Г. Фоллмера, утверждающая следующие признаки истинности и научности текста: «отсутствие порочного круга в обосновании, непротиворечивость, объясняющая ценность, проверяемость и

---

²⁷ Там же.

успешность проверки... широта, глубина, точность, простота, наглядность, способность к прогнозам, воспроизводимость описываемых, объясняемых, предсказываемых феноменов, плодотворность»²⁸.

Псевдонаучность политологических текстов может быть обнаружена в случае использования их авторами необоснованных модальных операторов необходимости и неоправданных обобщений, сложных эквивалентов, номинализаций, декларирования ложной каузальности явлений. Отсутствие верифицируемости параметров описываемых явлений, апелляция к чувствам, очевидно эмоциональный тон текста, навешивание ярлыков, безапелляционность суждений, неоправданно глобальные обобщения, использование «агрессивной» пунктуации и таких речевых оборотов, апеллирующих к очевидности, как «всем совершенно очевидно», «никто и никогда...», — также важные признаки псевдонаучности.

Следует обратить внимание и на ситуацию, когда автор ссылается на источники, представляющие только одну национальную школу в политологии. Безусловно, наука интернациональна, однако пренебрежение работами отечественных исследователей, особенно в ситуации, когда становится очевидным отсутствие в современной политической науке макро-теорий или теорий, реально способных претендовать на универсальность обнаруженных закономерностей, действующих всегда и везде, априори выдает предвзятость автора.

Совершенно недопустимы ситуации со ссылками в научных текстах на статьи из «Википедии», «Студопедии» или публицистические материалы, если только эти материалы не являются собственно объектом анализа. Но самыми, вероятно, типичными проявлениями псевдонаучных политологических текстов в эпоху «постправды» является неупоминание альтернативных гипотез и теорий, отражающих иную позицию, чем придерживается автор, а также использование им «аргументов „от политики“ или „от религии“». Особенно — с „национальным уклоном“»²⁹.

В современном мире различные идеологии постоянно проникают в научные тексты о политике, чему есть объективные основания. И идеологические догмы, и научное знание о мире политики, представляя собой системы идей, сосуществуют в едином информационном потоке, используют частично пересекающиеся понятия, выполняют схожие функции (гносеологическую, логическую, методологическую, методическую, мировоззрен-

---

²⁸ Кезин А. В. Идеалы научности и паранаука [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000056/> (дата обращения: 01.09.2017).

²⁹ Викентьев И. Л. 15 признаков псевдонауки в статье, книге, телепередаче, веб-сайте [Электронный ресурс]. URL: <http://vikent.ru/enc/5317/> (дата обращения: 01.09.2017).

ческую функции) и связаны с реальными политическими практиками. При этом идеологии выражают интересы конкретных социальных групп и политических акторов, а политическая наука должна быть ориентирована на установление универсальных закономерностей в своей сфере.

Различаются и субъекты этих процессов: в первом случае речь идет об идеологических структурах политических институтов и идеологах, во втором — о научных и образовательных учреждениях, об ученых. Задача идеологии заключается в рутинизации и массовизации определенной точки зрения на развитие политических процессов, выгодной конкретному социальному слою или политической группе. «Задача идеологии состоит в том, чтобы превратить эти убеждения в общественное кредо и закрепить энтузиазм масс, проявленный в период неординарных событий»³⁰.

Однако не только идеология встроена в политические процессы, наука также может быть политизирована и использоваться идеологами в том же качестве, что и идеология. «Понимание идеологии как средства социальной критики, даже если при этом политическая критика направлена против скрытой тирании господства, означает на деле чье-то притязание на власть!»³¹ Единственное средство противостоять этому — предельная научная честность ученых. И. Лакатос очень точно заметил, что «суждение может стать и псевдонаучной догмой, и подлинным знанием, в зависимости от того, готовы ли вы искать опровергающие его условия»³².

Многие политологи воспринимают как нечто должное ситуацию отождествления истинности знания с популярностью, распространенностью определенной точки зрения на какую-либо проблему как среди ученых, так и среди обывателей, далеких от науки. При этом основным аргументом оказывается конвенциональная неклассическая концепция истины, согласно которой истиной является в науке то, с чем согласно большинство ученых. Ситуация осложняется подчас тем, что научные дискуссии переносятся в онлайн-пространство и обсуждение спускается с научного на профанный уровень. Однако история общественных наук демонстрирует многочисленные примеры, когда большинство представителей научного мира и обычных граждан с восторгом и безусловной верой в истинность принимали теории, которые спустя десятилетия оказывались абсолютно несостоятельными. Стремящийся к истине исследователь «должен дока-

---

³⁰ Гуревич П. С. Идеология как текст // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 2. С. 191–192.

³¹ Там же. С. 191.

³² Лакатос И. Наука и псевдонаука (Выступление в радиопрограмме Открытого университета 30 июня 1973 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://nsu.ru/classics/pythagoras/Lacatos.pdf> (дата обращения: 01.09.2017).

зять каждое свое утверждение, подтвердив его фактами. Таков критерий научной честности»³³.

Выступления на конференциях и статьи некоторых политологов заставляют задуматься, чем на самом деле являются их труды — следствием известного в психологии явления импринтинга (запечатленные в сознании образы доминируют над логикой рационального анализа ситуации, а события воспринимаются как единый поток без различения причин и следствий) или сознательной фальсификацией фактов?

Вероятно, в наше время в науке, в том числе в общественных дисциплинах, весьма немногие исследователи готовы/способны следовать требованию, о котором Р. Фейнман проникновенно говорил в выступлении перед выпускниками Калифорнийского технологического института в 1974 г.: «Вся история научных исследований наводит на эту мысль. <...> Это научная честность, принцип научного мышления, соответствующий полнейшей честности, честности, доведенной до крайности. <...> Если вы ставите эксперимент, вы должны сообщать обо всем, что, с вашей точки зрения, может сделать его несостоятельным. Сообщайте не только то, что подтверждает вашу правоту. Приведите все другие причины, которыми можно объяснить ваши результаты, все ваши сомнения, устраненные в ходе других экспериментов, и описания этих экспериментов, чтобы другие могли убедиться, что они действительно устранены... Я говорю об особом, высшем типе честности, который предполагает, что вы как ученый сделаете абсолютно все, что в ваших силах, чтобы показать свои возможные ошибки. В этом, безусловно, состоит долг ученого по отношению к другим ученым и, я думаю, к непрофессионалам. <...> Я хочу пожелать вам одной удачи — попасть в такое место, где вы сможете свободно исповедовать ту честность, о которой я говорил, и где ни необходимость упрочить свое положение в организации, ни соображения финансовой поддержки — ничто не заставит вас поступиться этой честностью. Да будет у вас эта свобода»³⁴. Многим ли обществоведам под силу быть честными учеными в эпоху «постправды»?

§ 2. «Политика постправды» в научных публикациях

Если в качестве объяснения причин распространения «постправды» в обществе исследователи часто называют отсутствие необходимого уровня

---

³³ Там же.

³⁴ Фейнман Р. Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман! С. 186–188 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eduspb.com/public/files/books_hyst/biograf/fejnman_vy_konechno_shutite_mister_fejnman.pdf (дата обращения: 01.09.2017).

образования, фрагментарность сознания, примитивность мышления, особенности языка и восприятия информации широкими массами населения, доминирования коммуникации онлайн в социальных сетях в ущерб получению информации из надежных источников, то подобное объяснение применительно к миру науки и ученым в области политической науки явно не подходит.

Многим членам редакционных коллегий и советов научных периодических изданий неоднократно приходилось сталкиваться с совершенно вопиющими случаями, когда авторы или «их представители» присылали тексты, являющиеся своеобразным калейдоскопом — набором фрагментов чужих текстов из интернета или бумажных версий монографий и журналов. Не менее сложная ситуация у тех, кто соглашается выступить официальным оппонентом или написать отзыв от имени ведущей организации на защитах кандидатских или докторских диссертаций по общественным наукам. В отдельных случаях «маститые и остепененные» присылают на конкурс государственных грантов в области общественных наук «лоскутные» тексты из фрагментов чужих работ, опубликованных еще в 1980-х гг.

В настоящее время программы обнаружения плагиата в интернете работают уже неплохо, но лет 10–13 назад об этом можно было только мечтать. Нужно понимать, что до сих пор проведена оцифровка ничтожной доли научных публикаций, да и в случае размещения научных материалов в онлайн-пространстве могут выкладываться сканы текстов в виде картинок, изображений, которые не позволяют программам поиска плагиата распознавать собственно слова и обнаруживать какие-либо совпадения.

Не менее неоднозначной является и ситуация обнаружения автором в публикациях другого человека своих идей, определений, классификаций, результатов исследований, когда этот недобросовестный «последователь» все же делает ссылку на первоисточник, но упоминает обворованную жертву лишь как одного из многих писавших на эту тему, а собственно авторские наработки, то, что фактически является предметом интеллектуальной собственности, присваивает и описывает от своего имени.

Еще более сложная ситуация в общественных науках с так называемым «рерайтингом», когда научный текст все же переписывается, меняется его структура и лингвистические конструкции, но идеи, замыслы, результаты ставших жертвами заимствований авторов все так же банально присваиваются.

Еще один типичный прием для написания статей, который вряд ли заслуживает одобрения, это перевод (чаще всего с помощью онлайн-переводчиков) и рерайтинг зарубежных научных текстов. По стилистике такие тексты все же можно «вычислить», но найти зарубежные первоисточники, чтобы четко указать на плагиат, значительно сложнее. Возможно, програм-

мисты могут написать программу для обнаружения таких статей, возможно, такие программы уже существуют и где-то применяются, но большинству ученых-обществоведов, работающих в редколлегиях журналов, о них ничего не известно.

Казалось бы, естественными и эффективными внутренними «ограничителями» для авторов в этом случае могут быть этические нормы поведения ученых, но такие понятия, как «честность», «порядочность», не очень в чести в обществе, которое строится на принципе максимизации выгоды; все чаще приходится слышать, что «цель оправдывает средства».

С так называемым «самоплагиатом» ситуация сложнее. В последние два-три года набирает силу точка зрения, согласно которой автор имеет право публиковать результаты своего исследования лишь единожды; даже малейшее повторение в новом тексте фрагментов уже опубликованных собственных его работ является недопустимым и требует обязательной ссылки на первый вариант опубликованного текста, принадлежащий этому же ученому. Ситуация действительно неоднозначная. Соблюдая корпоративную этику, а потому и не указывая на конкретные фамилии, отметим широкое распространение столь излюбленной некоторыми успешно публикующимися в зарубежных изданиях высокорейтинговыми российскими политологами (а это, согласно нормам «постправды», критерий не только личного успеха, но уже и критерий истинности их взглядов, и научности любого их высказывания) привычки многократно тиражировать собственные идеи в «перелицованных» статьях и монографиях. Эти люди настолько талантливо овладели мастерством рерайтинга собственных текстов и достигли в этом деле столь виртуозного мастерства, что никакая программа проверки на плагиат не может ничего обнаружить.

Но всегда ли следует осуждать ученого в случае неоднократного использования в научных публикациях каких-либо материалов, полученных им лично? Ситуации бывают очень разными. Сейчас это происходит все реже, но в 1990-х гг. и первом десятилетии 2000-х гг. бывали случаи, когда статьи перепечатывались другим изданием, а автора в лучшем случае ставили в известность «постфактум» (и автор в разные издания свои статьи не отправлял!).

При этом распространенными и вряд ли подлежащими осуждению являются и некоторые сложившиеся в отечественном и зарубежном научных сообществах устойчивые практики, например: а) апробация исследователем своих идей в выступлении на конференции, когда ученый публикует собственные наработки в тезисах или материалах конференции, а потом развертывает их в полноценной научной статье или серии статей в журналах; вероятно, в этом случае необходимо, но и вполне достаточно сделать отметку в сноске, что статья написана на основании своего доклада на такой-то конференции; б) публикация в нескольких статьях результатов про-

ектов-мониторингов, когда материал накапливается постепенно; вполне логично сделать ссылку на предыдущие публикации, но не заковычивать фрагменты таблицы или текста с выводами.

Отметим, что многие журналы в качестве условия публикации указывают требования не только 100 %-ной оригинальности текста статьи и эксклюзивного права на его рассмотрение, но и всех прав на публикацию. Речь идет о том, что статья не должна параллельно направляться автором ни в какое другое издательство, а в случае принятия положительного решения о публикации автор не может ни в каком виде воспроизводить даже незначительные фрагменты текста в иных изданиях, если на это не получено письменное согласие от издательства. Эти правила публикуются не только на сайте журналов, они отражаются и в лицензионном договоре, который автор подписывает при положительном решении редколлегии о публикации статьи.

Вместе с тем периодически в интернете и социальных сетях публикуется информация о разоблачениях якобы ничтожного уровня квалификации весьма авторитетных представителей какой-либо общественной науки (социальной антропологии, психологии, социологии, политологии, даже философии и т. д.). Чаще всего используется схема отправки в редакции уважаемых научных журналов «фейковых» статей с вымышленными результатами исследований, описанием абсурдных социальных или политических экспериментов, несуществующих теорий, ссылок на никогда не публиковавшиеся научные источники, указание на несуществующих авторов и т. д. В равной степени успешным оказывается продвижение текстов с описанием невероятных, примитивных, абсурдных и т. д. и эмпирических исследований, и якобы фундаментальных теоретических статей с многочисленными методологическими «выкладками». Рекомендации анализировать логику высказываний, характер подбора фактов в тексте статей, отдавать предпочтение текстам с количественными данными безусловных гарантий разоблачить «фейковые» статьи не дают. Количественные данные обладают эффектом «ауры надежности», но их очень легко фальсифицировать или представить так, что реальные тренды не будут очевидны.

С учетом того, что сейчас в издательствах серьезных научных журналов решение о публикации статей принимается на основании «слепого» двойного рецензирования присланных материалов, оценки с помощью специальных программ наличия в тексте плагиата, кроме того, внимательно анализируются собранные в интернете сведения об авторах (помимо присланных заявителем данных о себе), то появление в научных изданиях подобного рода «фейковых» статей действительно носит скандальный характер, но является вполне закономерным проявлением «политики посправды» в сфере науки, хотя такого не должно быть в принципе. Вместе

с тем подобные «эксперименты» над научными журналами не только являются неэтичными сами по себе, но это — в принципе недопустимая провокация в мире науки. Натурные эксперименты над учеными (да просто — над людьми) без их согласия, мыслимо ли такое в эпоху торжества просвещения и науки? В эпоху постмодерна и «постправды», как оказалось, вполне возможно.

В эпоху «постправды» размываются не только критерии истинности, но подчас сознательно разрушаются нормы нравственности и этичности поведения ученых. Так называемые «гибридная война» и политика «мягкой силы» в области общественных наук и образования подчас подталкивает авторов написать тексты, которые позволили бы им легко получить грантовую поддержку или опубликоваться в престижном научном издании. Не секрет, что определенные преференции при решении о публикации получают формально обладающие всеми признаками научности, но при этом глубоко идеологизированные тексты, если они вписываются в «мейнстрим» редакционной политики и совпадают с политическими взглядами наиболее авторитетных в составе редколлегии людей. Насколько научным является текст, если его автор при соблюдении всех необходимых формальных атрибутов научности (категориальным аппаратом, ссылками на первоисточники и теории, даже эмпирическими данными и проч.) стремился обосновать некую политическую идею, подобрать примеры, подтверждающие именно ее и т. д., то есть если искажение информации носит осознанный и системный характер? «Политика постправды» в науке делает сам вопрос о значении истины, о самой истине бессмысленным, задача для некоторых представителей науки заключается в «продвижении своего товара».

Этические требования на сайтах ведущих журналов гласят, что решение принимается на основе критериев научности, объективности и т. д., но многие из российских обществоведов уже неоднократно сталкивались с ситуацией, когда их статьи отвергали именно из-за того, что выводы присланных ими материалов не соответствовали политическим взглядам и представлениям членов редакции журнала. Кроме того, во многих научных изданиях предпочтение отдается текстам, тематика которых связана с борьбой против различных форм социальной несправедливости, злоупотреблений и акцентирует именно критическую составляющую исследования. Само по себе это не является чем-то плохим, но при этом часто размываются границы между научными и публицистическими текстами; доминирование в редакционной политике такого подхода значительно сужает перечень востребованных тем статей и предопределяет определенный набор ожидаемых от автора выводов. Нейтральность и беспристрастность рецензентов и членов редколлегии при принятии решения о судьбе научного текста, способность при оценке чужих научных статей отказаться от

собственных методологических предпочтений и политических оценок — все это замечательные благопожелания, которые далеко не всегда реализуются в действительности. Хотя существует замечательная формулировка «мнение редколлегии может не совпадать с позицией авторов опубликованных в номере статей», более реальны практики отказа в публикации в связи с несоответствием идей автора точке зрения членов редколлегии.

Есть еще один тонкий момент в редакционной политике научных обществovedческих журналов, который вызывает вопросы: приветствуются не просто обширные пристатейные списки публикаций, фактически требуется доминирование ссылок на статьи из журналов, входящих в актуальные базы Web of sciences core collections и Scopus. Некоторая сюрреалистичность этого требования журналов, когда, по сути, фундаментальная монография оценивается как источник информации ниже любой статьи из престижных зарубежных баз периодических изданий, дополняется еще одним: ссылок на российские источники должно быть меньше, чем на англоязычные. Фактически формируется замкнутый круг с эффектом постоянного повышения цитирования журналов из этих баз на английском языке.

Итак, дело не только в научной честности и этике поведения ученых. Есть редакционная политика, которая вполне может оказаться «политикой посправды» институциональных структур, диктующих авторам научных текстов свою волю. Есть проблемы выбора при множественности правдоподобных описаний политических исследований, поскольку «научный подход требует от ученого установки на обнаружение того, что же на самом деле происходит в данной конкретной ситуации»³⁵. Как отмечает И. Шапиро, «мир состоит из каузальных механизмов, существующих независимо от нашего исследования и даже осознания; научный метод — это лучший способ ухватить их истинный характер»³⁶. Своего часа ждет анализ новых методов исследования в политической науке, например сверхпопулярных ныне Big Data, логика использования которых строится не на выяснении причинно-следственных связей, а на интерпретации совместной встречаемости признаков объектов без попыток выяснения универсальных принципов и сущностных характеристик изучаемых явлений. Интерпретация вместо объяснения — это тоже признак «посправды» в науке.

Как мы видим, «посправда» принимает в научном мире причудливые формы. И универсальных рецептов избежать этих «подводных камней» в поиске научной истины нет.

---

³⁵ Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках / пер. с англ. Д. Узланера. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 35.

³⁶ Там же. С. 36.

ГЛАВА 3. ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ДИСКУРСА «ПОСТПРАВДЫ»

---

§ 1. Политический дискурс в эпоху «постправды»

Поскольку данная глава в целом посвящена основным технологиям конструирования дискурса «постправды», прежде чем говорить о самих технологиях, следует, на наш взгляд, указать парадигму, в рамках которой будут анализироваться технологии и особенности их применения, то есть сказать несколько слов о тех особенностях политического дискурса, которые позволяют говорить о «постправде» как реальном общественно-политическом явлении, и в первую очередь о таком системообразующем признаке политического дискурса, как смысловая неопределенность. Она, в свою очередь, обуславливает в числе прочих такой его признак, как фантомность, который, несомненно, относится к сфере политического сознания. Пространство политических значений во многом складывается из фантомов, не имеющих никаких конкретных денотатов, то есть «мира самореферентных знаков», знаменитых бодрийяровских «симулякров»³⁷. В теории коммуникации для них наиболее подходит термин, предложенный Б. Норманом, — «лексические фантомы»³⁸. К ним относятся обозначения вымышленных существ в фольклоре и литературе (мифологические и литературные фантомы), терминологическое закрепление ошибочных научных концепций (концептуальные фантомы) и, наконец, идеологические фантомы, в первую очередь присущие политическому дискурсу, в которых отрыв слова от денотата обусловлен идеологической деятельностью человека, разработкой той или иной социальной утопии, поддержанием определенных социальных иллюзий, то есть прагматической составляющей, связанной с манипулятивными, убеждающими и успокаивающими функциями политического дискурса. В последнее время с легкой руки

---

³⁷ Baudrillard J. Simulacres et simulation. P., 1981.

³⁸ Норман Б. Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии // Язык и культура: Третья Международная конференция. Киев, 1994. С. 53–60.

президента США Д. Трампа в публицистический дискурс вошло новое слово, объемлющее всю полноту значений создания и жизни таких фантомов-симулякров, — «фейк». И при всей острой актуальности и «модности» данного понятия оно далеко не продукт современности, а имеет очень долгую и наполненную историю. Фантомность политического дискурса, помимо вышеперечисленного, вытекает из приписывания языку магических свойств и порождает следующий его признак — фидеистичность, то есть сакральность, как транслируемая сверху адресантами дискурса, так и активно «требуемая» снизу его адресатами. Очевидно, что фидеистичность или фидеистическое отношение к слову является проявлением именно магической функции языка в целом (Мечковская Н. Б., 1998) и, в случае с политическим дискурсом, обусловлена такой его характеристикой, как иррациональность и опора на подсознание. Поскольку одной из причин фантомности и фидеистичности политического дискурса является опосредованный характер политического опыта большинства людей, которые принимают за реальность в том числе и политические симулякры (фейки), творимые и передаваемые коммуникативными посредниками (ретрансляторами дискурса), постольку политический дискурс обладает еще одной функцией, связанной с «правом на обладание» ключевых концептов политического дискурса, — герменевтической. Американский исследователь Д. Грин считает, что «явление овещствления — приписывания абстракциям свойств материальных объектов — выполняет в политике специфическую функцию: люди привыкают воспринимать абстрактные понятия типа „либерализм“ или „консерватизм“ как нечто реальное существующее и потому подлежащее „правильному“ определению. В этом случае чрезвычайную важность приобретает вопрос о том, кто контролирует толкование политических терминов. Политики соревнуются за то, чтобы овещствление проходило с их позиций, чтобы иметь возможность формировать общепринятые значения этих терминов и тем самым влиять на формирование категорий политического сознания»³⁹.

Помимо ритуальных и обязательных событий, которые происходят независимо от СМИ и лишь освещаются в них, существуют так называемые псевдособытия, к которым Д. Бурстин, первым предложивший этот термин, причисляет события, специально запланированные с целью их немедленного показа или передачи информации о них⁴⁰. Речь идет о тех самых знаменитых симулякрах, по мысли постмодернистов, буквально про-

---

³⁹ Green D. *The Language of Politics in America: Shaping the Political Consciousness from McKinley to Reagan*. Ithaca, 2012. P. 3.

⁴⁰ Boorstin D. *The Image, or What Happened to the American Dream*. N. Y., 2010.

низывающих современный мир. К категории политических симулякров, определяемых СМИ и представленных в официальном политическом дискурсе, относятся интервью, пресс-конференции, телевизионные беседы и дискуссии, теледебаты и пр. Все эти дискурсные разновидности являются коммуникативными событиями, драматургия которых полностью задается средствами массовой информации, хотя содержательная их часть в значительной степени является спонтанной.

Но здесь требует своего освещения еще один немаловажный вопрос: в чем именно состоит отличие современного состояния общественно-политического процесса от «традиционного» времени, если мы считаем, что дискурс «постправды», как было показано выше, отнюдь не изобретение современной нам эпохи⁴¹? По большому счету, на наш взгляд, это различие состоит в разновекторности основных действующих на представителя электорально значимого большинства дискурсивных интенций. В доинформационную эпоху картина мира рядового реципиента дискурса была существенно менее противоречивой и более однозначной. Единый официальный дискурс, очень ограниченные каналы доставки, мощная машина контроля — все это делали усилия трансляторов дискурса весьма и весьма эффективными. В связи с вышеперечисленным необходимо коснуться теории развития СМИ, проблем воздействия их на общество и попыток власти воздействовать на них самих с точки зрения исторического развития «постправды» как явления.

§ 2. «Форма или содержание?»: исторический генезис дискурса «постправды»

В своем первоначальном виде теоретические модели политической коммуникации основывались на ранних концептуальных представлениях о массово-коммуникационных процессах, известных под названиями «теория волшебной пули» и «теория подкожной иглы». Эти теории, возникшие вскоре после окончания Первой мировой войны, одним из основоположников которых был Г. Лассуэлл, исходили из предположения об огромных, практически неограниченных возможностях информационно-пропагандистского воздействия на массовую аудиторию, которая в плане отбора сообщений ведет себя достаточно пассивно и по сути напоминает ожида-

---

⁴¹ На наш взгляд, в таком ключе можно рассматривать множество исторических событий, прямо или косвенно влиявших на политический процесс, — от эпохи Античности (миф о 300 спартанцах, жизнеописания цезарей Рима и т. д.) до Нового времени (причины тех или иных войн на Европейском континенте).

ющего пациента, чье состояние начинает меняться после получения дозы лекарственного препарата в виде инъекции⁴². В политологическом контексте подобная постановка вопроса об информационной «волшебной пуле», которая, с одной стороны, всегда точно и безошибочно находит свою мишень, а с другой — выступает как единая система стимулов, порождающая систему сходных реакций, тем самым полностью подчиняя себе весь общественный организм, со всей очевидностью представляла несомненный интерес именно с точки зрения возможностей влиять на поведение избирателей через пропагандистское воздействие по каналам СМИ. Однако широко известные исследования электоральных процессов, проводившиеся в конце 1930–50-х гг. под руководством П. Лазарсфельда, Б. Берельсона и Э. Кэмпбэлла, показали, что эти теоретические представления не находят эмпирического подтверждения. На основе анализа результатов социологических данных, полученных путем проведения в канун президентских выборов в США в 1940 г. серии параллельных опросов избирателей, П. Лазарсфельд, Б. Берельсон и Х. Годэ предложили классическую двухступенчатую модель коммуникации, которая впоследствии стала одной из первых общепризнанных теоретических конструкций в политической коммуникативистике. Согласно этой модели, воздействие массовой коммуникации на индивида большей частью является не прямым, а опосредуется микрогруппами, где посредниками при передаче информационного воздействия выступают так называемые лидеры общественного мнения — лица, пользующиеся авторитетом в своей микрогруппе, которые интересуются какой-либо проблемой, активно читают газеты и слушают радио, а затем обсуждают прочитанное или услышанное в своем окружении, давая при этом фактам или событиям собственное толкование. Иными словами, идеи передаются от радио и газет к лидерам общественного мнения, а от них — к менее активным слоям населения. При этом информационно-пропагандистское воздействие по каналам массовой коммуникации в большинстве случаев способно либо закрепить предпочтения, уже имеющиеся у индивида на сознательном уровне, либо актуализировать его латентные предпочтения, способствовать сознательному уточнению неопределенной позиции, и лишь в крайне редких случаях может привести к переубеждению и переходу на противоположные позиции. Данное обстоятельство отчасти способствовало временному выдвигению на первый план так называемых теорий минимальных эффектов массовой коммуникации, в соответствии с которыми делались выводы о том, что информационное

---

⁴² Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2005.

воздействие через СМИ по своей эффективности уступает другим факторам, предопределяющим особенности политического поведения, таким, например, как принадлежность к политической партии или определенной социальной группе. Главный аргумент, лежавший в основе таких выводов, сводился к утверждению о слабости воздействия безличных сообщений, адресованных массовой аудитории и, по существу, не связанных с нуждами и потребностями каждого конкретного, отдельно взятого индивида.

В противоположность «теориям минимальных эффектов» в середине 1950-х гг. были выдвинуты и принципиально иные концепции, исходившие, напротив, из представлений об активном поведении аудитории СМИ в плане выбора источников информации и отбора распространяемых сообщений: теория «когнитивного диссонанса» Л. Фестингера, а также «теория полезности и удовлетворения потребностей» Э. Каца. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. в связи с интенсивным распространением телевидения заметно активизировались исследования, связанные с изучением воздействия СМИ на электоральное поведение и ход избирательных кампаний. Данные направления исследований восходили к идеям У. Липпмана, который еще в начале 1920-х гг. первым указал на то, что под воздействием СМИ в сознании индивидов возникает упрощенный, искаженный и стереотипизированный образ внешнего мира, «псевдоокружение», которое, наряду с самой реальностью, становится существенным фактором, предопределяющим и мотивирующим поведение людей в повседневной жизни. Из этих посылок исходит, в частности, «теория культивации» Дж. Гербнера и концепция «установления повестки дня», ставшая в последние два десятилетия одним из ведущих теоретических подходов к изучению воздействия СМИ на политическое поведение индивидов. Именно концепцией «установления повестки дня», по нашему мнению, руководствуется российская политическая элита в своем отношении к контролю над деятельностью СМИ.

Основные тезисы этой части сводятся к тому, что фейк призван формировать основные тренды официального и лоялистского дискурсов, донесение этих трендов до исполнителей принимаемых решений, а также проверять реакции адресатов на новые вводные, еще не вброшенные в публичное пространство. Одна из основных решаемых задач — создание «управляемой реальности» через формирование симуляционной действительности и озвучивание или доведение до логического конца интенций официального политического дискурса, по тем или иным причинам не могущим быть представленным публично. Наряду с созданием чистой воды фейков, можно наблюдать большое количество «фигур умолчания» в случаях, когда фиксация общественного мнения на том или ином аспекте жизнедеятельности страны невыгодна. Так как среднее звено политической

элиты прекрасно осознает, что в вертикально интегрированной стране основные интенции всегда идут сверху, то официальному политическому дискурсу достаточно не высказываться по каким-то вопросам, и оно, а вместе с ним и общество, полагает это индульгенцией на свои последующие действия «по умолчанию».

§ 3. «Управляемая реальность»: основные современные технологии конструирования манипулятивного дискурса

Очевидно, что в последние годы технологии конструирования реальности, как открыто работающие в публичном пространстве, так и скрытые, стали не просто удобным инструментом и фактором технического прогресса, но частью общественно-политической жизни любого сколько-нибудь цивилизованного общества. Количество активных потребителей СМИ исчисляется уже не миллионами, а миллиардами человек, а внимание к роли любых активных информационных и/или рекламных кампаний со стороны всех заинтересованных сторон огромно⁴³. И здесь на первый план выходят технологии, прежде всего работающие в виртуальном пространстве, так как интернет как единая информационная система сам по себе стал, несомненно, политическим инструментом и используется не просто в качестве информационной площадки, но и выступает как координатор тех или иных действий самой разной массовости — от флешмоба (причем как виртуального (в онлайн-пространстве, к примеру, в рамках какой-либо социальной сети), так и вполне себе реального) до массовых уличных акций.

С одной стороны, интернет предоставляет возможности для координации действий для различных политических движений по всему миру. К примеру, если еще несколько лет назад только обсуждалась возможная возросшая роль интернет-технологий в избирательных кампаниях ведущих государств мира, то в 2016–2017 гг. эта роль стала едва ли не ключевой — см., к примеру, кейсы избрания Д. Трампа в Соединенных Штатах Америки в ноябре 2016 г. или Э. Макрона во Франции в мае 2017 г. С другой стороны, осознавая эти возможности, различные политические силы пытаются, наоборот, ограничивать доступ к интернет-пространству, видя в них угрозу своему положению. В целом следует говорить о двух существующих подходах к этому вопросу — «инструментальному» и «внешнему», он же — «подход внешней среды». В первом случае речь идет о декларируе-

---

⁴³ Amerland D. The Social Media Mind: How social media is changing business, politics and science and helps create a new world order. New Line Publishing, 2012; Badiou A. The Rebirth of History: Times of Riots and Uprisings, transl. by Gregory Elliott. N. Y.: Verso, 2012.

мом принципе тотальной свободы интернета, который отстаивают, в первую очередь, Соединенные Штаты Америки, на чьей территории интернет появился изначально. В официальных документах Государственного департамента США говорится о том, что защита права свободного использования интернета необходима для достижения американской стратегической цели укрепления гражданского общества по всему миру⁴⁴. Второй подход воспринимает возможности интернета как долгосрочные инструменты, которые укрепляют гражданское общество и публичную сферу. В соответствии с этой концепцией, позитивные изменения в жизни общества следуют за развитием гражданского общества, которое обуславливается в том числе и развитием интернета. Как бы то ни было, общество или государство вполне может эффективно использовать эти возможности для достижения общественно значимых целей.

Новые технологии и изменения в политических системах по всему миру меняют саму природу отношений между средствами массовой коммуникации, а также государствами и политическими режимами. Если в начале XXI в. казалось, что развитие идет в направлении неограниченных возможностей получения информации, невзирая на существующие государственные границы, то развитие ситуации к 2017 г. показало, что глобальный мир вовсе не является тем местом, где распространение информации свободно от каких бы то ни было ограничений. Ведущие государства, так или иначе, сумели адаптироваться к новым технологическим и политическим реалиям, а также к изменениям медийного рынка в целом. Более того, новые тенденции привели к существенному увеличению возможностей одних государств и режимов влиять на общественно-политическое пространство других. То, как развиваются медийные рынки отдельных стран, уже более не определяется только самими этими странами и их государственными аппаратами. Эволюция локальных медиасистем стала частью развития глобального медийного рынка.

Существуют две точки зрения на само развитие возможностей искусственного построения различных дискурсивных формаций — прогрессистская и алармистская. Первая исходит из технологического детерминизма. Согласно этому принципу, человечество вошло в новую эпоху, в которой благодаря интернету все сферы жизни, и в первую очередь политическая и экономическая сферы, претерпят очень существенные, в большинстве своем, позитивные изменения. К примеру, взгляд таких либерально и оптимистично настроенных теоретиков представлен в работах

---

⁴⁴ Балув Д. Г. Политическая роль социальных медиа как поле научного исследования // Образовательные технологии и общество. 2013. Вып. 2. Т. 16. С. 604–612.

социолога М. Кастельса, который утверждает, что мир под влиянием новых коммуникационных технологий трансформируется и можно зафиксировать переход к новому обществу сетевых структур, где вертикальные бюрократические структуры будут заменены горизонтальной самоорганизующейся сетью⁴⁵. Стоит отметить, что эти теоретические построения были взяты на вооружение управляющей элитой ряда самых успешных в экономическом и социальном отношении государств. Так, в США, во время первого срока Б. Обамы и нахождения на должности Государственного секретаря Х. Клинтон, фонд семьи Клинтонов был одним из самых влиятельных проводников идеи усиления влияния интернет-технологий во всем мире. Именно в их применении виделся ключ к решению проблем демократизации и свободы слова, преодоления бедности стран третьего мира, нарушения прав женщин, постконфликтного урегулирования в странах со сложной гражданской и этнической ситуацией, борьбы с ксенофобией и даже устранения последствий природных катаклизмов⁴⁶. К деятельности фонда были подключены такие масштабные фигуры американского истеблишмента, как Мелинда Гейтс, супруга основателя и владельца «Майкрософта» миллиардера Билла Гейтса, председатель Совета директоров «Гугла» Эрик Шмидт, ряд топ-менеджеров Силиконовой долины и множество известных деятелей Голливуда. Главной декларируемой целью такого рода усилий было провозглашено содействие процессам демократизации в странах с авторитарными и гибридными политическими режимами с помощью предоставления доступа к интернету и социальным медиа максимальному количеству граждан и ликвидация ограничений и цензуры в интернете. Так, в январе 2010 г. в ходе специального выступления о свободе интернета Х. Клинтон заявила: «Мы также поддерживаем разработку новых инструментов, которые позволят гражданам других стран пользоваться правом свободного доступа к интернету, преодолевать политически мотивированную цензуру. Мы предоставляем средства группам по всему миру, чтобы быть уверенными, что инструменты, позволяющие людям получить безопасный доступ к интернету, будут доступны на местных языках. Соединенные Штаты помогают этим усилиям, фокусируясь на реализации этих программ максимально результативно и эффективно»⁴⁷.

Среди сочувствующих левым идеям активистов в США осмысление интернета как альтернативного государству свободного пространства се-

---

⁴⁵ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999.

⁴⁶ Clinton H. Remarks on Internet Freedom [Электронный ресурс]. URL: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/135519.htm> (дата обращения: 12.12.2017).

⁴⁷ Там же.

тевой самоорганизации получило новый импульс еще после публикации в 1996 г. «Декларации независимости киберпространства» за авторством Джона Перри Барлоу — основателя и заместителя председателя Фонда электронных рубежей (Electronic Frontier Foundation) — организации, посвященной исследованию социальных и правовых проблем, связанных с киберпространством и защитой свободы в интернете⁴⁸. Этот текст оказался скопирован в тысячах блогах в десятках стран мира. Сознательно используя резкую критику в адрес власти, Барлоу хотел показать, как легко любая информация может быть распространена в сети. И если в любом СМИ власть может пресечь распространение нежелательной информации, то в сети это сделать практически невозможно. Основная мысль декларации состоит в провозглашении независимости интернета от государственных структур. Как отмечает Барлоу, виртуальное пространство выступает альтернативой обществу как таковому, ибо уже не является тем, что мы привыкли считать социальной реальностью. Кстати говоря, европейские левые теоретики пришли к похожим по смыслу выводам, в соответствии с которыми аутентичная политика возможна только вне государства и традиционных политических форм. Так, автор термина «постдемократия» К. Крауч, описывая социально-экономические и политические процессы последних десятилетий, пришел к выводу, что упадок классов, сделавших возможным массовую политику и распространение неолиберальной модели капитализма, привел к формированию замкнутого политического класса, больше заинтересованного в создании связей с бизнес-группами, чем в проведении программ, отвечающих интересам граждан⁴⁹.

Рост социальной активности в сетях на практике привел к тому, что политические режимы усилили контроль над этой сферой через мониторинг, ограничение и приспособление к своим нуждам всех инструментов, предоставляемых интернетом. В связи с тем, что основная задача любого правительства состоит в том, чтобы минимизировать политическую кооперацию антиправительственной информации разной степени конвенциональности, правительственные институты видят свою задачу в том, чтобы ограничить доступ к определенной информации, а не полностью закрыть все возможности такой коммуникации.

В западной политической науке и публицистике к настоящему времени присутствует множество работ, посвященных влиянию коммуникационных технологий на общество. Одной из основополагающих работ, рассма-

---

⁴⁸ Барлоу Дж. П. Декларация независимости киберпространства [Электронный ресурс]. URL: http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/tr_anslat/deklare.html (дата обращения: 12.12.2017).

⁴⁹ Крауч К. Постдемократия. М.: ВШЭ, 2010. 192 с.

тривающих сдвиг от «старых» коммуникационных технологий (телевидения, радио, газет) к информационно-коммуникативным технологиям, является книга Г. Рейнгольда «Виртуальная община»⁵⁰. Еще в 1993 г. Рейнгольд обозначил фундаментальные изменения в коммуникационном процессе, состоящие в том, что новая ситуация позволит менять саму структуру общения, что и приведет в конечном итоге к появлению и развитию иных типов журналистики не просто как социокультурного явления, но как важной части общественно-политического процесса.

Если говорить непосредственно о технологиях манипулятивного дискурса, то можно зафиксировать следующие тенденции, находящие свое отражение как в традиционных СМИ (в первую очередь в телевизионном продукте), так и ко всему конгломерату СМК, относящихся к Веб 2.0:

- апологизация интенций и действий политической элиты и лояльно настроенной части истеблишмента (политического, культурного, спортивного и т. д.) при одновременной диффамации таковых у недостаточно лояльно или оппозиционно настроенной части общества («Что позволено Юпитеру...»);
- осознанная, иногда даже незакамуфлированная (демонстративная) политика двойных стандартов по отношению к одним и тем же публично проявляемым форматам потребления у представителей различных политических сил;
- осознанное разжигание социальной и классовой ненависти по отношению к политическим оппонентам или «санкционированным» мишеням на основе демонстрации определенных особенностей их жизнедеятельности, в том числе с использованием политических и социальных стереотипов;
- высмеивание экологических и социальных инициатив в рамках ежедневного и бытового дискурса, идущих вразрез с официальной позицией, показываемых или как глупость («с жиру бесят-ся»), или как заговор против России («Гринпис»);
- антизападническая направленность не только политического контента, но и культурного, исторического, спортивного и т. д.;
- наличие большого количества коммерческой и политической рекламы (так называемые джинсы) и соответствующее информационное сопровождение (проблема «ботов»);

---

⁵⁰ *Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier / 1993 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rheingold.com/vc/book/intro.html> (дата обращения: 12.12.2017).*

- конъюнктурность, выражаемая в реальном отсутствии оперативной памяти, когда мнение от одного и того же транслятора может меняться до противоположного на протяжении буквально одного месяца;
- апелляция к «простому человеку» при бытовом дискурсе.

Основные приемы манипулятивного дискурса, направленные на формирование определенного отношения к событиям социальной реальности основного адресата такого дискурса — электорально значимого большинства (ЭЗБ), представлены в современном общественно-политическом пространстве в полной мере. В рамках дихотомии «свой/чужой» в первом случае активно используются стратегии апологизации персоны, оправдания политических действий, умалчивания, во втором — стратегии дискредитации и диффамации, утаивания и предоставления неполной информации. В обоих случаях активно используются манипулятивные стратегии, обращенные в первую очередь к эмоциональной сфере человека: это и гиперболизация негативного образа, и активное формирование образа врага и нарастающей угрозы. Для реализации данных стратегий используется широкий спектр языковых и неязыковых средств: определенная оценочная лексика, дейктические знаки при номинации сторон, использование активного и пассивного залога, вводных конструкций, метафор и т. д.⁵¹

Также следует помнить, что трансляторы манипулятивного дискурса зачастую играют весьма специфическую роль — они априорно не направлены на электорально значимое большинство, а распространяются преимущественно внутри самой политической элиты и преследуют несколько целей:

- 1) формирование основных трендов политического дискурса, донесение этих трендов до исполнителей принимаемых решений;
- 2) проверка реакции адресатов на новые вводные, еще не вброшенные в публичное пространство;
- 3) создание «управляемой реальности» через формирование симуляционной действительности;
- 4) озвучивание или доведение до логического конца интенций политического дискурса, по тем или иным причинам не могущим быть представленным публично.

В заключение параграфа отметим, что, поскольку зафиксированные нами тенденции являются преимущественно интенциями, которыми ру-

---

⁵¹ Подробнее см.: *Негров Е. О.* Социальная справедливость в лоялистском дискурсе современной России // Социальная справедливость в современном мире: сборник статей / отв. ред. Л. И. Никовская. М.: Ключ-С, 2017. С. 305–312.

ководствуется среднее звено политической элиты в своей повседневной практике, для дальнейшего развития политического дискурса в нашей стране весьма важным представляется не только его изменение на высших уровнях трансляции, но и соответствующие изменения в процессах на среднем уровне, в том числе и на уровне самих средств массовой информации. Запрос на такие изменения существует и сверху — от политической элиты, стремящейся улучшить имидж страны, и снизу — от представителей слабо развитого, но все же существующего гражданского общества, озабоченного своей неспособностью каким-либо образом влиять на формирование текущей повестки дня. В этом обоюдном желании многих частей нашего общества кроется пусть и не великий, но все же не равный нулю шанс на развитие политического дискурса в соответствии с общепринятыми демократическими нормами и реальное движение российского общества в сторону модернизационного развития.

§ 4. «Стимул/реакция»: роль и место дискурса «постправды» в современном общественно-политическом процессе

Если говорить о роли и месте дискурса «постправды» в современном общественно-политическом процессе, то в первую очередь стоит отметить, что такого рода дискурс стал уже неотъемлемой частью существующей медиасистемы. С этой точки зрения само понятие дискурса «постправды» следует рассматривать двояко: как новую типологическую медиамодель, обладающую собственными характеристиками, динамикой, ресурсным потенциалом и ценностью для развития (дискурс как «вещь в себе», знаменитая «машина порождения» самопроизводящихся смыслов), и как то, что играет в первую очередь прикладную инструментальную роль для современных средств массовой коммуникации и политически активных субъектов.

Также следует помнить, что вместе с взрывным развитием интернета медиасреда трансформируется, и для тех, кто создает информацию, и для тех, кто ее потребляет, время, финансовые ресурсы и пространство больше не являются такими жесткими границами, как раньше. Действительно, у традиционных СМИ была только односторонняя связь между производителями материала и потребителями, но она стала намного более объемной с появлением новых видов СМИ. За исторически очень небольшой срок были созданы миллионы сетевых ресурсов, теоретически доступных любому пользователю, независимо от места его пребывания. Как итог этих изменений, на смену централизованной медиасистеме пришли горизонтальные потоки информации между гражданами. Более того, новые информа-

ционно-коммуникационные технологии поменяли и политический мир, и, соответственно, появилось гораздо больше производителей и трансляторов любого рода дискурсов, и, далеко не в последнюю очередь, дискурса манипулятивного.

Само понятие дискурса «постправды», на наш взгляд, весьма тесно связано с понятием «новые медиа», которое используется применительно к интерактивным электронным изданиям и новым формам коммуникации производителей контента с потребителями. Продвижение новых медиа непосредственно связано с компьютеризацией общества, процессом развития цифровых и сетевых технологий. В социологическом контексте новые медиа представляют собой «понятие, принадлежащее серии концептуальных нововведений междисциплинарного анализа социокультурных изменений начала нового тысячелетия, связанных с появлением компьютерных сетей, цифровых систем хранения и передачи данных, конвергенции различных средств коммуникации»⁵². «Новыми медиа» являются не только сетевые СМИ, так как это понятие шире и включает в себя в том числе и множество виртуальных сообществ, а также виртуальных социальных структур. Новые медиа тесно связаны с социальным сообществом, поскольку они включаются в мир повседневности на уровне разговорного языка, на уровне пользователя. Это значит, что, по сравнению с «традиционным временем», появилось гораздо больше возможностей по трансляции и инкорпорации в общественное мнение различных элементов дискурса «постправды», причем из самых разных, зачастую абсолютно противоположных и антагонистических источников.

Обычно интенсивность использования такого рода каналов всеми участниками процесса коммуникации зависит от характера и развития события или ситуации. К примеру, все увеличивающееся участие профессиональных СМИ на различного рода виртуальных площадках имеет самые разные причины, основные из которых сводятся к коммерческим и политическим интересам, но теснейшим образом связаны с возможностью апелляции к недостоверным и непроверенным источникам и их легитимацию через фильтр «респектабельных» СМИ. В первом случае речь следует вести о возможности популяризации конкретного журналиста, сохранения его авторитета как лидера мнения, повышения персонального рейтинга и престижа СМИ как известного бренда, сохранения и расширения читательской аудитории, демонстрации открытости к диалогу с читателем и уважения к его мнению, учета популярных тем в новостном потоке. Во втором

---

⁵² Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск: Интерпрессервис, 2003. С. 234.

случае на первый план выходят систематический зондаж общественного мнения по поводу путей решения назревающих конфликтов, кризисных ситуаций, принятие спорных властных решений, «подогрев» общественного интереса к ожидаемым событиям, подготавливаемым непопулярным мерам, политическим и общественным деятелям, грядущим историческим датам и т. д., наконец, сохранение общественного статус-кво.

Всего следует выделить четыре модели распространения дискурса «постправды» в рамках современного информационного общества:

- 1) публикация ссылок на свои материалы, опубликованные в СМИ, с авторскими комментариями и возможностью диалога («принцип матрешки»);
- 2) использование различных социальных медиа для интерактивной связи с потенциальной аудиторией без привлечения традиционных СМИ (см., к примеру, феномен одиозного политического деятеля А. Мальцева);
- 3) использование различных материалов в качестве источников информации, а также обращение к пользователям для оформления экспертных оценок, мнения очевидцев того или иного события, интервью и т. д.;
- 4) использование различных офлайн- и онлайн-площадок в качестве уникальной ленты новостей по интересам.

Основой для новой политической идентичности, в которую непосредственно встроен манипулятивный дискурс, является производство такого политического сообщения, которое генерирует само себя, при этом потенциальный получатель сообщения сам выбирает источник информации и определяет дальнейший путь конкретного сообщения или контента во Всемирной сети. Таким образом, аудитория сама трансформируется в субъект коммуникаций, способный переопределить процесс социальных коммуникаций, который, в свою очередь, формирует культуру общества.

Исследования политической роли «новых СМИ» позволяют выделить ряд тенденций:

- появление «трансмедиа» или использование двух и более типов СМИ для освещения событий (так, согласно исследованиям, в США почти 80 % используют возможности интернета одновременно с просмотром телепрограмм);
- появление системы учета и вознаграждения тех, кто создает наиболее влиятельный контент;
- идеи, мнения, мультимедийный контент, апдэйты статусов — именно эти инструменты делают социальные СМИ все более влиятельной и часто разрушительной силой. Традиционные СМИ

только приходят к осознанию этого, добавляя схожие функции к своим информационным системам;

- с одной стороны, развиваются системы поиска в социальных сетях, с другой — СМИ во все большей степени влияют на результаты поисковых систем. Так, страницы, которыми пользователь поделился в «Фэйсбуке», «Твиттере» или Google+, получают более высокие ранги в результатах поиска этого пользователя;
- другая тенденция — развитие так называемой социальной разведки (по аналогии с корпоративной разведкой).

Подытоживая сказанное, отметим, что традиционные, «старые» медиа продолжают играть определяющую роль в формировании информационной «повестки дня», но при этом «новые медиа», уже став инструментом политического и социального манипулирования, имеют очевидные перспективы как в глобальном информационном пространстве, так и в рамках тех или иных конкретных общественных систем, в которых наблюдается понижение уровня доверия традиционным СМИ.

Множество исследователей полагают, что новые информационные СМИ будут созданы и выйдут из недр таких известных информационных систем, как «ВКонтакте», «Фейсбук», «Твиттер», менее известных (типа «Мессенджера») или еще совсем не известных, — в любом случае именно они будут определять медиаландшафт в будущем. По факту, они уже сейчас являются самодостаточными СМИ: они имеют миллионную аудиторию, собственный штат и контент. Также нельзя не отметить и еще один момент — все возрастающую популярность непосредственной вербальной и визуальной коммуникации, которая, по сути, является одной из форм электронной межличностной коммуникации. Очевидно, что многие пользователи обращаются к такого рода сервисам именно с целью найти новые социальные контакты и получить необходимое или недостающее общение, что также играет важную роль и в общественно-политическом процессе.

Вместе с тем следует помнить, что в современных условиях при непосредственном анализе индивидуального дискурса того или иного политически активного субъекта необходимо оперировать действиями, а не только интенциями. Выше было показано, что заявления одного и того же адресанта (не важно, это политический актор (decision maker) или просто производитель политического контента (журналист, эксперт, обозреватель)) могут зависеть от текущей политической ситуации и прямо противоречить друг другу, поэтому на первый план выходят методы дискурс-анализа, направленные на составление когнитивной картины мира того или иного политического актора на основе большого массива его выступлений, или, что еще более важно, призванные выявить общие тенденции развития политического дискурса того или иного общества, заключенного

в соответствующих трансляторах. Именно эти тенденции являются теми интенциями, которыми руководствуется среднее звено политической элиты государства в своей повседневной практике. Поэтому для дальнейшего развития политического дискурса весьма важно не только его изменение на высших уровнях трансляции, но и соответствующие процессы на среднем уровне, в том числе и на уровне самих средств массовой информации. Запрос на такие изменения существует и сверху — от политической элиты, озабоченной улучшением имиджа страны, и снизу — от представителей слабо развитого, но все же существующего гражданского общества, озабоченного своей неспособностью как бы то ни было влиять на формирование текущей повестки дня. Именно в этом обоюдном желании многих частей нашего общества кроется шанс на развитие политического дискурса в соответствии с магистральными идеями поступательного развития.

ГЛАВА 4. ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ПРОСТРАНСТВО «ПОСТПРАВДЫ»

---

§ 1. Концепт виртуальной реальности и симулякры

В современном значении слово «виртуальность» употребляется с 1960–70-х гг. Именно тогда под виртуальностью стали понимать искусственное пространство, созданное с помощью компьютерных технологий. Ранее корень *virt* связывался с мужским началом, добродетелью, познанием божественной силы, условием познания душевного (нетелесного) начала и т. д.⁵³ Среди по-прежнему актуальных коннотаций слова «виртуальный» следует упомянуть такие значения, как эфемерность, фальшивость, мнимость, имитационность, иллюзорность, потенциальность, воображаемость.

Виртуальной реальностью считается реальность тех объектов, которые находятся на следующем, относительно константной, то есть порождающей их реальность, уровне⁵⁴. Виртуальное пространство представляет собой созданный имитационной системой иллюзорный мир, в который погружается человек.

С 1990-х гг. виртуальную реальность стали связывать прежде всего с интернетом, вследствие чего произошло отождествление виртуального пространства и киберпространства (то есть интернет-пространства)⁵⁵. Однако виртуальная реальность представляет не столько технологический, сколько психотехнологический феномен, поэтому необходимо рас-

---

⁵³ Дубовицкая Д. А. Креативность виртуальности в современных культуротворческих процессах: дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01. Иваново, 2015. С. 13–24.

⁵⁴ Шипицын А. И. Компьютерные социальные сети в контексте виртуализации современной культуры: дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2014. 161 с.

⁵⁵ Воронов А. И. Философский анализ понятия «виртуальная реальность»: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08. СПб., 1999.

смотрение виртуального пространства как социокультурного явления, формируемого посредством компьютерных технологий⁵⁶.

Имитационность виртуальной реальности порождает несерьезное отношение к ней, что в свою очередь выражается в восприятии социальных отношений в киберпространстве и коммуникации в нем как своего рода игры.

Одним из центральных концептов, связанных с философским обоснованием виртуального, является симулякр. Идея симулякра призвана констатировать разрыв идеального и вещного, виртуального и реального и в этом ключе сама по себе является делегитимацией идеи правды как соответствия между двумя «мирами». Следует различать два подхода, по-разному интерпретирующих природу симулякра, — репрезентативный и нерепрезентативный⁵⁷. Репрезентативный подход, восходящий к Платону, рассматривает симулякр как негативную искусственную сущность — копию копии, в то время как нерепрезентативный подход, восходящий к Делезу и Бодрийяру, рассматривает симулякр в контексте опровержения самой идеи образца как знак, способный творить собственную реальность.

У Платона копия-икона акцентирует ориентацию на сходство с эйдосом-оригиналом, в то время как «деградировавшие копии» — симулякры-фантазмы основываются на различии с ним. Симулякр является копией, в которой сходство с оригиналом отсутствует. Симулякр обладает лишь внешним подобием при фундаментально иной внутренней структуре⁵⁸. Различая копии и симулякры Ж. Делез описывает как стоящих на прочных основаниях «претендентов», чьи претензии гарантированы сходством с оригиналом, в то время как симулякры представляют собой «ложных претендентов», «чьи претензии строятся на несхождении, заключающемся в сущностном извращении или отклонении»⁵⁹. Современное общество, по Делезу, предполагает отсутствие смысла в оппозиции «оригинал — копия», поскольку любой оригинал теряется в симулякрах, все становится симулякром⁶⁰.

---

⁵⁶ Мартынов Д. С., Шентякова А. В. Виртуальная элита в динамике информационного общества // Социодинамика. 2017. № 10. С. 79–94.

⁵⁷ Емелин В. А. Виртуальная реальность и симулякры [Электронный ресурс]. <http://emeline.narod.ru/virtual.htm> (дата обращения: 12.12.2017).

⁵⁸ Дунаев Р. А. Виртуальное — симуляция — симулякр: метаморфозы идеального // Проблемы современной науки. Ставрополь: Центр научного знания «Логос». 2012. № 4. С. 110–111.

⁵⁹ Делёз Ж. Логика смысла: М., 1998. С. 332.

⁶⁰ Дворецкая О. В. Виртуальная реальность и симулякры // Вестник Башкирск. ун-та. 2009. № 4. С. 1488.

В схожей логике мыслил и Ж. Бодрийяр, выделивший три порядка симулякров: копии, функциональные аналоги и собственно симулякры. Собственно симулякры представляют собой современные феномены, функционирующие по принципу символического обмена (к ним он относит деньги, общественное мнение и моду)⁶¹.

Переосмысление симулякра, сделанное Ж. Бодрийяром, породило концептуализацию гиперреальности как реальности симулякра, возникшей в результате утраты прежней реальности. Гиперреальность образуется вследствие стирания оппозиций между реальностью и знаками, между реальным и воображаемым⁶², инверсии базиса и надстройки, в роли которой в силу главенствующей роли символического обмена в экономике и выступает гиперреальность, теперь определяющая базис. Именно симулякры, представляющие собой уже «копии без оригинала», знаки с отсутствующим или ложным значением, формируют гиперреальность.

Гиперреальность порождает псевдособытия и псевдоисторию, все социальные процессы симулируются. В этом контексте утрачивается платоновский фундамент истины — гиперреальность не основывается ни на «мире идей», ни на «мире вещей», она живет своей собственной жизнью, формируя замкнутое на себе пространство знаков⁶³. Симулякр представляет собой реальность виртуального — он являет собой бытийное тело, знак, который способен быть референтом по отношению к симулякру следующего порядка, порождая таким образом источник бесконечного многообразия.

Свое основание симулякр находит в имитации, симуляции. Симуляция, по Бодрийяру, рассматривалась как заключительная стадия развития знака, в рамках которой происходит разрыв означаемого и означающего.

В контексте исследования «постправды» господство гиперреальности предполагает отсутствие противопоставления истинного и ложного. Симулякр в нерепрезентативных концепциях не является ни подделкой, ни ложью, поскольку истинного мира как такового более не существует. Симулякры представляют собой единственно доступную реальность⁶⁴.

---

⁶¹ Тихомиров С. А. Общество потребления: знак, символический обмен, гиперреальность, гипербола // Вестник Евразийской академии административных наук. 2014. № 3 (28). С. 98.

⁶² Литвинцева Г. Ю. Гиперреальность в эпоху постмодерна // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусств. 2011. № 2. С. 44.

⁶³ Дворецкая О. В. Виртуальная реальность и симулякры // Вестник Башкирского ун-та. 2009. № 4. С. 1488.

⁶⁴ Курмелева Е. М., Мещерякова Л. Ю. Симулякр и общество в современной социальной теории // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2006. № 2. С. 31–46.

Соотнесение «виртуальной реальности» в узком смысле (или даже на мезоуровне понимания) как самодостаточного киберпространства с гиперреальностью Бодрийяра достаточно проблематично. Виртуализация, по Бодрийяру, представляет собой не процесс развития сколько-нибудь замкнутой виртуальной реальности, а напротив, распространение симулякров в обычном пространстве — разрыв знака и означаемого происходит повсюду, формируя гиперреальность. Следуя той же логике, Д. В. Иванов определяет виртуализацию как киберпротезирование институциональных форм общества, предполагающее замещение реальных вещей образами⁶⁵.

Концепция Бодрийяра, отрицающая все реальности, кроме гиперреальности, распространяющейся на весь мир и подменяющей его, не предполагает конструирования какого-то отдельного пространства, по отношению к которому гиперреальность выступала бы в качестве реальности константной. В то же время виртуальная реальность представляет собой наиболее последовательное развитие логики становления симулякра.

В этом контексте виртуальность выступает одной из вариаций бодрийяровской гиперреальности. Симулякры, из которых состоит виртуальная реальность, лишены оригиналов, что делает виртуальную реальность самодостаточной.

Именно суверенитет виртуальности относительно константной реальности делал бессмысленным дискуссию о «правде» на этом уровне. Приоритет мира иллюзий над реальным миром делегитимировал дискуссию о правде. Присущий постмодерну релятивизм постулировал множественность правд, «конец великих метанарративов». Именно в этом ключе следует рассматривать и концепции, которые обосновывают положительную роль виртуальной реальности как механизма постижения истины⁶⁶, позволяющего овладеть ею за счет освобождения от сбивающей с толка тюрьмы плоти. Такой подход, предложенный М. Хеймом⁶⁷, лишь способствует рассмотрению проблемы истины в виртуальном мире как в пространстве плюральности правд. В виртуальной реальности отсутствует субъект, который имел бы легитимную возможность олицетворять свое высказывание с единственно правдивым.

Важным фактором формирования информационного пространства в интернете является то, что в нем онлайн-медиа имеют мало общего с

---

⁶⁵ Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., 2002. 224 с. Цит. по: Григорьева Н. И. Современный человек в пространстве виртуальной, гипер- и расширенной реальности // Вестник ВятГУ. 2009. № 3. С. 106.

⁶⁶ Григорьева Н. И. Современный человек в пространстве виртуальной, гипер- и расширенной реальности // Вестник ВятГУ. 2009. № 3. С. 108.

⁶⁷ Heim M. The Metaphysics of Virtual Reality. N. Y.: Oxford University Press, 1993. P. 102.

централизованной системой СМИ, которая не только обеспечивала циркуляцию информации по крупным информационным каналам, но и тем самым легитимировала сам факт события, его содержание и истинность нарратива.

В то же время киберкультура постулировала ценности деполитизации, а постмодерн элиминировал ценность политики как феномена, связанного с социальным целедостижением. Поэтому классическая виртуальная реальность 1970–90-х гг. являет собой пространство, в котором концепт «постправды» невозможен в силу делегитимации категории правды. Изменение этой ситуации стало возможным благодаря возникновению технологий Веб 2.0.

§ 2. Веб 2.0 как деконструкция виртуальности

Распространение технологий Веб 2.0, в значительной степени способствовавшее популяризации интернета, совпало по времени с рядом других важных процессов — развитием технологий, обеспечивающих возможности подключения к сети, артикуляцией политики, направленной на преодоление цифрового неравенства, усилением коммерциализации сети интернет и, как результат, увеличением инвестиций в нее. Все эти факторы вместе способствовали произошедшей в 2000-х гг. массовизации интернета.

Массовизация сети коренным образом изменила социальный состав интернет-сообщества. Веб 2.0 способствовал реализации «переезда» аудитории традиционных медиа в виртуальную среду, которая сама по себе претерпевала серьезные изменения.

Изобретатель Всемирной паутины Т. Бернерс-Ли отмечает, что социальные сети становятся закрытыми силосными башнями контента, и «чем более широко используется подобная архитектура, тем больше интернет становится фрагментированным и тем меньше у нас единого общего информационного пространства»⁶⁸. Пространство обитания интернет-пользователей в эпоху Веб 2.0 формируется совершенно иначе. «Электронный фронт», подвижное, постоянно открывающееся пространство сетевых кочевников сменяется более жестко структурированной локацией, которая создает более комфортные условия существования в сети.

---

⁶⁸ *Berners-Lee T. Long Live the Web: A Call for Continued Open Standards and Neutrality [Электронный ресурс].* www.scientificamerican.com/article.cfm?id=long-live-the-web (дата обращения: 12.12.2017).

Важным фактором, связанным с Веб 2.0, стало то, что его технологии формировали не только новое информационное «место жительства» масс, но и массовые «фабрики информации». Поэтому Веб 2.0 повлиял не только на массовизацию сети, но и на ее «индустриализацию» — массы оказались вовлеченными в процесс производства информации, который предполагал в свою очередь идею монетизации интернет-деятельности. В этом ключе метафора Маклюэна о «глобальной деревне» уже не работает. Впору говорить об урбанизации сети, «глобальных мегаполисах». Формируются и новые классы — сетевые креаторы и просьюмеры, которые двигают вперед экономику социальных сетей, заключающуюся в непрерывном производстве и передаче информации⁶⁹.

Еще один важный фактор формирования «политики постправды», мимо которого нельзя пройти, исследуя проблему развития глобальных интернет-технологий, — феномен постглобализма. Под постглобализмом мы понимаем такое состояние процессов мировой интеграции и унификации, при котором происходит замедление глобализации или, в отдельных случаях, фиксируются процессы дезинтеграции. В политическом процессе наиболее очевидными признаками этого этапа стали цивилизационные столкновения, оформившиеся в перманентные геополитические конфликты начала XXI в., укрепление позиций национальных государств, а также рост правых, национальных, изоляционистских течений в западном мире. В контексте коммуникаций данный процесс нашел выражение в так называемой балканизации (фрагментации) интернета.

Противоречия глобализации привели к расколу элит национальных государств, а затем — к противостоянию между элитами, когда глобалистский левый дискурс столкнулся с антиглобалистским правым. Поскольку речь идет не только о векторах развития и об идеологиях, но и о системах стереотипов, неизбежным оказалось появление такого информационного противостояния, которое теперь принято соотносить с «политикой постправды». При этом правое «антиглобалистское» движение имеет и черты глобалистского, поскольку уже существует в условиях глобалистской реальности. И столкновение дискурсов носит не столько внутристрановой характер, сколько представляет собой тенденцию, типичную как минимум для всей западной цивилизации.

---

⁶⁹ См. подробнее: Структура и дискурс виртуальной элиты 2.0 в России / под ред. Д. С. Мартянова. СПб.: ЭлекСис, 2017. 124 с.

Присущая «постправде» «редукция смыслов»⁷⁰ в этом ключе не представляется отдельным от массовизации феноменом. Массы по своей природе не заинтересованы в системном и детальном погружении в мир политического, поэтому здесь вряд ли можно говорить о новом явлении. До «великого переселения» пользователей в интернет в 1990-е гг. массы также редуцировали смыслы, суть которых интересовала включенных в более активную политическую коммуникацию так называемых лидеров мнений, ключевых коммуникаторов, людей престижа и т. д.

Гораздо более важную роль сыграло то, что изменилась социокультурная среда сети интернет. Анонимный интернет в результате был замещен «социальным интернетом», в котором стало привычно и прилично быть самим собой и следовать нормам и законам той страны, гражданином которой ты являешься. До определенной степени это следует оценивать как «конец виртуальности», в том смысле, что эпоха виртуального маскарада в интернете была не только завершена, но и до определенной степени запрещена правилами новых ресурсов (социальных сетей). Однако с политологической точки зрения важен другой акцент — индивиды были лишены права на конструирование репрезентации или по крайней мере серьезно ограничены в нем.

Деанонимизация устанавливает истинность лишь одной репрезентации. В социальных сетях почти невозможно дифференцировать свои социальные роли. На конкретной странице в социальной сети пользователь рано или поздно вынужден выбирать единственную приоритетную идентичность, вокруг которой и будет конструироваться такая репрезентация, лишь в незначительной степени отображающая все аспекты его индивидуальной жизнедеятельности.

И если для многих пользователей обилие социальных сетей оставляет возможность создать в каждой из них отличающиеся репрезентации, ориентированные на разные целевые группы, то другая часть пользователей со временем вынуждена сводить свою онлайн-овую деятельность к единообразию.

Наиболее показательной социальной стратегией в этом контексте представляются государственные служащие. Актуальным для иллюстрации этих процессов будет российский пример. Введенная в 2016 г. ст. 20.2 ФЗ № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» требует от государственных служащих и лиц, претендующих на замещение должности государственной службы, предоставлять сведения об инфор-

---

⁷⁰ Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 45.

мации, размещаемой в интернете, в том числе адреса страничек в социальных сетях. Известны случаи в России, когда деятельность в социальных сетях становилась фактором увольнения чиновников в связи с недопустимостью публикуемого ими контента. Дополнительным институтом, ограничивающим свободу публикации контента, становятся медиа, зачастую ретранслирующие информацию о личной жизни государственных служащих для представления их в невыгодном свете.

Еще более важным видится то значение, которое данный закон оказывает на сетевую идентичность. Государственный служащий таким образом обязуется учитывать при конструировании собственной виртуальной репрезентации в первую очередь именно социальный статус чиновника, который, в свою очередь, является фактором формирования репрезентации всего чиновничества в целом.

Исходя из вышесказанного, очевидно, что чиновник не только ограничен в своем праве определять, каким образом он может осуществлять собственную репрезентацию, но и в принципе лишается возможности представлять себя как-то иначе, нежели как государственного служащего. Государство в значительной степени отчуждает своего служащего от других его социальных ролей, оставляя за ним лишь одну закреплённую идентичность и подчиняя ей все прочие.

Контроль над контентом пользователей, ограничивающий их право на множественность репрезентаций, распространяется не только в политической сфере. Существует множество случаев, когда контент страничек в социальных сетях становился поводом для увольнений, репрезентация пользователя в социальной сети зачастую также является фактором его трудоустройства. В случае форс-мажорных обстоятельств пользователям — сотрудникам частных компаний приходится удалять персональный контент. Так, например, в связи с трагическими событиями в Санкт-Петербурге в апреле 2017 года (террористический акт в метрополитене) SMM-щикам одной из крупнейших телекоммуникационных компаний было предписано удалить со своих страничек контент, связанный с их отпусками и отдыхом.

Таким образом, Веб 2.0 создает условия, схожие с дисциплинарной властью М. Фуко, при которых формируется дискурс, строго подчиненный доминирующим политическим и экономическим акторам.

§ 3. Неовиртуальность: от культуры к технологии

Распространение технологий Веб 2.0 способствовало разрушению старой модели виртуальной реальности, полностью свободной в плане конструирования репрезентаций и идентичностей. Ресурсы «второго

Веба» крайне репрессивно отнеслись к господствовавшей в интернете ранее киберкультуре. Но возможности интернет-технологий создали на руинах старой виртуальности ее новую вариацию.

Индустрию конструирования репрезентаций нового порядка мы обозначили как «неовиртуальность»⁷¹. Отличие неовиртуальной реальности от старой виртуальной заключается в том, что старая виртуальность была связана с *культурой* маскарада, в то время как неовиртуальность предполагает *технология* маскарада. Виртуальность становится симулякр самой себя. Старый симулякр обнаруживает в себе сформировавшуюся настоящесть и сразу же трансформируется в еще более нереальный, невидимый объект. Система симулякров вырождается в систему «симулякров симулякров».

Концепт виртуальной политики как игры в неовиртуальности уравнивается с реальной политикой. Таким же является и соотношение виртуальной и неовиртуальной реальностей с политическим. Если виртуальная реальность предполагала деполитизацию путем перевода любой политики в игру, в нечто несерьезное, «ненастоящее», в феномен с утраченной значимостью, уравнивающий политику как игру с реальной политикой, то неовиртуальная реальность означает деполитизацию не игровой, а реальной политики посредством делегитимации смысла политической дискуссии. Информационное пространство заполняется политическим «флудом» — не имеющими целью реальное высказывание однотипными сообщениями, в массе которых любая попытка вести публичный политический диалог «тонет» в общем потоке порождаемых ботами постов и комментариев. Если в виртуальном пространстве «значимая» информация делегитимировалась огромным количеством «незначимой» (великие нарративы VS локальные нарративы и т. п.), то неовиртуальное пространство убивает релевантную информацию посредством ее растворения в организованной, аргументированной дезинформации, в массовой мистификации сущего. «Восстание масс» сменяется «восстанием симулякров» — единицы массы оказываются окруженными виртуальными клонами друг друга.

Политика делегитимируется и в каком-то смысле деполитизируется, если понимать политическое в смысле Ханны Арендт. Рациональную дискуссию заменяет иррациональный по форме, но вполне рациональный по обусловленной «политикой постправды» цели «флуд».

Главные агенты неовиртуальности — это так называемые боты, которые продуцируются владельцами ресурсов, работниками PR-служб, а

---

⁷¹ См. подробнее: *Мартынов Д. С. Политический бот как профессия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12. № 1. С. 74–89.*

также владельцами так называемых фабрик ботов или фабрик троллей. Хотя в условиях современной эпохи «постправды» коннотативно термин «фабрика троллей» указывает прежде всего на российские интернет-технологии, пальма первенства в этой сфере принадлежит отнюдь не России, а количество стран, в которых эти технологии распространены, весьма велико. Задолго до скандалов, связанных с якобы участием России в американских выборах, было, например, сделано заявление пресс-секретаря Центрального командования ВС США Б. Спикса, в котором говорилось о том, что «для американской армии разрабатывается программа, которая позволит создавать онлайн-персонажей для „распространения проамериканской пропаганды“ через „Твиттер“, „Фейсбук“ и другие подобные сервисы»⁷². Данная инициатива являлась частью операции «Искренний голос», первоначально направленной против террористических организаций и противников США на Ближнем Востоке.

Среди таких известных в мире организаций можно выделить китайские «водную» и «50-центовую» армии, израильские «секретные подразделения» (Covert units), Информационные войска Украины, британскую «Объединенную разведывательную группу исследования угроз» и американский «Центр стратегии контртеррористических коммуникаций», а также уже упомянутый «Искренний голос».

Применение этих фабрик может быть различным. Китайская «50-центовая армия», по утверждениям западной прессы, имеет огромную численность (до нескольких десятков тысяч человек) и занимается как скрытой пропагандой идей Коммунистической партии Китая в социальных сетях, блогах, форумах, чатах китайского сегмента интернета, так и «зачисткой» киберпространства от постов и комментариев нежелательного содержания. Примечательно и наличие антагониста «50-центовой армии» — «5 центов США»-комментаторов, выражающих антикоммунистическую точку зрения якобы за средства правительств западных стран.

Неовиртуальность в этом смысле является феноменом, который позволяет производить управление «постправдой» не на уровне самих медиа, а на уровне их аудитории. Задачами ботов в контексте «политики постправды» являются функции управления дискуссиями на политических площадках интернета. Символическое, дискурсивное доминирование на ключевых информационных площадках способно создавать иллюзию количественного превосходства оппонентов, а также делает почти любую

---

⁷² Муллагалиев Р. Лоббизм vs блогинг: борьба за продвижение «нужной информации» // Медиаконвергенция и «ситуация человека»: новые вызовы, старые вопросы / под ред. С. К. Шайхитдиновой. Казань: Казан. ун-т, 2012. С. 93.

дискуссию бессмысленной — ни один из дискуссионщиков не может быть уверен в том, что не столкнулся с ботом, переубедить которого невозможно. Суть дискуссии становится не поиск истины, не попытка переубедить собеседника, а массовые обвинения сторон в том, что они являются «ботами» с целью делегитимации противника.

Разумеется, подобная массовая паранойя, общая атмосфера подозрительности и охота на виртуальных ведьм-ботов не имеет под собой реального основания. Работа ботов как конструкторов неовиртуальности не способна охватить ни все киберпространство, ни даже значительную его часть. Даже в условиях работы китайской «50-центовой армии» и массового использования астротёрфинга боты «оккупируют» только основные магистрали киберпространства. Нашествия ботов таргетированы, им подвергаются в основном нишевые политические ресурсы. Действия ботов направлены на созидание соответствующего дискурса в социальных сетях и блогосфере. Таким образом, тематические виртуальные сообщества, не относящиеся к политике, ботами не охватываются. Из этого можно сделать вывод, что на такие сообщества влияние ботов может оказываться только опосредованно, как в двухуровневой модели коммуникации П. Лазарсфельда, где тематические сообщества будут составлять нижний уровень обсуждения политической темы, а влияние ботов может передаваться через того ключевого коммуникатора, который вхож на политизированные ресурсы.

Задача неовиртуальности не в том, чтобы распространяться всюду. Борьба ботов — это борьба за повестку дня. Верифицируемым критерием эффективности «фабрики ботов» является выведение новости в топ, «оккупация» первых страниц поисковиков и каталогов по определенным запросам ссылками на продвигаемые фабриками информационные ресурсы.

При этом создание качественного виртуала, как правило, приносится в жертву количественным показателям. Технические ухищрения, с помощью которых боты выводят посты друг друга в топы, очень часто легко выдают то, что они действуют заодно и используют одинаковые стандартные технологии, совершенно не свойственные обычным блогерам.

Поскольку политизированные интернет-медиа в основном представляют собой так называемые эхо-камеры, именно интернет-боты вкупе с модерацией ресурса способны поддерживать идеологическую гомогенность участников на «своих» ресурсах, а также создавать иллюзию делегитимации на «вражеских» ресурсах. Победа неовиртуальности оказывается не меньшей симуляцией, чем сама неовиртуальность — зачастую деятельность ботов в меньшей степени направлена на трансформацию политического сознания интернет-пользователей, а в большей — на символическое доминирование, которое, однако, может выступать фактором этой трансформации.

§4. Управление виртуальностью как «постправда»

Закономерно разделить пространства «правд» и «постправд» в зависимости от гомогенности коммуникаторов. В условиях дискурсивно гомогенного информационного поля, даже когда речь идет о международных коммуникациях, существует общее пространство «правд», в то время как в условиях идеологического, дискурсивного противостояния, жесткой информационной войны формируется мир «постправд». Пространство «правд» существенно отличается от пространства «постправд». Первое ориентируется на перспективу взаимодействия на основе рациональной дискуссии между коммуникаторами, выражающими ту или иную «правду». Гипотетическим результатом такой дискуссии является конвергенция «правд». И хотя мир «правд» не детерминирует формирование объективной истины, сама по себе такая идеалистическая цель предполагается. Мир «постправд» фиксирует плюральность «постправд» как данность. Он представляет собой завершенное состояние, не предполагающее дальнейшей качественной динамики.

В этом ключе крайне важным представляется рассмотрение процесса легитимации новостей как фактора формирования нарратива мира «правды/постправды». Делегитимизированные новости получают статус фейковых (фальшивых) новостей. При этом даже в научной литературе часто делается корректный далеко не для всех случаев вывод о том, что «фейковая» новость представляет собой объективный феномен.

Обычно генезис фейковых новостей прослеживают с возникновения желтой прессы, в рамках которой фальшивые новости, как правило, использовались для привлечения внимания к публиковавшим их медиа. На тот момент фейковая новость существовала в информационном пространстве как маргинальное явление, характерное в основном для специфических СМИ. Централизованная система массовых медиа, конвенционализм которых выступал в качестве деперсонализированного арбитра, была надежным индикатором легитимности новостей. При этом демократическая система могла себе позволить рациональную дискуссию, например, в условиях прозрачных выборов, когда та или иная новость оспаривалась одной стороной и защищалась другой. Помимо системы медиа важную роль в процессе легитимации играли судебные институты, обладавшие своей легитимностью за счет суверенитета. В целом такая система коммуникации позиционировалась как нацеленная на установление «правды».

Поскольку далеко не каждая новость «легитимируется» судебным решением, обычно в качестве средства определения новости как «прав-

дивой» или «фейковой» предлагается процедура факт-чекинга⁷³. Но проверка фактов возможна далеко не всегда, а не обладающий всей полнотой информации эксперт, устанавливающий подлинность новости, в любом случае вынужден доверять одним источникам больше, чем другим. В условиях интернета, скрывающего за аватарами и никами подлинные личности пользователей, которые и могут выступать ньюсмейкерами, подобный факт-чекинг еще более затруднен.

Так как интернет остается средой, не подчиненной суверенитету какой-либо одной страны, а в настоящее время также представляет собой пространство борьбы ряда стран за контроль над коммуникацией в сети, проблема легитимной правды выходит на новый уровень. И если в условиях немассового Веб 1.0 проблема бы решалась достаточно просто — установлением правового контроля над определенными ресурсами, то возникновение глобальных социальных сетей и других интернациональных ресурсов Веб 2.0, не предполагающих возможностей для «сегрегации суверенитета», привело к вопросу о том, чьи правила регулирования коммуникации будут основополагающими для подобных сайтов.

Отсутствие арбитра продуцирует ситуацию, при которой статус «фейковой новости» является в большей степени идеологическим ярлыком, нежели феноменом, относящимся к парадигме «истина — ложь».

Вопрос о необходимости управления легитимацией новостей в интернете неизбежно возник после скандальных выборов президента США в 2016 г., избирательная кампания на которых носила достаточно грязный характер. Как показало исследование, посвященное анализу коммуникации в американских социальных медиа в период президентских выборов, в момент избирательной кампании количество фейковых новостей стало стремительно возрастать с мая — июля 2016 г., а в августе — ноябре превысило число «мейнстримных» новостей⁷⁴. Этот факт представляется значимым и фиксирует степень накала политической борьбы в новых условиях онлайн-новых кампаний, однако сами публикации, которые представили данные вышеуказанного исследования, интерпретируя ситуацию на выборах, зачастую демонстрировали опору на недоказанные факты, которые также можно было трактовать как «фейки», но они выдавались этими медиа как сами собой разумеющиеся. Показателен и концептуальный дискурс иссле-

---

⁷³ Богданов С. В. «Мерцающие» события. Особенности фейковых новостей и их место в стратегических коммуникациях // Век информации. 2017. Т. 2. № 2. С. 231–232.

⁷⁴ Silverman C. This Analysis Shows How Viral Fake Election News Stories Outperformed Real News On Facebook // BuzzFeed News [Электронный ресурс]. https://www.buzzfeed.com/craigsilverman/viral-fake-election-news-outperformed-real-news-on-facebook?utm_term=.yuPQ7wK08#.rg0eOErp (дата обращения: 12.12.2017).

дования, где фейковые новости противопоставляются «мейнстримным» новостям, тем самым переключая внимание с легитимации конкретной новости к легитимации повестки дня и структуры коммуникации в целом, что как раз и характерно для пространств «постправды».

Политическая ангажированность некоторых ресурсов Веб 2.0 прослеживалась задолго до большого конфликта вокруг выборов 2016 г., но вышла на совершенно новый уровень именно в контексте противостояния Трампа и Клинтон на фоне раздуваемого скандала вокруг так называемых русских хакеров.

В 2016 г. после провала американских демократов М. Цукерберг сделал заявление о том, что «команда Facebook уже занялась разработкой сервиса, который позволит пометать новости, предположительно являющиеся выдумкой»⁷⁵. Дальнейшая передача прав на экспертизу для маркирования новостей исследовательскому коллективу *Correctiv* вызвала резкую критику со стороны представителей медиасообщества⁷⁶. Подобные механизмы создавали возможность насаждения в этой социальной сети пространства «постправды».

В результате Facebook начал тестировать для определения фейкового содержания специальную функцию индикаторов доверия (*Trust Indicators*), позволяющую пользователям узнать данные о владельцах, распространяющих контент медиа⁷⁷.

Безусловно, что подобные изменения в редакционной политике социальных сетей связаны с политическим давлением на них. Огласку получил, например, скандал, когда ряд критиков России заявил, что социальная сеть LinkedIn склонна доверять обвинениям их противников, в то время как те обвинения, которые выдвигались самими оппонентами России (прежде всего, речь шла о стандартных обвинениях в том, что их виртуальные аватары выдают себя за других людей, что запрещено правилами ресурса, и

---

⁷⁵ Цукерберг пообещал бороться с вымышленными новостями на Facebook [Электронный ресурс]. <http://www.interfax.ru/world/536791> (дата обращения: 12.12.2017).

⁷⁶ DWN: Facebook запишет в «фейкомёты» всех, кто усомнится в словах Вашингтона [Электронный ресурс]. <https://russian.rt.com/inotv/2017-01-22/DWN-Facebook-zapishet-v-fejkomoty> (дата обращения: 12.12.2017).

⁷⁷ Баловсяк Н. Распознавать фейки по-новому: как Facebook меняет подход к распознаванию интернет-лжи // *Stopfake.org* [Электронный ресурс]. <https://www.stopfake.org/raspoznavat-fejki-po-novomu-kak-facebook-menyaet-podhod-k-raspoznavaniyu-internet-lzhi/> (дата обращения: 12.12.2017).

на самом деле являются гражданами России), администрацией ресурса не были поддержаны⁷⁸.

Однако если в вышеприведенном случае речь идет о персональных конфликтах в сети, то наиболее существенное влияние оказывает все же институциональное давление. В октябре 2017 г. британский парламент запросил у Facebook информацию о вмешательстве России в референдум по Брекситу⁷⁹. И хотя Facebook смог подтвердить российские траты на рекламу как смехотворную сумму в 97 центов, в дальнейшем британский парламент пригрозил Facebook и Twitter санкциями в случае отказа в сотрудничестве.

Разумеется, наиболее существенные ограничения, имеющие отношение к «борьбе с фейками», связаны с расследованием по российскому влиянию на американские выборы. В сентябре 2017 г. в прессе появились сообщения о том, что администрацией ресурса Facebook были удалены 80 % групп, которые были идентифицированы ею как связанные с петербургским «Агентством интернет-исследований»⁸⁰. Аналогичные действия были предприняты Instagram и Twitter. В декабре 2017 г. Facebook объявил о необходимости создания специального инструмента, позволявшего пользователям социальной сети проверять, не подписаны ли они на ресурсы, которые Facebook идентифицировал как связанные с «русской пропагандой». Такая необходимость обосновывалась тем, что люди должны «понять, как иностранные игроки пытались посеять раздор и недоверие с помощью Facebook до и после американских выборов 2016 года»⁸¹.

Апофеозом двойных стандартов стало решение Twitter в октябре 2017 г., запрещавшее аккаунтам Russia Today и Sputnik размещать любые рекламные посты на этом хостинге микроблогов. Таким образом, Twitter не только косвенно признал, что определяет политические рамки коммуникации на своем ресурсе, но и также ориентируется на политический курс

---

⁷⁸ Stein J. How Russia is using LinkedIn as a tool of war against its u.s. enemies / NEWSWEEK LLC [Электронный ресурс]. <http://www.newsweek.com/russia-putin-bots-linkedin-facebook-trump-clinton-kremlin-critics-poison-war-645696> (дата обращения: 12.12.2017).

⁷⁹ Парламент Британии запросил у Facebook информацию о возможном вмешательстве РФ в Brexit и выборы // NEWSru.com [Электронный ресурс]. <http://www.newsru.com/world/24oct2017/fbbritain.html> (дата обращения: 12.12.2017).

⁸⁰ В «фабрике троллей» рассказали о закрытии администрацией Facebook 80 % их групп // Meduza [Электронный ресурс]. <https://meduza.io/news/2017/09/07/v-fabrike-trolley-rasskazali-o-zakrytii-administratsiy-feysbuka-80-protseptov-ih-grupp> (дата обращения: 12.12.2017).

⁸¹ Пользователям Facebook покажут, читали ли они публикации российской «фабрики троллей» // NEWSru.com [Электронный ресурс]. http://www.newsru.com/world/23nov2017/usa_facebook.html (дата обращения: 12.12.2017).

Белого дома, а не стремится играть независимую роль в определении информационной политики.

Проводимая Facebook политика факт-чекинга, однако, уже сейчас показала свою относительную несостоятельность. Facebook уже был вынужден отказаться от пометки Disapproved Flags, показывающей, что новость является сомнительной, либо просто не была проверена факт-чекерами. Помимо того, что сама процедура факт-чекинга не представляется прозрачной, достаточно субъективна и попросту замедляет работу медиа, опыт показал, что коммуникация в интернете проходит по совершенно иным правилам, нежели в традиционных медиа. Маркировка контента как сомнительного привела не к уменьшению просмотров, а, напротив, к увеличению репостов и лайков⁸².

Интернет в условиях усиливающейся балканизации показывает тенденцию к переходу от глобального пространства «правды» к пространствам «постправды». Для управления этими процессами мировые социальные сети все чаще берут на себя функцию редакторов и регуляторов коммуникации, вместо того чтобы осуществлять функцию поддержания нейтральных комфортных пространств. Однако очевидно, что этот процесс протекает крайне противоречиво, наслаиваясь как на новые феномены вроде неовиртуальности, так и на традиционные ограничения, связанные с принципами свободы СМИ.

---

⁸² Баловсяк Н. Распознавать фейки по-новому: как Facebook меняет подход к распознаванию интернет-лжи / Stopfake.org [Электронный ресурс]. <https://www.stopfake.org/raspoznavat-fejki-po-novomu-kak-facebook-menyaet-podhod-k-raspoznaniyu-internet-lzhi/> (дата обращения: 12.12.2017).

ГЛАВА 5. «ПОСТПРАВДА»: МЕДИА-ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

---

§ 1. Традиционные медиатехнологии

Как утверждает Ф. Ницше, фактов не существуют — есть только интерпретации⁸³. Этот тезис особенно справедлив сегодня, когда медиа не только информируют о происходящем, но и представляют собственную трактовку событий. Уходя от привычной роли простого наблюдателя или «репортера», СМИ все больше смещаются к роли «сопродюсера», создателя политической реальности. В современных условиях СМИ являются главным инструментом трансформации ценностных ориентаций аудитории и формирования определенного отношения к тому или иному политическому событию. При этом важно подчеркнуть, что привнесение оценок и интерпретация как функция уже заложена в самой природе СМИ.

К традиционным инструментам воздействия СМИ на аудиторию, и в том числе конструирования «постправды», можно отнести установку медиаповестки дня, прайминг и фрейминг. Теория установки медиаповестки дня исходит из идеи существования зависимости между акцентом, сделанным СМИ на каком-либо событии, и относительной значимостью, придаваемой общественностью этому событию⁸⁴. В соответствии с теорией установления повестки дня средства массовой информации не могут указывать своей аудитории, что думать (например, какую точку зрения занять на политическую проблему или какого кандидата поддерживать на выборах), но за счет отбора новостей они могут воздействовать на то, о чем думать (например, какие вопросы более важны, а какие менее). Самые ранние исследования по изучению повестки дня проводились в контексте президентских избирательных кампаний США. В них сравнивались, например, проблемы,

---

⁸³ Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей: незавершенный трактат. М.: Культурная революция, 2005. С. 281.

⁸⁴ McCombs M. E., Shaw D. L. The agenda-setting function of mass media // Public opinion quarterly. 1972. Vol. 36. No 2. P. 176–187.

освещаемые СМИ, и проблемы, названные в ходе опросов общественного мнения, как волнующие избирателей. В дальнейшем теория установления повестки дня доказала свою применимость и в других странах⁸⁵.

Еще одной из технологий воздействия на массовое сознание является прайминг. Основой, благодаря которой прайминг обладает большим воздействием потенциалом, является прайм. Прайм представляет собой объект, после встречи с которым происходит изменение способности человека действовать с идентичным или сходным объектом⁸⁶. В русскоязычной литературе используется альтернативный термин «преднастройка». По своей сути прайминг — это некоторый прием, способствующий быстрому решению какой-либо задачи и формированию мнения в отношении какой-либо проблемы, благодаря сходным вопросам или действиям, имеющим место в прошлом. В то время как теория установления повестки дня утверждает, что средства массовой информации увеличивают значимость каких-либо политических вопросов в общественном сознании, прайминг предполагает, что освещаемые проблемы служат основными критериями, по которым отдельные лица оценивают политических лидеров. То есть прайминг в СМИ относится к процессу, в результате которого новости, транслируемые СМИ, влияют на восприятие политиков населением. К примеру, Ш. Йенгар обнаружил, что постоянное освещение определенных политических вопросов может не только повысить значимость этих вопросов среди зрителей, но и увеличить вероятность того, что при оценке деятельности президента будут учитываться его действия по отношению к этим вопросам⁸⁷. По мнению Ш. Йенгара, чем чаще вопрос рассматривается на национальном телевидении, тем больший вес он имеет при анализе действий президента⁸⁸. Если средства массовой информации больше внимания уделяют сфере внешней политики, чем внутренней, то оценка действий политиков гражданами будет в основном базироваться на их восприятии того, как политические лидеры справляются именно с внешнеполитическими вызовами. Таким образом, акцент средств массовой инфор-

---

⁸⁵ Guo L., Chen Y. N. K., Vu H., Wang Q., Aksamit R., Guzek D., ... & McCombs M. Coverage of the Iraq War in the United States, Mainland China, Taiwan and Poland: A transnational network agenda-setting study // *Journalism Studies*. 2015. Vol. 16. No 3. P. 343–362.

⁸⁶ Фаликман М. В., Койфман А. Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // *Вестник Моск. ун-та. Серия 14: Психология*. 2005. № 3. С. 88.

⁸⁷ *Iyengar S.* Television news and citizens' explanations of national issues // *American Political Science Review*. 1987. Vol. 81. P. 815–832.

⁸⁸ *Iyengar S.* The accessibility bias in politics: Television news and public opinion // *International Journal of Public Opinion Research*. 1990. Vol. 2. No 1. P. 1–15.

мации на некоторых вопросах за счет других может существенно изменить оценки политических деятелей.

Теория фрейминга основывается на предположении, что в зависимости от того, как проблема освещена в СМИ или какая интерпретация ей дана, аудитория будет по-разному воспринимать данную проблему. Одним из первых в области политической коммуникативистики рассмотрением вопроса фрейминга и его социально-психологических последствий занялся Р. Энтман. Исследуя в 1991 г. различия в освещении американскими СМИ двух схожих событий — катастрофы южнокорейского самолета, сбитого советскими ВВС в 1983 г., и сбитого в 1987 г. американскими ВМФ иранского самолета, — автор приходит к выводу, что данные события были поданы с разной оценкой — как акт насилия и как несчастный случай соответственно⁸⁹. Публикации на тему данных событий оказали очевидное влияние на американское общественное мнение, повысив уровень недоверия к СССР и усилив поддержку американской внешней политики.

В монографии «Демократия без граждан» Р. Энтман утверждает, что сообщения, транслируемые СМИ, существенно влияют на мнение общественности⁹⁰. Однако исследователь приходит к выводу, что нельзя полностью изменить позицию индивида лишь при использовании транслируемых сообщений, но можно задать вектор мысли реципиента при помощи выбора информации и способу ее подачи.

М. Кастельс в своей работе «Власть коммуникации» утверждает, что медиафрейминг представляет собой процесс, состоящий из нескольких уровней⁹¹. Согласно модели «каскадной активации», формирование фрейма начинается с переговоров между главными политическими акторами, или группами интересов, после которых медиа определенным образом организует информацию и позже транслирует аудитории. При этом появившиеся фреймы в медиaprостранстве могут оказывать обратное воздействие на политическую элиту: «Когда фрейм „война с террором“ прочно закрепился в медиа, для политической элиты второго уровня стало весьма рискованным противодействовать ему своими заявлениями и решениями»⁹².

---

⁸⁹ *Entman R. M.* Symposium framing US coverage of international news: Contrasts in narratives of the KAL and Iran air incidents // *Journal of communication*. 1991. Vol. 41. No 4. P. 6–27.

⁹⁰ *Entman R. M.* *Democracy without citizens: Media and the decay of American politics*. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 75.

⁹¹ *Кастельс М.* *Власть коммуникации*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 189.

⁹² Там же. С. 190.

§ 2. Новые медиатехнологии конструирования «постправды»

В настоящее время ускоренного создания и потребления информационного контента, своеобразного информационного изобилия, необходимо отметить новые медиатехнологии конструирования и распространения «постправды»: а) персонализация политики; б) эмоционализация политики; в) развлекательная политика; г) гибридные медиакампании.

В последние несколько десятилетий в качестве определяющей тенденции современной политической коммуникации была выделена *персонализация*⁹³. Персонализация политики во многом связана с изменением освещения политических тем в СМИ и выражается в смещении фокуса внимания электората с партий, организаций и институтов, которые представляют отдельные политики, на их личность. Закономерными представляются вопросы: выбрали ли британские избиратели Дэвида Кэмерона в 2015 г. или они выбирали Консервативную партию? Канадские избиратели выбрали Джастина Трюдо в 2015-м или выбрали Либеральную партию? Американцы выбирали Дональда Трампа в 2016 г. или все-таки Республиканскую партию? Примеров персонализации политики, когда СМИ фокусируются на личности лидера, а не на транслируемых им идеях, достаточно много в политической истории. Например, бывший актер стал одним из самых эффективных президентов США (Рональд Рейган), в то время как другой начинающий актер и драматург стал главой католической церкви (Иоанн Павел II), предприниматель создал партию и выиграл общенациональные парламентские выборы в Италии (Сильвио Берлускони).

Можно выделить несколько причин, по которым современные СМИ концентрируются в большей степени на личности политика. С одной стороны, благодаря распространению «быстрых» способов информирования населения, таких как интернет и телевидение, ориентации на получение прибыли в высококонкурентной медиаиндустрии, в целом усилению роли СМИ в политическом процессе, именно речь политика, его личность и внешний вид обладают первостепенной значимостью при формировании его образа. С другой стороны, процессу персонализации способствуют и изменения в самом обществе. Модернизация в ее социологическом смысле привела к ослаблению старых форм социальной организации и поиску новых, а персонализация как следствие ввела «популистскую» тенденцию. Персонализация побуждает избирателей формировать интуитивные впе-

---

⁹³ Holtz-Bacha C., Langer A. I., & Merkle S. The personalization of politics in comparative perspective: Campaign coverage in Germany and the United Kingdom // European Journal of Communication. 2014. Vol. 29. No 2. P. 153–170.

чтения о политических кандидатах, основанных на определенных факторах, таких как стиль языка, внешние характеристики и невербальное поведение, вместо хорошо продуманной аргументированной позиции и политических взглядов. Сегодня харизма, индивидуальность, впечатление, которые политики оказывают на общественность, становятся определяющими при формировании политических убеждений.

Эмоционализация политики. Данная тенденция смещает акцент с рациональных аргументов на эмоциональные составляющие. Последняя избирательная кампания в США подтверждает, что эмоции являются сильным фактором, влияющим на предпочтения избирателей. Например, если еще в 2008 г. Б. Обама использовал Twitter, в первую очередь как средство для информирования, а не общения с общественностью (только 1 % его твитов были личными комментариями и почти 80 % — данные о местонахождении и запланированных мероприятиях)⁹⁴, то уже в 2016 г. ситуация кардинально изменилась. В своих сообщениях в Twitter Д. Трамп часто писал крайне импульсивно, используя множество восклицательных знаков и заглавные буквы⁹⁵, что придавало его твитам эмоциональный окрас, благодаря чему сообщения Д. Трампа казались более живыми и искренними на фоне других политиков, старавшихся вести свои социальные сети максимально умеренно.

Более того, Twitter как платформа микроблогов, в которых записи обычно состоят из очень коротких реплик, фраз, быстрых комментариев, изображений или ссылок, способствует импульсивности больше, чем другие социальные сети. Исследования показали, что сообщения, вызывающие сильные эмоции, такие как юмор, страх, печаль или вдохновение, скорее всего, будут переадресованы⁹⁶, а негативная информация, в свою очередь, распространяется через репосты быстрее и эффективнее, чем положительная⁹⁷. Во многом ориентацией на эмоции можно объяснить и эффективность массового распространения *фейковых новостей* в период президентской кампании в США в 2016 г. Было зафиксировано, что вирусный медиаконтент в социальных сетях, таких как Facebook или Twitter, являлся основным источником политической информации для значительно-

---

⁹⁴ Das Sarma M. Tweeting 2016: How Social Media is Shaping the Presidential Election // *Inquiries Journal*. 2016. Vol. 8. No 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inquiriesjournal.com/a?id=1454> (дата обращения: 23.09.17).

⁹⁵ Ott B. L. The age of Twitter: Donald J. Trump and the politics of debasement // *Critical Studies in Media Communication*. 2017. Vol. 34. No 1. P. 59–68.

⁹⁶ Ibid.

⁹⁷ Parmelee J. H., Richard S. L. Politics and the Twitter revolution: How tweets influence the relationship between political leaders and the public. Lexington Books, 2012. P. 70.

го числа граждан⁹⁸; ⁹⁹. По данным агентства Buzz Feed News, фейковые новости в конце предвыборной гонки получали большее распространение, чем обычные новости, и вызывали более активную реакцию среди пользователей Facebook¹⁰⁰. Фейковые новости положительно влияли на рейтинги Д. Трампа¹⁰¹ во многом потому, что в них персона Д. Трампа была заключена в позитивный контекст (например: папа римский поддержал кандидатуру Д. Трампа на выборах в США¹⁰²), в то время как фейковые новости о Х. Клинтон имели сугубо негативный характер (например: Х. Клинтон продает оружие Исламскому Государству или Х. Клинтон тяжело больна).

Фейки, сплетни и слухи легко создать, они часто не требуют доказательств и каких-либо подтверждений, они, как правило, апеллируют к чувствам и эмоциям аудитории, а первоначальное авторство почти всегда размыто. Более того, за счет коллективного характера распространения новости в социальных сетях ожидается истинность и правдивость информации. При необходимости любая часть вирусного контента социальных медиа может быть проверена тысячами пользователей, таким образом, повышается уровень доверия к контенту, но при этом не учитывается вероятность возникновения и циркулирования дезинформации.

Развлекательная политика. Развитие информационных технологий, и в первую очередь телевидения, способствовало в том числе и процессу трансформации политики в развлекательное шоу. Следуя желаниям своей аудитории и критериям новостийности, благодаря которым информация о событии может быть квалифицирована как новость, СМИ дозируют информацию, создавая при этом структуру общественных интересов.

---

⁹⁸ Pew research center. The Political Environment on Social Media [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewinternet.org/2016/10/25/the-political-environment-on-social-media/> (дата обращения: 21.10.17).

⁹⁹ Pew research center. Trump, Clinton Voters Divided in Their Main Source for Election News [Электронный ресурс]. URL: <http://www.journalism.org/2017/01/18/trump-clinton-voters-divided-in-their-main-source-for-election-news/> (дата обращения: 21.10.17).

¹⁰⁰ This Analysis Shows How Viral Fake Election News Stories Outperformed Real News On Facebook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.buzzfeed.com/craigsilverman/viral-fake-election-news-outperformed-real-news-on-facebook> (дата обращения: 15.09.17).

¹⁰¹ Могут ли фейковые новости повлиять на исход выборов в США [Электронный ресурс]. URL: <https://www.currenttime.tv/a/fake-news-stats-economy/28130645.html> (дата обращения: 20.10.17).

¹⁰² «Фейковые» новости про выборы в США покорили Facebook [Электронный ресурс]. URL: <https://rueconomics.ru/208141-feikovyie-novosti-pro-vybory-v-ssha-pokorili-facebook> (дата обращения: 11.11.17).

В этой связи достаточно интересной представляется модель селективной фильтрации, разработанная Дж. Галтунг и М. Руж¹⁰³. Ученые выделяют ряд критериев новостийности, которые можно рассматривать как маркеры информационного повода:

- частотность — критерий, позволяющий определить, в какой мере то или иное событие является рядовым и повседневным или же редким и уникальным;
- амплитуда — критерий, ориентирующий медиа на выбор событий, характеризующихся драматизмом по характеру протекания и последствиям — чем больше, тем лучше, чем драматичнее, тем вероятнее, что такой сюжет достигнет порога новостийности;
- удивление — критерий, позволяющий отбирать события, информация о которых неожиданна для реципиента и воспринимается им позитивно;
- однозначность — критерий, требующий от СМИ отражать события четко. Они должны быть поданы без усложняющих компонентов, так, чтобы сразу «бросались в глаза»;
- соответствие — критерий, основанный на учете того, насколько репрезентация события отвечает ожиданиям индивидов;
- узнаваемость — критерий, связанный с релевантностью события в контексте данной культуры, обеспечивающей его понимание;
- континуальность (непрерывность) — критерий, диктующий постоянство рубрик, разделов, а также периодичность выхода программ или номеров издания;
- композиция или баланс — критерий, в соответствии с которым поддерживается разнообразие медиарепрезентаций, позволяющее уравнивать сообщения одного вида сообщениями другого вида. Например, негативные новости уравниваются позитивными, международные — новостями о событиях внутри страны.

Иного взгляда на критерии новостийности придерживаются Т. Харкап и Д. Онил в статье «Что есть новости? Переосмысление Галтунга и Ружа»¹⁰⁴. По мнению авторов, на степень того, какое событие можно считать новостью, влияет:

- есть ли упоминание о политической элите (будь то отдельные личности или организации);

---

¹⁰³ Galtung J., Ruge M. Structuring and selecting news // *The Manufacture of News: Social Problems, Deviance and the News Media*. L., 1965. P. 62–72.

¹⁰⁴ Harcup T., O'Neill D. What is News? Galtung and Ruge revisited // *Journalism Studies*. 2001. Vol. 2. No 2. P. 261–280.

- упоминается ли селебрити;
- развлекает ли это событие (вызывает общественный интерес);
- вызывает ли удивление;
- хорошие это новости (например, спасение кого-то) или плохие (авария, трагедия);
- обладает ли это событие важностью;
- насколько оно близко культуре страны.

Таким образом, в соответствии с критериями новостийности СМИ чаще выбирают события с простой структурой, в которых есть конфликт либо драма с большей степенью привязки к той или иной персоне. В результате политика преподносится как развлекательное шоу. В условиях ускоряющейся коммуникации политика, организованная по правилам медиалогии, обязана быть интересной, забавной, быстрой и простой. Например, Twitter конструктивно ограничивает передачу подробных и сложных сообщений. Даже увеличив количество знаков в сообщении до 280, твит может быть умным или остроумным, но он не может быть сложным.

Безусловно, Д. Трамп использовал в своей предвыборной кампании знания и опыт в медиаиндустрии. Например, согласно результатам исследований ученых из Института языковых технологий университета Карнеги-Меллон, речь Д. Трампа по уровню сложности, подаче и словарному запасу соответствовала речи 11-летнего ребенка¹⁰⁵. Также Д. Трамп часто использовал речевой прием, при котором многократно повторял одну и ту же мысль, что позволяло его идеям быть максимально понятными и доходчивыми для его читателей и слушателей. Таким образом, упрощение и схематизация сложных тем в совокупности с юмором и сатирой ведет к эмоциональному восприятию политики и позволяет следить гражданам за политикой как за развлекательной программой.

Гибридность медиа. В настоящее время можно наблюдать размывание между журналистикой и нежурналистикой, взаимодействие и взаимопроникновение медиа, политической и публичной повестки дня. В этих условиях политики вынуждены адаптироваться к новым требованиям и проводить гибридную медиакампанию. Например, твиты Д. Трампа порой имели недосказанность и двусмысленность, а также часто содержали внутри себя взаимоисключающие тезисы, противоречия. Так, Д. Трамп писал в Twitter о том, что в случае, если он станет президентом, то увеличит финансирование армии, но спустя непродолжительное время говорил о том,

---

¹⁰⁵ Spice B. Most Presidential Candidates Speak at Grade 6–8 Level // Carnegie Mellon University [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cmu.edu/news/stories/archives/2016/march/speechifying.html> (дата обращения: 09.09.2017).

что он не собирается использовать армию вовсе. Таким образом, Д. Трамп получал дополнительное внимание со стороны прессы: журналисты пытались подловить политика на противоречиях и обсуждали их, что увеличивало его эфирное время. Лаконичный формат социальной сети Twitter и провокационный характер высказываний политика способствовали тому, что сообщения Д. Трампа оставляли большое количество вопросов и требовали более развернутых пояснений, для этого Д. Трампа приглашали на телевидение и брали интервью¹⁰⁶. Именно так Д. Трамп многократно оказывался на ведущих телевизионных каналах, чтобы объяснить свою позицию. И вновь это служило новым информационным поводом для репортажей и внимания со стороны СМИ и телезрителей. При этом благодаря своей фотогеничной внешности и телевизионному опыту, Д. Трамп мастерски вел обсуждения с известными журналистами на самые разные темы, умело апеллировал к массовой аудитории и привлекал избирателей. Более того, двусмысленными сообщениями в Twitter Д. Трамп давал возможность электорату толковать его тезисы по собственному усмотрению, даже если они оставались незамеченными средствами массовой информации.

Благодаря своему аккаунту в Twitter, Д. Трамп смог значительно уменьшить собственные расходы на проведение предвыборной кампании и, в частности, сэкономить на политической рекламе. Исследовательское агентство SMG Delta подсчитало, что эфирное время, которое получал Д. Трамп, когда его приглашали на телевидение, оценивается примерно в 5 млрд долл.¹⁰⁷ При этом для самого Д. Трампа это время оказалось бесплатным, во многом благодаря скандалам, связанным с его высказываниями в Twitter. Подсчет суммы производился путем сопоставления расходов на рекламу, которые пришлось бы осуществить, чтобы получить подобное время в эфире телеканалов. Согласно этим данным, Д. Трамп превосходил (по стоимости эфирного времени) всех кандидатов на праймериз вместе взятых с первого дня предвыборной гонки и до дня завершения голосования на праймериз.

Подводя итоги, необходимо остановиться на ключевых инструментах СМИ, которые в значительной мере являются определяющими для конструирования политической реальности или, как писал У. Липпман, для создания «картинок событий», внедряемых в сознание аудитории интерпретаторами

---

¹⁰⁶ Ветров И. Интернет победил телевизор. Как интернет и соцсети помогли Трампу победить Клинтон [Электронный ресурс] // Газета.ру. 09.11.2016. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2016/11/09/10318019/internetstv.shtml> (дата обращения: 25.09.2017).

¹⁰⁷ Confessore N., Yourish K. \$2 Billion Worth of Free Media for Donald Trump [Электронный ресурс] // The New York Times. March 15. 2016. URL: https://www.nytimes.com/2016/03/16/upshot/measuring-donald-trumps-mammoth-advantage-in-free-media.html?_r=0 (дата обращения: 22.05.2017).

реальности СМИ¹⁰⁸. В первую очередь, это традиционные инструменты воздействия СМИ, такие как установка медиаповестки дня, прайминг и фрейминг, формирующие набор тем, их содержание и приоритетность в личной повестке избирателей, а также изменяющие мнение населения о том или ином событии. В современных условиях массового роста СМИ, фрагментации аудитории, информационного изобилия, увеличения скорости создания и потребления медиапродукции можно выделить новые медиатехнологии конструирования и распространения «постправды»: а) персонализация политики (личность политического лидера становится важнее идей политического лидера); б) эмоционализация политики (смещение фокуса внимания аудитории на эмоции и чувства); в) развлекательность политики (упрощение и схематизация сложных тем совместно с юмористической подачей информации ведет к эмоциональному восприятию политики в целом). Более того, в последние годы не телевидение, а именно интернет и в частности социальные сети за счет своей доступности и интерактивности являются площадками для развития популизма. При этом онлайн-популизм и «постправда» с легкостью переходит в офлайн-пространство. В Италии, например, комик Б. Грилло создал самый популярный блог в стране, привлекая гораздо больше внимания общественности, чем те ресурсы, которыми располагали основные политические партии, а Д. Трамп, используя знания и опыт в медиаиндустрии, смог с помощью Twitter влиять на медиаповестку дня в свою пользу.

§ 3. Мемы как инструмент политики «постправды»

Феномен мемов в интернет-пространстве. Вряд ли возможно утверждать, что феномен мемов является ультрасовременным и новым явлением. Всплеск его популярности можно объяснить тем, что впервые он приобрел комфортную среду для своего существования, распространившись в пространстве социальных сетей с их скоростной передачей информации чаще всего малозначимой и устаревающей в первые секунды после опубликования.

Первые способы его осмысления в современной научной литературе относят к книге Ричарда Докинза «Эгоистичный ген»¹⁰⁹, вышедшей в свет в 1976 г. Хотя в этом контексте можно вспомнить работы многих известных психиатров конца XIX — начала XX в., исследовавших влияние широко распространяющихся средств массовой коммуникации на человеческое сознание. В этот период времени, когда идеи нового политического поряд-

---

¹⁰⁸ Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

¹⁰⁹ Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. Н. О. Фомина. М.: Мир, 1993. 318 с.

ка и стремление к техническому и общечеловеческому прогрессу приобретают новые, подчас весьма агрессивные окрасы, возникновение радио, кинематографа еще больше расширило возможности для усвоения новой, не всегда необходимой человеку информации.

Можно встретить две трактовки понятия «мем». Первое, весьма широкое, трактует его как общую, всеохватывающую единицу информации, содержащую в себе знание о том или ином событии. В данном аспекте происходила апелляция к мемам как к некому культурному коду, так и наиболее простым способом передачи информации, легким для человеческой психики, в частности особенностям ее восприятия в условиях информационного общества. Соответственно, под категорию мемов попадают практически все жизненные явления, а их сравнение с геномом превращало в некий код матрицы всеобщего существования. Такой подход был характерен для последователей меметики, науки о мемах, даже издававших на протяжении долгого времени свой научный журнал¹¹⁰.

Вторая трактовка подразумевает мем как явление, связанное с интернет-пространством и являющееся частью виртуального фольклора. В его качестве выступает забавная фраза, изображение, видео или и то и другое сразу. Идеальная ситуация такова, что данный объект должен пользоваться огромной популярностью, быть актуальным и понятным хотя бы среди небольшой аудитории. Впрочем, чаще всего под эту категорию попадают просто любые образцы интернет-фольклора, имеющие визуальную составляющую.

Сразу, однако, следует пояснить, что к мемам относится не только созданный неизвестными авторами контент, но и фразы, и случаи, произошедшие в реальности и как раз и выступающие в качестве основного источника вдохновения. Иногда в них превращаются и кадры из известных фильмов или мультфильмов, цитаты из телевизионных передач и шутки известных комиков, оговорки (причем необязательно это должны быть публичные персоны, зачастую «авторами» мемов становятся персонажи You-Tube).

Весьма продуктивным представляется воспринимать мем как нечто среднее. Его вирусная природа, всеохватность, а также основная среда обитания в настоящее время приводят к тому, что он превращается в общеизвестный тренд, как правило, весьма кратковременный. Причем распространяется не только в пределах интернет-пространства, но и становится частью повседневного быта офлайн, превращаясь не только в часть речи, но и в предметы быта, аксессуары, одежду (см., напр., рис. 1 и 2).

---

¹¹⁰ Савицкая Т. Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры // Культура в современном мире. 2013. № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://infoculture.rsl.ru/NIKLib/alhome/news/KVM_archive/articles/2013/03/2013-03_r_kv-m-s3.pdf (дата обращения: 12.12.2017).

Рис. 1. Круги с известными высказываниями В. В. Путина и Д. А. Медведева
(Источник: фото автора)

Рис. 2. Чехол для смартфона с изображением В. В. Путина с портретом и надписью Putin Party (Источник: фото автора)

Существование феномена мемов можно в этом контексте отнести к одной из старейших форм коммуникации (впрочем, сейчас можно говорить о ее рассвете: в конце 2017 г. ряд крупных изданий и интернет-порталов, например «Яндекс», «Комсомольская правда», даже составляли рейтинги самых популярных мемов года¹¹¹). В некотором отношении такие формы народного творчества, как поговорки, пословицы, присказки, крылатые слова и выражения, а также афоризмы, можно отнести именно к категории мемов: они всем известны, охотно распространяются, понимаются с полуслова и порождают большое количество подражаний.

По своим жанровым особенностям мемы наиболее близки к сатире. Их основная цель не рассмешить, а высмеять. Причем указание на недостатки происходит отнюдь не в элегантной и изящной форме. Мемы прямолинейны и говорят о чем-либо не языком метафор. Средства выразительности также не отличаются разнообразием, что, впрочем, закономерно: потенциальный адресат мема должен не задумываясь считать его из общего потока своей ленты и принять к сведению, не прилагая дополнительных усилий. Возможно, по этой причине для усиления эффекта часто используются жаргонизмы, просторечные слова и нецензурная лексика.

Давний спор между тем, где проходит граница между смешным и оскорбительным в мемах, чаще всего решается в пользу безобразного. Цинизм, присущий данному феномену, экстраполируется как на тематику, так и на форму воплощения. Одним из наиболее наглядных примеров является мем про «Половину маршрутки», появившийся в 2017 г. демотиватор, претендующий на наивную глубокомысленность, на котором изображена печальная девочка в сером платке и надпись, носящая по идее антимилитаристский характер (см. рис. 3). Явная надуманность ситуации, неискренность рассказа, эксплуатация темы детства, а главное, надуманный и глупый финал, породили за собой целый ряд мемов, связанных с «половиной маршрутки» (см., напр., рис. 4). Осмеянию подверглась как лирическая героиня (в данном случае следует подчеркнуть изначальную неэтичность создателей демотиватора), псевдофилософский вопрос и театрализация ситуации. Самыми популярными стали разделение пассажиров маршрутки на «бесчувственных» и «плачущих», а также способы «деления» маршрутного такси. Появились не только многочисленные иконографические образы, но в том числе и специальная маска в социальной сети «ВКонтакте»:

---

¹¹¹ Темы 2017 года в поиске Яндекса [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/company/researches/2017/year-themes> (дата обращения: 12.12.2017); Пушкарев Г. «Ждун», «на донышке», «это фиаско, братан»: календарь лучших мемов 2017 года // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26775/3809242/> (дата обращения: 12.12.2017).

половина лица пользователя закрывается маршруткой и в момент речи из ее окон льются крупные слезы.

Рис. 3. Демотиватор «Плачущая половина маршрутки» (Источник: <https://meduza.io/shapito/2018/02/07/v-istoriyah-vkontakte-poyavilas-mask-a-v-vide-poloviny-marshrutki-esli-otkryt-rot-ona-zaplachet>)

Рис. 4. «Половина маршрутки» (Источник <https://meduza.io/shapito/2018/02/07/v-istoriyah-vkontakte-poyavilas-mask-a-v-vide-poloviny-marshrutki-esli-otkryt-rot-ona-zaplachet>)

В данном аспекте мы видим, как вирусный мем, так и способ демонстрации негативных сторон тех или иных событий. Этот пример особенно нагляден в том контексте понимания жанра сатиры и феномена политического юмора как такового: в поле зрения насмешки безобразным чаще всего становится то, что является таковым. Описанные выше композиция и дискурс демотиватора, изначально представляют собой довольно циничное зрелище, апеллирующее к самым искренним и светлым человеческим чувствам, но низводящими их до абсурда. Таким образом, авторы подражаний, способствовавших превращению образа в мем, просто сделали его интерпретацию более явной, подчеркнув средства выразительности, направленные на ожидаемый авторами эффект.

Как и любая форма народного творчества, а мемы вполне можно отнести к этой категории, она всеохватна в своей тематике и делает акцент на наиболее волнующих общество событиях, а также отображает принятые нормы и правила поведения. При этом наряду с мемами, придуманными в конкретной стране, начинают существовать интернациональные персонажи, которые понятны всем и очень легко инкорпорируются в любой дискурс. Здесь можно привести одного из известнейших персонажей 2017 г. — Ждуна (официальное название *Homunculus loxodontus*), изначально придуманного в 2016-м скульптором Маргрит ван Бреворт из Нидерландов для детской больницы Лейденского университета и олицетворяющего пациента, ожидающего услышать свой окончательный диагноз.

Это трогательное серое существо стало героем множества фотожаб (фотоколлажей, сделанных с помощью компьютерных программ) на темы, охватывающие все стороны человеческого быта, а также было помещено на картины известных художников. Естественно, возникли мемы и на политическую тематику. В русскоязычном сегменте интернета большинство из них оказались связаны с политическими ожиданиями Украины относительно членства в Европейском союзе или Североатлантическом альянсе, а также образом самого президента Петра Порошенко (см., напр., рис. 5). Заметим, что на самой Украине Почекун (а именно так там зовут Ждуна), шагнул за пределы интернета в Верховную раду: 24 февраля 2017 г. один из одиозных депутатов принес в здание парламента его плюшевую игрушку и усадил в депутатское кресло, как олицетворение ожиданий украинского народа на то, что парламентарии все же будут участвовать в заседаниях и работать на благо страны (его присутствующим коллегам шутка понравилась настолько, что, по сообщениям СМИ, его даже на некоторое время посадили на трибуну)¹¹².

---

¹¹² Плюшевый Ждун появился на заседании Верховной рады [Электронный ресурс]. <https://lenta.ru/news/2017/02/24/waitingforthesun/> (дата обращения: 12.12.2017).

Рис. 5. Демотиватор с П. Порошенко и Ждунот «В ожидании безвиза» (Источник: https://pikabu.ru/story/bezviz_blizko_i_tak_daleko_4794940)

Этот пример наглядно демонстрирует, как изначально аполитичный персонаж может оказаться инструментом формирования политической повестки дня, причем влиять на нее как в положительном, так и в отрицательном ключе.

Национальный колорит и политический подтекст мемов. Отдельно следует отметить мемы, связанные с трансляцией неких национальных ценностей и демонстрацией того, что принято называть особенностями менталитета. Причем не обязательно лишь своего собственного.

Мемом может стать все что угодно — от внешних черт до определенных поступков. Может произойти и некое искусственное конструирование: здесь можно вспомнить фразу писателя-сатирика Михаила Задорнова: «Ну, тупые американцы. Ну, тупые», — вокруг которой был выстроен не только ряд его дальнейших рассказов и шуток, но и собственно говоря образ жителей Соединенных Штатов Америки.

Тезис, не подкрепленный ничем, кроме собственных наблюдений автора, и изначально основывавшийся на комических бытовых ситуациях, в которые попадали эмигранты из России или Советского Союза (разрешавшихся в разрез с традициями и нормами, принятыми в этом государстве

способами, вызывающими к тому же улыбку и недоумение), тем не менее оказался весьма своевременен в свете постепенно ухудшающихся отношений между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки и, как следствие, изменения общественного дискурса.

Существующая долгие годы практика конструирования врага, длившаяся весь период холодной войны, но не прекращавшаяся, кстати, в Северной Америке и после распада Советского Союза (в некотором смысле к мемам можно отнести бытующие в американских средствах массовой информации и кинематографе образы «русской мафии», «русского медведя» и «русской угрозы» как таковой, так и добавившиеся к ним в последние годы «русские хакеры» и «вмешательство во внутреннюю политику»), в отличие от России 1990-х гг., теперь вновь стала носить обоюдный характер.

Шутка про умственные способности граждан Соединенных Штатов Америки (иногда к ним добавлялись граждане стран Западной Европы) имела большой успех и перешла в разряд крылатых выражений, при этом парадокс ситуации заключался в том, что она касалась в большей степени не простых американцев, иначе говоря, народа (в этом дискурсе они выступали в роли жертв амбиций политиков), а правительства, точнее, проводимой им внешней политики.

В настоящее время, хоть данный мем и стал частью популярной культуры начала 2000-х гг., однако его отголоски до сих пор можно обнаружить в современном дискурсе, например в комедийных сериалах: «Как я стал русским» (СТС, 2015), «Адаптация» (ТНТ, 2017) или даже в драматичном «Лондонграде» (СТС, 2015) (хоть там речь идет о русских в Великобритании, но рефрен о противопоставлении собственной инаковости всему миру остается центральным).

Между тем в дискурсе Соединенных Штатов Америки мемы о русской угрозе становятся активным инструментом «политики постправды». Самый популярный — русские хакеры, вмешивающиеся и влияющие на исход выбора президента, да и саму политику государства. Отнюдь не комический мем между тем начинает, несмотря на свою абсурдность, воплощать страх перед возможностью таковой ситуации. Рассуждения о друзьях и врагах, соотношение «свой — чужой», их возникновение являются одной из важнейших тем политической философии¹¹³, и мы не будем на них останавливаться, однако мемы зачастую только демонстрируют уже обозначенные в общественном сознании границы, являясь наглядными иллюстрациями¹¹⁴.

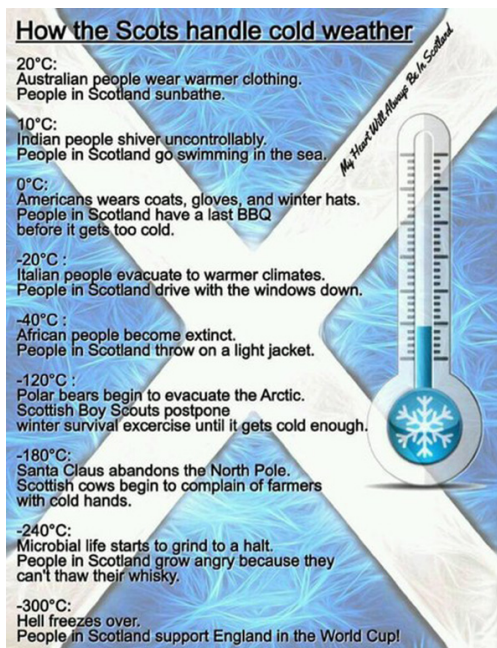
---

¹¹³ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–67.

¹¹⁴ Лысенко Е. Н. Интернет-мемы в коммуникации молодежи // Вестник СПбГУ: Социология. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 410–424. С. 411.

Это свойственно любым народам и странам. Противопоставление себя другим, естественно, в свою пользу отчасти является способом не только позиционирования, но и способом продемонстрировать собственную национальную идентичность и специфику, отличие от всего мира в эпоху глобализации. И здесь это, вероятно, в самом общем виде можно сопоставить с феноменом глокализации.

На рис. 6 и 7 представлены примеры такого позиционирования шотландцев. Оба этих изображения несут в себе крайнее противопоставление себя остальным народам. В комической форме преподносится крайняя выносливость и сила жителей Шотландии. При этом стоит отдельно отметить, что антиамериканизм, о котором речь шла выше, присутствует и на этих рисунках: американцы переносят холод настолько плохо, что при нулевой температуре кутаются в теплую одежду, в то время как шотландцы только-только завершают сезон барбекю; американцы не способны справиться с подъемом бревна силами и нескольких военных, а для жителей высокогорья бросание бревна является исконной народной забавой.

Рис. 6. Как шотландцы переносят холод (Источник: <https://ru.pinterest.com/pin/484066659928722948/>)

Рис. 7. Тем временем в Шотландии (Источник: <https://funnyjunk.com/Meanwhile+in+scotland/funny-pictures/5282675/>)

В качестве знаковой и запоминающейся темы для мема могут также выступать как исторические периоды, например советское прошлое, ставшее за последние 15 лет объектом как символизации, так и мифологизации.¹¹⁵ Однако, как правило, в рамках пространства социальных сетей, как правило, происходит отсылка скорее к элементам советской культуры и иногда знаковых событий, нежели к политике и политическим событиям. Советские лидеры для интернет-аудитории также переходят в разряд исторических персонажей, нежели идеологических.

Одним из политических деятелей современности, ставшим героем мемов, является депутат Государственной думы, лидер партии ЛДПР Владимир Вольфович Жириновский. Эпатажный политик, запоминающийся множеством ярких и не всегда однозначных заявлений, характерными мимикой и жестикуляцией, активно использующий, наверное, все сред-

¹¹⁵ Евгеньева Т. В. Образно-символические репрезентации советского прошлого в современной политике // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2015. Т. 11. № 3. С. 16–31.

ства массовой коммуникации, породил массу мемов различной тематики, но всегда имеющий экспрессивную эмоциональную окраску (рис. 8).

Рис. 8. Демотиватор с В. В. Жириновским (Источник: http://www.nakanune.tv/news/2016/04/25/hodyachiy_mem_kak_vladimir_zhirinovskiy_stal_legendoy_runeta/)

Вероятнее всего, в данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда образ изначально популярного политика, имеющего множество запоминающихся черт (а В. В. Жириновский всегда был одним из любимейших объектов пародий различных комиков), начинает существовать в отдельном пространстве, порой повторяя свой оригинал лишь в какой-то отдельной черте — в представленном кейсе ей является зашкаливающая эмоциональность.

Однако остается по-прежнему открытым вопрос: насколько на самом деле соотносятся между собой мемы и «политика постправды»? Мем с любой тематикой очень легко превратить в политизированный объект, носящий идеологический характер, выгодный той или иной политической группе. Изначально бытующий как часть виртуальной повседневности и популярной культуры, он обладает чрезмерной податливостью, позволяющей переводить любую правду в разряд «постправды», когда важно не содержание, не форма, а обертка, в которую это все запаковано. Впрочем, здесь скрывается и другая особенность: в том потоке информации, в котором обитает современный человек, очень просто не заметить и самый яркий фантик, а смена новостного фона и вовсе делает интерес ко всему поверхностному.

ГЛАВА 6.

ГРУППЫ ДАВЛЕНИЯ В ЭПОХУ «ПОСТПРАВДЫ»

---

§ 1. Группы давления: от закрытости к публичности

Группы давления, как объединения людей, направленные на защиту и достижение своих интересов посредством организованного влияния на органы государственной власти, являются очень древними субъектами политики. Но в современных обществах характер лоббирования ими своих интересов существенно изменился. Группы давления переходят от закрытости к публичности. Их деятельность во все большей степени смещается в плоскость массовых коммуникаций и отражает господствующие ныне реалии «постправды», то есть положения, при котором «объективные факты менее влияют на формирование общественного мнения, чем призывы к эмоциям и личным убеждениям»¹¹⁶.

Группы давления непосредственно связаны с группами интересов и проистекают из них. Группы интересов, представляя собой социальные группы, объединенные общим интересом, являются базовыми элементами любого общества. Они очень многочисленны и разнообразны, начиная от ассоциаций предпринимателей и профсоюзов и заканчивая экологическими движениями и разного рода клубами для совместного проведения досуга. Однако далеко не все группы интересов прибегают к организованному политическому давлению на органы государственной власти. Те из групп интересов, которые осуществляют такую деятельность, определяются в качестве групп давления. И количество таких групп в современных обществах неизменно возрастает.

Исторически лишь небольшой круг людей и организаций обращались к лоббированию своих интересов (аристократы, крупные предприниматели, корпоративные объединения и т. п.). Позднее к их числу присоединились массовые профессиональные союзы и новые социальные движения: правозащитные, экологические, антивоенные и другие организации.

---

¹¹⁶ Post-truth // Oxford Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth> (дата обращения: 27.08.2017).

В настоящее время очень многие социальные субъекты превратились в группы давления и стали использовать лоббизм для отстаивания своих интересов. Среди них малый и средний бизнес, благотворительные организации, спортивные союзы, учреждения образования и здравоохранения, региональные и муниципальные власти, этнические объединения и многие другие.

Лоббизм в современных обществах трансформировался от единичных контактов с депутатами парламента в стабильную и интенсивную систему социально-политического взаимодействия. Группы давления тратят очень большие деньги на защиту своих интересов в политическом процессе. Безусловными лидерами в этих вопросах являются представители бизнеса. Однако все группы давления, вне зависимости от направленности своей деятельности, расходуют на лоббизм значительные в сравнении с имеющимися у них бюджетами средства. Например, в США в 2016 г. Торговая палата потратила на лоббизм 103 950 000 долл., Национальная ассоциация риелторов — 64 821 111 долл., Американская ассоциация госпиталей — 22 117 895 долл., компания «Боинг» — 17 020 000 долл., Национальная ассоциация телерадиовещателей — 16 438 000 долл., Круглый стол бизнеса — 15 700 000 долл., корпорация «ЭксенМобил» — 11 840 000 долл. и т. д.¹¹⁷

Помимо увеличения масштабов, изменились и методы лоббизма. Ранее группы давления использовали почти исключительно прямой лоббизм, непосредственно вступая в контакты с политиками, предоставляя необходимую информацию, готовя проекты законов, участвуя в работе разного рода совещательных структур, финансируя избирательные кампании и т. п. Сейчас неуклонно растет значение не прямых методов лоббирования. Группы давления все в большей степени предпочитают воздействовать на органы государственной власти посредством мобилизации общественного мнения, оплачивая рекламу в средствах массовой информации, проводя рассылку писем, факсов и сообщений по электронной почте, собирая подписи под петициями, организуя пресс-конференции, митинги, демонстрации, пикеты и т. д.

Данные изменения в практикуемых группами давления методах лоббирования обусловлены тем, что выработка политики в настоящее время во все большей степени опирается на общественное мнение, которое выступает в качестве «всепроникающей и динамической силы»¹¹⁸. Правители

---

¹¹⁷ См.: Center for Responsive Politics. Top Spenders 2016 // Site of the Center for Responsive Politics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opensecrets.org/lobby/top.php?showYear=2016&indexType=s> (дата обращения: 09.12.2017).

¹¹⁸ Брум Г. Общественность и ее мнение // Элитариум. 2005. 17 ноября [Электронный ресурс]. URL: http://www.elitarium.ru/obshhestvennost_i_ee_mnenie/ (дата обращения: 01.12.2017).

во все времена уделяли некоторое внимание воззрениям своих подданных, однако в современных демократических обществах, по мере увеличения подотчетности власти гражданам, растет и ориентация политиков на общественное мнение. Все больше людей стали понимать, что «влияние на умы, формирование сознания — более глубокая и устойчивая форма доминирования, нежели власть над телом посредством устрашения или насилия»¹¹⁹.

Коммуникационная революция конца XX — начала XXI в., связанная с дигитализацией, развитием интернета и социальных сетей, широкополосной передачей данных, продвинутым программным и аппаратным обеспечением, возникновением новых медиа и многим другим¹²⁰, радикально упростила обмен информацией, сделав современные общества поистине информационными. Демократические страны живут сейчас в принципиально новой информационной среде с возможностями мгновенной массовой коммуникации и беспрепятственного получения сведений со всего мира. Взаимодействие между государством и гражданами предельно упростилось. Политическая власть стала на порядок более открытой и прозрачной для граждан. Электронная демократия из мифа превратилась в реальность. Все больше политических вопросов решается в настоящее время не в коридорах власти, а в пространстве массовых коммуникаций.

В силу всего вышесказанного не удивительно, что группы давления перешли от закрытости к публичности. Их лоббистская активность концентрируется уже не только на политиках, но и на рядовых гражданах. Представители групп давления правильно осознают, что изменения в общественном мнении неизбежно повлекут за собой и изменения в политическом курсе. Направленность лоббизма постепенно смещается в пространство массовых коммуникаций. И несомненный интерес в этой связи представляет анализ деятельности групп давления в современных процессах массовой коммуникации, которые характеризуются доминированием «постправды», то есть «размыванием границ между правдой и ложью, честностью и нечестностью, фактами или вымыслом»¹²¹, где «обращение

---

¹¹⁹ Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 9.

¹²⁰ См.: Inside the Communication Revolution: Evolving Patterns of Social and Technical Interaction / ed. by R. Mansell. N. Y.: Oxford University Press, 2002; McChesney K. Communication Revolution: Critical Junctures and the Future of Media. N. Y.: The New Press, 2007; Cowhey P., Aronson J., Abelson D. Transforming Global Information and Communication Markets: The Political Economy of Innovation. Cambridge: MIT Press, 2012 и др.

¹²¹ Корецкая О. В. Концепт Post-Truth как лингвистическое явление современного английского медиадискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73). В 3 ч. Ч. 3. С. 137.

к эмоциональной составляющей и личным убеждениям становятся более существенным фактором воздействия, нежели объективные факты»¹²².

§ 2. Элементы «постправды» в информационных кампаниях групп давления

Информационные кампании в лоббизме представляют собой совокупность действий по доведению сведений до широкого круга лиц в целях мобилизации общественного мнения в пользу или против той или иной политики. Информационные кампании являются на сегодняшний день для групп давления одним из основополагающих методов лоббизма¹²³. Практически все группы давления время от времени или на постоянной основе обращаются к информационным кампаниям как для лоббирования конкретных политических решений, так и для улучшения имиджа и усиления общественно-политического влияния. И во многих информационных кампаниях групп давления явственно прослеживаются элементы «постправды».

Как мы уже отмечали, в течение длительного времени в лоббизме безусловно доминировали прямые методы воздействия. Группы давления старались избегать публичности, предпочитая оставаться вне поля зрения широкой общественности. Но ситуация резко изменилась в 1990-е гг. Отправной точкой указанной трансформации выступили выборы президента США в 1992 г. В ходе предвыборной кампании Б. Клинтон в качестве одного из ключевых пунктов своей политической программы выдвинул реформу здравоохранения. После победы на выборах новый президент незамедлительно инициировал начало разработки этой реформы. Программа реформирования системы здравоохранения получила широкую общественную поддержку: профсоюзы, общественные организации в сфере здравоохранения, пенсионеры и союзы потребителей заявили о ее одобрении. По данным Института Гэллапа, 68 % респондентов сказали, что они были «совершенно уверены или скорее уверены», что план Б. Клинтона будет успешно осуществлен. Принимая во внимание наличие влиятельных политических сторонников и сильную общественную поддержку, можно

---

¹²² Палий О. Л. Post-truth: история слова года (2016) по версии Оксфордского словаря английского языка // Безопасность, личность, общество: социально-правовые аспекты. СПб.: Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2016. С. 154.

¹²³ См.: Godwin K., Ainsworth S., Godwin E. Lobbying and Policymaking. Thousand Oaks: CQ Press, 2012; Andres G. Lobbying Reconsidered: Politics Under the Influence. N. Y.: Routledge, 2017.

было утверждать, что реформа здравоохранения непременно будет реализована¹²⁴.

Однако не все было так благополучно, как казалось на первый взгляд. Нашлась группа интересов, которая обнаружила проблемы и опасности реформы. Суть вопроса заключалась в том, что осуществление президентской программы реформирования системы здравоохранения привело бы к банкротству около трехсот средних и малых компаний медицинского страхования. Опираясь на свой профсоюз — Американскую ассоциацию медицинского страхования, — эти структуры начали действия по защите своего бизнеса. Анализируя сложившуюся ситуацию, страховые компании справедливо оценили бесперспективность традиционных, включающих в себя прямые методы воздействия, усилий по лоббированию своих интересов, так как план Б. Клинтона пользовался огромной поддержкой в среде американского истеблишмента. В результате был выбран иной путь — обеспечить поддержку широких слоев населения, чтобы надавить на политиков и изменить или отменить предложенный проект реформы.

Разработанная лоббистская кампания нового типа включала в себя телефонные контакты, прямую почтовую рассылку и сплочение лидеров общественного мнения на местном уровне. Были наняты исследователи общественного мнения для мониторинга и анализа эффективности информационных посланий и определения лоббистских стратегий. Но главным и самым заметным элементом лоббистской кампании была серия телевизионных роликов, которая изображала типичную американскую пару среднего класса — Гарри и Луизу, — узнавшую, как негативно повлияет на их жизнь инициативная Б. Клинтон реформа. Производство и демонстрация этих роликов стоили около 17 млн долл. Указанные ролики были ориентированы не на политиков и чиновников, а обращались напрямую к американцам — особенно к лидерам общественного мнения на местах, где смотрят много новостных программ, в которых и были размещены сюжеты о Гарри и Луизе¹²⁵.

Избранная стратегия принесла свои плоды. Проведенная Американской ассоциацией медицинского страхования лоббистская кампания уменьшила число поддерживающих проект реформы до 30 % и увеличила количество тех, кто ею недоволен, до 60 %. По данным опроса, проведенного Институтом Гэллапа в конце 1993 г., только 8 % респондентов сказали, что они стали бы «жить намного лучше» после реализации этой

---

¹²⁴ См.: *Годдард Б.* Кампании поддержки политических решений // Справочник по политическому консультированию. М.: ИНФРА-М, 2002. С. 211–212.

125 Там же. С. 212.

политической инициативы. В итоге, благодаря лоббистской кампании, общий бюджет которой составил 21 млн долл., реформа системы здравоохранения — один из базовых пунктов внутривнутриполитической программы президента Б. Клинтона — так и не была осуществлена¹²⁶.

Огромный и неожиданный успех лоббистской кампании Американской ассоциации медицинского страхования видоизменил представления о методах эффективного лоббизма. Все больше групп давления стали прибегать к информационным кампаниям. Лоббисты осознали, что мобилизация общественного мнения может стать решающим фактором в политической борьбе. Ценность для лоббирования приобрели специальные знания в области связей с общественностью и доступ к каналам массовой коммуникации. В лоббизм пришли новые люди — пиарщики и журналисты. Информационные кампании заняли очень важное место в арсенале современных лоббистов. В настоящее время сила общественного мнения достигла такого уровня, что ни одна группа давления не может достигнуть избранных целей без формирования благоприятных представлений о себе и своей деятельности у населения.

Вместе с тем применение группами давления информационных кампаний связано с одной серьезной проблемой. В этих кампаниях нередко проявляются элементы «постправды». Нельзя сказать, что они дают ложную информацию. Но сообщения таких кампаний часто тенденциозны. Они преувеличивают значение одних фактов и замалчивают другие, концентрируют внимание на тех моментах, которые выгодны их заказчикам. В ряде случаев речь может идти о прямом манипулировании общественным мнением.

Наиболее распространенным элементом «постправды» в современных информационных кампаниях групп давления является их постоянное стремление выдавать собственные интересы за интересы общества. Так, концерны ВПК связывают свою деятельность с национальной безопасностью, фармацевтические фирмы — со здоровьем населения, IT-индустрия — с развитием высоких технологий и т. п. И это касается не только групп давления бизнеса. Представители университетов и школ предпочитают выражать свои требования не в терминах доходов сотрудников или количества рабочих мест, но говоря о необходимости сохранения или повышения уровня образования и т. д. В постиндустриальных обществах разделяемые всеми ценности имеют очень большое значение. И группы давления часто защищают свои интересы апеллируя к идеям общественного блага.

---

¹²⁶ Там же. С. 212–213.

Прекрасным примером такого рода манипулирования является лоббирование интересов ядерной энергетики в США. Данная отрасль потеряла общественное доверие после череды аварий на АЭС в 1970-е гг. Требования к безопасности ядерных электростанций были серьезно ужесточены. Это сделало их строительство более затратным. В результате в США с 1977 по 2009 г. не было начато строительство ни одной АЭС. В этих условиях представители отрасли обратились к широкомасштабному лоббированию своих интересов. Для осуществления и координации лоббистских усилий была создана специальная организация — Институт атомной энергии. В своей деятельности данный институт опирался как на штатных лоббистов, так и пользовался услугами большого числа профильных фирм. Главной идеей лоббистских кампаний было формирование представлений о большом потенциале ядерной энергетики и ее роли в сокращении выбросов углекислого газа в атмосферу. Со временем лоббистские усилия принесли свои плоды. Атомная промышленность получила ряд преференций от государства. Б. Обама включил ядерную энергетику в свою программу производства к 2035 г. 80 % электричества в США из экологически чистых источников¹²⁷.

Помимо камуфлирования, представлениями об общественном благе частных интересов в информационных кампаниях групп давления присутствуют и более явные элементы «постправды». В частности, это проявляется в таких лоббистских технологиях, как «флогинг», «гринвошинг», «медиаджакинг» и «сокпаппетинг». Флогинг (от англ. *flogging*; *false blog* — «фальшивый блог») представляет собой распространение информации через фальшивые, созданные специально для этого блоги. Гринвошинг (от англ. *greenwashing* — «зеленая стирка») подразумевает искусственное поддержание экологически-ориентированного имиджа компании. Медиаджакинг (от англ. *media-jacking* — «медийный перехват», «воровство») означает использование для продвижения своих сообщений чужих площадок или информационного пространства. Сокпаппетинг (от англ. *sockpuppeting*; *sock puppet* — «ручная кукла») включает в себя создание искусственного ажиотажа в интернете с помощью клонов или интернет-ботов¹²⁸. В целом можно констатировать, что элементы «постправды» прочно вошли в практику современных информационных кампаний групп давления.

---

¹²⁷ См.: Лоббизм в США: Как осуществляется лоббизм в США и что можно позаимствовать для России. М.: Фонд ИСЭПИ, 2013. С. 32–33.

¹²⁸ См.: GR и лоббизм: теория и технологии / под ред. В. А. Ачкасовой, И. Е. Минтусова, О. Г. Филатовой. М.: Юрайт, 2017. С. 87–89, 121–123, 140–141.

§ 3. Кампании «грассрутс» и «астротурфинг»

Кампании «грассрутс» (от англ. grassroots — «корни травы» — «простой народ», «широкие массы»), в отличие от информационных кампаний, нацелены не на формирование, а на демонстрацию общественного мнения. Сущность этих кампаний заключается в том, чтобы тем или иным образом показать политикам, что значительное число людей поддерживают определенную точку зрения или, наоборот, выступают против какой-то позиции. Кампании «грассрутс» предполагают организацию массовых потоков писем, телеграмм, телефонных звонков от простых граждан и лидеров общественного мнения в органы государственной власти с целью повлиять на процессы выработки политического курса. Также к кампаниям «грассрутс» относится проведение пикетов, демонстраций, маршей и прочих публичных мероприятий, одобряющих или осуждающих те или иные политические решения. Группы давления часто используют кампании «грассрутс» для лоббирования своих интересов. И в этих кампаниях также присутствуют ярко выраженные элементы «постправды».

Прекрасным примером масштабной кампании «грассрутс» может служить кампания, проведенная в конце 1980-х гг. в США Национальной ассоциацией кредитных союзов против Американской ассоциации банкиров. Ассоциация банкиров вела лоббирование против Ассоциации кредитных союзов, добиваясь отмены их статуса освобожденных от уплаты налогов и упразднения федерального агентства — независимого регулятора кредитных союзов, — ставя вопрос о честной конкуренции и приравнении операций со страховыми выплатами к требованиям для банков. Национальная же ассоциация кредитных союзов, представляя данную ситуацию иначе — как «борьбу денежных мешков с независимыми объединениями граждан», — организовала кампанию «грассрутс»: 50 лиг кредитных союзов штатов инициировали поддержку населения: формуляры петиций были разосланы по 15 тыс. союзов, а вкладчиков, которые пришли совершить очередные финансовые операции, попросили их подписать. В течение шести месяцев было собрано более 5 млн подписей, и каждый член конгресса получил приблизительно 10 тыс. петиций от избирателей своего округа, что и оказало решающее воздействие на законодателей. Ассоциация кредитных союзов одержала убедительную победу¹²⁹.

Пионерами в применении технологий «грассрутс» были крупные организации гражданского общества. Причины подобного положения лежат на

---

¹²⁹ См.: Иванов Н. Б. Современная организация лоббистских кампаний (на примере США) // Власть. 1999. № 3. С. 42.

поверхности. Имея разветвленную структуру и большое количество членов, такие ассоциации могут эффективно мобилизовать людей для давления на органы власти. Информирова своих сторонников о затрагивающих их интересы проблемах, рассылая им образцы петиций, побуждая совершать телефонные звонки и отправлять телеграммы политикам, призывая участвовать в демонстрациях и пикетах, ведущие гражданские организации неизменно достигают политического успеха в силу присущей им массовости и дисциплинированности членов. Многие из таких ассоциаций имеют налаженную инфраструктуру для проведения кампаний «грассрутс», включающую в себя специально обученных гражданских активистов, базы данных, со сведениями о членах организации и тех, кто может ее поддержать, и технические возможности для быстрой обработки и распространения больших объемов информации.

Позднее к практике политического давления посредством кампаний «грассрутс» стали прибегать и коммерческие корпорации. В качестве рядовых участников лоббирования они зачастую используют собственный персонал. Подобные альянсы между бизнесменами и работниками не редкость, так как и те и другие заинтересованы в процветании своих предприятий. В этих случаях организаторы «грассрутс»-кампаний стараются наладить эффективную коммуникацию с работниками. Объяснить им, что происходит, и рассказать о том, как они могут повлиять на ситуацию. Помимо этого, организаторы стремятся обеспечить всю материальную базу для проведения «грассрутс»-кампаний: образцы писем, бумагу, ручки, конверты и пр. Создавая инфраструктуру подобного лоббирования, бизнесмены получают действенные инструменты политического давления, которые могут использоваться неоднократно. И такая инфраструктура часто охватывает не только сотрудников предприятий, но и клиентов, поставщиков, партнеров и других лиц.

Коммуникационная революция предоставила новые возможности для проведения кампаний «грассрутс». Многочисленные технологические инновации конца XX — начала XXI в. — мобильные телефоны, электронная почта, интерактивные сайты, социальные сети, карманные компьютеры и многое другое, глубоко преобразова повседневную жизнь, значительно повысили эффективность социально-политического взаимодействия и многократно упростили организацию «грассрутс»-кампаний. Стало намного легче мобилизовать сторонников и координировать их действия. Возникновение электронной почты открыло новые каналы политического доступа. Все чаще в кампаниях «грассрутс» электронные сообщения замещают или дополняют традиционные потоки писем и телеграмм в качестве приоритетного средства давления на органы государственной власти. Появились сайты, способные агрегировать общественное мнение через

голосование и подписание петиций. Это тоже новый и эффективный инструмент «грассрутс»-лоббирования. Во многих странах такие коммуникационные системы культивируются правительством в целях развития демократии. В частности, в США на сайте Белого дома создана онлайн-платформа для подачи петиций. Каждая петиция, получившая определенное количество подписей, рассматривается администрацией президента, и на нее дается официальный ответ.

Влияние коммуникационной революции на лоббизм оказалось очень значительным. Дело зашло столь далеко, что современные интернет-технологии привели к появлению полностью виртуального лоббизма, то есть ситуации, когда все социально-политические взаимодействия, связанные с защитой интересов или продвижением какой-либо позиции, происходят исключительно в интернете. Заинтересованные в некотором вопросе люди начинают обсуждать его в виртуальном пространстве, используя блоги, форумы, социальные сети и иные коммуникационные возможности интернета. Постепенно у них формируется общая позиция по этому вопросу. Возникает желание действовать сообща. Они создают виртуальную группу давления и начинают лоббировать свои интересы. Причем данное лоббирование осуществляется тоже посредством интернета: с помощью рассылки электронных писем, создания и подписания петиций, размещение информации на сайтах, в социальных сетях и т. п.¹³⁰

Кампании «грассрутс» имеют очень большое значение для демократии. Они позволяют даже самым незначительным группам донести свое мнение до органов государственной власти. Однако такие кампании включают в себя и теневую сторону. Нередко в них присутствуют элементы «постправды». Наиболее полно такое положение проявляется в «астротурфинге» (от англ. *astroturfing*; *astroturf* — «искусственный газон»), то есть инспирировании массовых обращений граждан. Речь идет о технологии имитации общественного мнения по тем или иным вопросам. «Астротурфинг» направлен на то, чтобы создать впечатление, что множество людей поддерживают определенную точку зрения.

Наиболее простой формой «астротурфинга» является предоставление группами давления денежного или иного вознаграждения за обращения граждан в органы государственной власти. Нередко организаторы «грассрутс»-кампаний платят за письма в СМИ, публикацию комментариев, распространение сообщений в социальных сетях и т. п. Например, в 2001 г. компания «Майкрософт» была обвинена в инициировании потока писем

---

¹³⁰ См.: *Фельдман П. Я. «Электронный лоббизм» как форма коммуникации общества и государства // Труд и социальные отношения. 2012. № 11. С. 73.*

со стороны простых граждан в газеты. В этих письмах высказывалось несогласие с позицией Министерства юстиции США относительно его антимонопольного иска против «Майкрософт»¹³¹.

Современный «астротурфинг» стал намного сложнее. Группы давления часто создают фиктивные общественные организации, которые призваны публично отстаивать их интересы под видом заботы об общественном благе. Названия таких организаций тщательно выбираются, чтобы скрыть реальные интересы, которые за ними стоят. Например, американская корпорация «Дау Кимикл» вкладывала свои средства в 10 общественных групп, включая Союз за сохранение рабочих мест, Союз за политическую ответственность, Американский совет науки и здравоохранения, Союз «Граждане за стабильную экономику» и Совет по проблемам твердых отходов. Аналогичной практики придерживаются многие корпорации. В частности, «Шеврон», «ЭксонМобил», «Дюпон», «Амоко», «Форд», «Филип Моррис», «Пфайзер», «Проктер энд Гэмбл» и др.¹³²

Большую помощь группам давления в такой деятельности оказывают специализирующиеся в этих вопросах PR-агентства. Например, фирма «Bonner & Associates», представляя интересы автопроизводителей во время дебатов о внесении поправок в закон о контроле над загрязнением воздуха, сумела мобилизовать вне автомобильной индустрии несколько больших общественных групп. Эти группы включились в кампанию «грассрутс» против требований выпуска машин с более высокой топливной экономичностью, так как были убеждены «Bonner & Associates», что в новых условиях автомобильные корпорации будут вынуждены прекратить производство крупных автомобилей. В другом случае фирма «Burson-Marsteller» создала для компании «Филип Моррис» весьма специфическую общественную организацию — Национальный союз курильщиков. Благодаря щедрому финансированию «Филип Моррис» и профессиональным советам «Burson-Marsteller» данный альянс широких масс успешно использовал различного рода рекламу, прямой телемаркетинг и другие приемы для увеличения числа своих членов, давления на правительство и распространения сообщений в поддержку курения¹³³.

Таким образом, кампании «грассрутс» стали важной частью современного лоббизма. Все больше групп давления обращаются к тактике

---

¹³¹ См.: Microsoft funded 'grass roots' campaign // USA Today, 08.23.2001 [Электронный ресурс]. URL: <https://usatoday30.usatoday.com/tech/news/2001-08-23-microsoft-letters.htm> (дата обращения: 07.12.2017).

¹³² См.: Beder S. Public Relations' Role in Manufacturing Artificial Grass Roots Coalitions // Public Relations Quarterly. 1998. No 2 (43). P. 21–23.

¹³³ Там же. P. 21–23.

«грассруты» для отстаивания своих интересов. Кампании «грассруты» представляют собой важный элемент демократии, так как дают возможность различным социальным группам доводить свои суждения до органов государственной власти. Но они имеют негативное воплощение в виде «астротурфинга», то есть искусственного стимулирования массовых обращений граждан. «Астротурфинг», вне всякого сомнения, относится к элементам «постправды». Однако проблема лежит глубже. В настоящее время трудно отличить кампании «грассруты» и «астротурфинг». Более того, распространенной практикой является совместное проведение информационных кампаний и кампаний «грассруты». Тем самым происходит соединение действий, направленных на формирование общественного мнения и его доведение до органов государственной власти. И нередко манипуляционный эффект от тенденциозных информационных кампаний совмещается с «астротурфингом» в подобного рода интегрированных лоббистских коммуникациях эпохи «постправды».

§ 4. Коалиции и сети давления

Коалиции — важнейший элемент в формировании государственной политики и лоббизме. В современных демократических обществах все социально-политические субъекты для достижения своих интересов вынуждены в той или иной степени, в тех или иных формах кооперироваться друг с другом. Особенно актуально данное положение для лоббистов. А. Фритчлер и Б. Росс следующим образом обосновывают целесообразность существования лоббистских коалиций: «Немногим заинтересованным группам хватает времени, средств и людей, чтобы выдержать затяжную и дорогостоящую кампанию „за“ или „против“ решения какого-либо вопроса. Чтобы свести риск к минимуму и усилить свое политическое влияние, многие заинтересованные группы создают коалиции, объединяя свои ресурсы»¹³⁴.

Лоббистские коалиции создаются по хорошо известному в политике принципу логроллинга (от англ. log rolling — «перекачивать бревно»), который отражает идею взаимной небескорыстной помощи политиков друг другу, когда, например, один конгрессмен голосует за предложение другого, ожидая от него такой же поддержки в будущем, действуя в соответствии с популярной американской поговоркой: «Если ты почешешь мою

---

¹³⁴ Фритчлер А., Росс Б. Как работает Вашингтон: Путеводитель делового человека по американскому правительству. М.: Олимп — ППП, 1995. С. 107.

спину, то я почешу твою». Д. Эванс пишет в этой связи, что «коалиции групп интересов — самое привычное дело в Вашингтоне. Лоббисты тратят уйму времени, беседуя не только с государственными чиновниками и их аппаратами, но и друг с другом <...> группы пытаются максимизировать свои шансы на успех, работая как можно активнее с придерживающимися таких же взглядов коллегами из других групп»¹³⁵.

Исходно лоббистские коалиции групп давления образуются вокруг какой-либо проблемы или ситуационно возникших общих интересов. Например, не так давно около 20 крупнейших американских компаний («Альфабет», «Майкрософт», «Фейсбук», «Юбер», IBM и др.) договорились о вступлении в коалицию, которая будет лоббировать изменения в законодательстве, направленные на то, чтобы молодые нелегалы не были депортированы и получили право работы в США. Дело в том, что президент США Д. Трамп отменил программу Б. Обамы об отложенных действиях для прибывших в детстве (Deferred Action for Childhood Arrivals Process, DACA), которая позволяла молодым незаконным мигрантам получать отсрочку от депортации и легально работать на территории США. Речь идет о судьбе примерно 900 тыс. человек. Крупные корпорации заинтересованы в их труде и в силу этого сформировали соответствующую лоббистскую коалицию¹³⁶.

Однако в последнее время проявляется тенденция создания постоянно существующих сетей давления. В частности, одна из крупнейших пивоваренных корпораций США «Анхойзер-Бущ» сформировала устойчивую «грассрутс»-сеть для лоббирования своих интересов и интересов своих партнеров. Основой этой сети стали порядка 30 тыс. сотрудников данной организации. Помимо этого, в сеть были включены 750 оптовых компаний, около 5 тыс. торговых предприятий по всей стране, владельцы лицензий на продажу спиртного, поставщики сырья и некоторые сельхозпроизводители. Фактически данная сеть интегрировала все деловые контакты компании. И эти контакты на постоянной основе используются для передачи информации, совершения телефонных звонков и прочих необходимых для лоббирования мероприятий¹³⁷.

---

¹³⁵ Цит. по: Группы интересов и практика лоббирования // Государственная служба. Группы интересов. Лоббирование (взгляд из-за рубежа). 1995. Вып. 4. С. 18.

¹³⁶ См.: Гордеев В. Крупнейшие компании США решили защитить от Трампа молодых нелегалов // РБК. 20.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/20/10/2017/59e95e789a79474b2db4afda> (дата обращения: 08.12.2017).

¹³⁷ См.: GR и лоббизм: теория и технологии / под ред. В. А. Ачкасовой, И. Е. Минтусова, О. Г. Филатовой. М.: Юрайт, 2017. С. 288.

Подобные сети применяются, разумеется, не только для организации грассрутс-кампаний, но и для иных форм лоббирования: проведения информационных кампаний, совместного осуществления прямых контактов с политиками и т. д. Группы давления всеми силами стремятся увеличить число участников сети, постоянно работают над тем, чтобы сети были более стабильными и эффективными. Одним из источников силы таких сетей является их разнородный состав: они включают в себя коммерческие корпорации, организации гражданского общества и даже государственные структуры¹³⁸. Имеет место и глобализация сетей давления. Впервые сети давления, которые охватывают участников из многих стран, образовали транснациональные корпорации и международные общественные организации. В настоящее время не редки случаи, когда власти одной страны совместными усилиями с коммерческими корпорациями, организациями гражданского общества, СМИ и диаспорами оказывают влияние на политику других государств¹³⁹.

Таким образом, коалиционная политика групп давления в современном мире вышла на новый уровень. Имеет место тенденция формирования постоянно функционирующих эффективных сетей давления. Масштабы и влияние этих сетей очень значительны. Часто они приобретают глобальный характер. И методы лоббирования, основанные на принципах «постправды», занимают очень важное место в их политических стратегиях. Подобное положение усугубляет проблему манипулирования политической демократических государств со стороны частных интересов. В сетивизации лоббизма проявляется еще одна грань деятельности групп давления в эпоху «постправды».

Мир в последние несколько десятилетий существенно изменился. Эти изменения привели в том числе и к трансформации групп давления. В силу того, что общественное мнение стало играть принципиальную роль при формировании политики, группы давления постепенно переходят от закрытости к публичности. Объектами их воздействия являются уже не только политики, но и рядовые граждане. Значение не прямых методов лоббизма неуклонно растет. Политическая активность групп давления во все большей степени смещается в сферу массовой коммуникации. Одними

---

¹³⁸ См.: *Nownes A. Interest Groups in American Politics: Pressure and Power*. N. Y.: Routledge, 2012; *Godwin K., Ainsworth S., Godwin E. Lobbying and Policymaking*. Thousand Oaks: CQ Press, 2012; *Holyoke T. Interest Groups and Lobbying: Pursuing Political Interests in America*. Boulder: Westview Press, 2014.

¹³⁹ См.: *Васильева В. М. К вопросу о сущности международного лоббизма* // *Власть*. 2012. № 2. С. 174–176; *Newhouse J. Diplomacy, Inc.: The Influence of Lobbies on U.S. Foreign Policy* // *Foreign Affairs*. 2009. Vol. 88. No 3 P. 73–92.

из главных инструментов лоббирования для групп давления становятся информационные и «грассруты»-кампании. При этом в публичной деятельности групп давления явно проявляются элементы «постправды»: происходит размывание границ между истиной и ложью, реальными событиями и вымыслом, обращения к эмоциям замещают собой объективные факты. В информационных кампаниях интересы групп давления часто выдаются за общественные интересы, используется «флогинг» (распространение информации через фальшивые, созданные специально для этого блоги), «гринвошинг» (искусственное поддержание экологически-ориентированного имиджа), «медиаджакинг» (продвижение сообщений через чужие площадки или информационное пространство), «сокпаппетинг» (создание ажиотажа в интернете с помощью клонов или интернет-ботов) и другие сомнительные с этической точки зрения технологии. Кампании «грассруты» нередко совмещаются или даже полностью основываются на «астротурфинге», то есть искусственном стимулировании массовых обращений граждан в органы государственной власти. Имеется тенденция создания долговременных эффективных сетей давления с участием общественных, коммерческих и государственных организаций. Все отмеченные обстоятельства заставляют переосмыслить место и роль групп давления в процессах формирования государственной политики в демократических странах в эпоху «постправды».

ГЛАВА 7. ПОЛИТИКА «ПОСТПРАВДЫ» И «ВАШИНГТОНСКИЙ КОНСЕНСУС»: ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА ИСТОРИЮ КАПИТАЛИЗМА

---

§ 1. Особенности индустриальной фазы развития капиталистической формации

Новый популярный термин «постправда» стал использоваться в политическом дискурсе достаточно активно после известных событий, связанных с Brexit, и президентскими выборами в США в 2016 г. Сущность данного явления заключается в возможности создания новых смыслов, основанных на субъективных оценках (иногда заведомо ложных), а не на объективной информации, и конструировании с их помощью новой реальности. Для создания этой новой реальности должен существовать субъект, формирующий ее через оказание информационного влияния (через смыслового посредника) на заранее «подготовленный» объект. В качестве смыслового посредника могут выступать сформированные стереотипы мышления и поведения людей, которые когда-то и где-то уже использовались в исторической практике и зафиксировались в коллективной человеческой памяти хотя бы фрагментарно. Эти фрагменты в сочетании с вновь подаваемым информационным материалом путем технологического информационного преобразования, к которому могут подключаться образовательные институты, трансформируются рационально в новое знание на основе аналогий старого опыта, как правило, положительного, или кажущегося, что он являлся таковым. Затем это новое знание падает на благодатную подготовленную почву объекта, овладевает им и создает «движущие силы» социального процесса для достижения намеченного результата. Таким образом, нужная информация, которая не обязательно должна соответствовать истине для достаточно больших социальных групп, сознание которых может быть деформировано новым знанием (идеологией), воспринимается людьми как истина, не подлежащая проверке, доказательству и критическому осмыслению.

Актуализация «политики постправды» в современном дискурсе стала возможной благодаря его фиксации в информационном поле. Однако сам феномен существует достаточно давно, с момента развития капитализма как формации как минимум с начала британского цикла накопления капитала. Когда информационная среда стала достаточно развитой, субъект получил производственные и организационные возможности информационно преобразовывать реальность, а объект стал активным потребителем информации. Данный цикл (середина XVIII — начало XX в.) характеризуется: а) появлением группы развитых индустриальных держав, рожденных промышленной революцией и использовавших колониальную экспансию; б) формированием элиты стратегического действия наднационального уровня; в) появлением такого социального явления, как «массовый человек», который и становится объектом информационного манипулирования; г) созданием институций рационального знания о генезисе и эволюции социальных процессов и групп; д) высокими показателями информатизации общества¹⁴⁰. Все эти факторы, характеризующие капиталистическую формацию, позволили сформировать ее как проект, «далеко не всегда успешно реализуемый относительно небольшим числом связанных друг с другом регулярными отношениями лиц, групп и структур, действующих организованно, в соответствии с долгосрочными планами и вовсе не открыто, а, как правило, тайно»¹⁴¹.

Именно в этот период развития капитализма стало возможным «создавать» новую мировую историю, а в процессе этого конструирования новой реальности «постправда» стала его серьезным инструментом. К тому же степень информатизации капиталистического общества опосредует базовые процессы социосистемы, а именно процесс: а) управления как создание упорядочения, структурообразованности информации и ее распределения внутри социосистемы; б) познания как получение новой информации; в) обучения как воспроизводство ранее полученной информации; г) производства как конвертация информации в иные формы ресурсов¹⁴².

Через управленческо-информационный процесс возможно формирование новой реальности даже вопреки природе и интересам большинства. Капитализм, как и любой другой способ производства и распределения произведенных материальных благ (или общественно-экономическая

---

¹⁴⁰ Фурсов А. И. DE CONSPIRATIONE: Капитализм как заговор. DE CONSPIRATIONE. О заговоре. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013. С. 69–70.

141 Там же. С. 72.

¹⁴² Переслегин С. П. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. М.: АСТ МОСКВА; СПб.: Terra Fantastica, 2009. С. 190–191.

формация), существует в соответствии с господствующим способом хозяйственной деятельности в конкретный исторический период. Существуют сельскохозяйственный, сельскохозяйственно-индустриальный, индустриальный способы хозяйственной деятельности, особенности которых многократно описаны в научной литературе. Можно добавить в этот список и рождающийся постиндустриальный способ хозяйственной деятельности. В рамках определенной системы хозяйствования могут существовать лишь определенные способы производства в строгом закономерном порядке¹⁴³.

Капиталистический способ производства возникает в сельскохозяйственно-индустриальной фазе хозяйствования, где капиталистические производственные отношения возникли в сельскохозяйственной и торговых сферах в период коммерческой революции — начальной фазы накопления капитала. После промышленной революции в Великобритании начался период индустриального способа хозяйствования, где промышленность фабрично-заводского типа стала доминирующей формой производства материальных благ, которую тогда именовали переделывающей. Квинтэссенцией стратегии экономического развития государств (в данном случае имеются в виду государства, ставшие экономически развитыми в тот или иной исторический период) явилась поддержка и защита правительствами этих государств ведущих отраслей промышленности, которые имели позитивную динамику развития и обладали стратегической перспективой. Данная стратегия получила название политики меркантилизма, принципы которой описаны в теориях Джона Кейнса и Йозефа Шумпетера.

Современный норвежский экономист Эрик Райнерт видит причины существования богатых и бедных государств в выборе странами разных качественно различающихся видов экономической деятельности как источников экономического процветания. Он разделяет страны на следующие группы: а) государства с совершенной конкуренцией, когда производитель не может влиять на цену произведенного товара, и с убывающей отдачей, поскольку при расширении производства увеличение количества одних и тех же факторов производства — труда, капитала — приводит к производству все меньшего количества продукции; эти страны ориентированы на производство и экспорт сырья и сельскохозяйственной продукции; б) государства с несовершенной конкуренцией, когда производитель в состоянии влиять на цену производимого товара, и с растущей отдачей, поскольку с расширением промышленности происходит снижение издержек

---

¹⁴³ Романов А. С. Энергоэнтропическая теория политической экономии. Алматы: ТОО «Верена», 2009. С. 20.

производства, то есть экономия масштабов; это страны с ориентацией на обрабатывающую промышленность¹⁴⁴.

В список факторов, определивших развитие капиталистических государств, мы можем включить и такие значимые, как рост городов, увеличение перечня различных профессий и видов хозяйственной деятельности. Наряду с широким разделением труда происходил рост населения, который становился для государства не обузой, а необходимым материальным условием экономического развития.

Производство сельхозпродукции и добыча сырья на экспорт (речь идет о данных видах производства как основных, доминирующих в хозяйственной деятельности конкретных стран) предусматривает в первом случае ухудшение плодородия земли и ее постепенное сокращение под доминирующую монокультуру, во втором случае — еще и истощение природных ресурсов. В обоих случаях недостатки этих культивирующих видов хозяйственной деятельности — это невозобновляемость ресурсов, крайняя подверженность изменениям рыночной конъюнктуры. История знает много случаев различных «лихорадок» — каучуковых, сахарных, золотых, хлопковых и т. д. с печальным конечным результатом. Сценарий примерно один: за счет экспорта монокультуры в стране закупаются все остальные товары и услуги, обогащаются местные олигархии, но при этом сохраняются высокий уровень безработицы и низкие зарплаты наемных работников. Финал один — обрушение цен на данный вид товара на мировом рынке и банкротство страны.

Райнерт, изучив генезис и эволюцию ведущих экономик мира, утверждает, что в основе успешного развития богатых стран мира всегда лежал инструментальный принцип эмуляции, представляющий стратегию заимствования, имитации, копирования передовых технологических разработок экономически ведущих государств и внедрения их в свое производство с целью «догнать и перегнать». Государство защищало перспективные отрасли своих экономик, осуществляя мобилизацию ресурсов и перераспределяя их с целью развития приоритетных отраслей. Страны, которые шли по этому пути, «эмулировали наиболее процветающие страны своего времени, развивая производственные структуры в тех областях, где был сконцентрирован технологический прогресс. Таким образом, они создавали ренту, которая распространялась на капиталистов в форме бо-

---

¹⁴⁴ Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2014. С. 36–37.

лее высоких прибылей, на рабочих в форме более высоких затрат и на правительство в форме больших налоговых поступлений»¹⁴⁵.

Полученная таким образом рента закрепляется и многократно увеличивается с помощью института «свободной торговли» между странами с разным уровнем экономического развития. В теоретико-стратегическом аспекте на этом этапе главную роль начинают играть принципы стратегии сравнительного преимущества.

Главной особенностью индустриализма является массовое использование машинного производства, для которого требуется большой расход металла. Российский историк Д. Верхотуров указывает на значение ключевой роли металла и способов его производства для промышленной революции; поэтому индустриализация западноевропейских экономик имела угольно-металлургическую основу. Здесь значение имел и имеет по сей день геологический детерминизм, предусматривающий удачно расположенные месторождения каменного угля и железной руды. С освоением в 1784 г. Генри Кортон технологии пудлингования чугуна на каменном угле (переработка чугуна в сварочное железо путем расплавления в специальных печах) у англичан появилась возможность получать сталь высокого качества и в больших объемах с низкими издержками¹⁴⁶. Данная технология плюс огромные месторождения каменного угля и близкорасположенные к ним запасы железной руды позволили англичанам создать мощный кластер экономического развития Британской империи. «В 1820–1840-е годы... британская индустриализация принесла свои плоды. Капитализм получил адекватную ему как способу производства производственную базу — индустриальную систему производительных сил, и это резко расширило возможности его экспансии. Североатлантическая мир-система стала превращаться в полноценную мировую систему капитализма с североатлантическим ядром»¹⁴⁷.

Удачное геологическое сочетание запасов железной руды и каменного угля обнаружилось и в США, Японии, Голландии, Бельгии, Франции. Германская империя к концу XIX столетия занимала второе место в мире по промышленному развитию, во многом благодаря аннексии у Франции Эльзаса и Лотарингии в ходе Франко-прусской войны 1870–1871 гг., на территории которых имелись необходимые для экономического рывка стратегические ресурсы. Получив путем эмуляции технологию пудлин-

---

¹⁴⁵ Там же. С. 30.

¹⁴⁶ *Верхотуров Д. Н.* За что Запад не любит Россию [Электронный ресурс]. URL: http://www.stoletie.ru/versia/za_chno_zapad_ne_lubit_rossiju_194.htm (дата обращения: 12.12.2017).

¹⁴⁷ *Фурсов А. И.* DE CONSPIRATIONE: Капитализм как заговор. DE CONSPIRATIONE. О заговоре. Сборник монографий. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013. С. 128.

гования от англичан, эти страны создали отрасли тяжелой промышленности и машиностроения. Оснастив свои вооруженные силы новейшим стрелковым и артиллерийским оружием, военным паровым флотом, они вырвались вперед в экономическом и военном развитии, что позволило им получить политическое доминирование над всеми остальными странами. Вышеупомянутые страны стали колониальными державами с относительно разным политическим «весом». Необходимо отметить, что долгое время технология пудлингования была засекречена в Великобритании, а на ее экспорт был распространен жесткий запрет. Эмуляция, как инструмент экономической политики для других стран, была запрещена (запрет на создание и развитие обрабатывающей промышленности), то есть заимствование принципов экономического строя развитых стран было под запретом, а в случае попыток какой-либо страны вырваться из бедности и стать экономически независимой на нее воздействовали с помощью мощных армии и флота метрополий. Ставка экономической политики на концентрацию в промышленной сфере произвела синергетический эффект; наблюдался рост населения, его экономической занятости, уровня образования; активно шло развитие экономики, создание массовых технически оснащенных армий. «Те густонаселенные государства, которые сумели подключить значительный капитал и капиталистов к своим приготовлениям к войне, первыми создали посредством брокеража массовые армии и флоты. Затем они включали вооруженные силы в государственные структуры... На каждом этапе в их распоряжении были средства получения и применения самых эффективных военных технологий, причем в гораздо большем масштабе, чем это было доступно их соседям»¹⁴⁸.

Таким образом, Европа создала экономическую власть, которая обеспечила ее превосходство в экономике на масштабах с использованием вооруженных сил при необходимости. Во второй половине XIX в. сформировался блок государств с североатлантическим центром, имеющих идентичную структуру индустриального способа хозяйствования, институциональной основой которого была обрабатывающая промышленность, классифицированная американскими статистиками в 1900 г. на 15 групп¹⁴⁹. Данная классификация легла в основу группировки элементов экономической инфраструктуры как для научных исследований, так и для оптимизации государственной экономической политики развитых стран.

---

¹⁴⁸ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2009. С. 274.

¹⁴⁹ Менделеев Д. И. Познание России. Заветные мысли. М.: Эксмо, 2008. С. 263–268.

§ 2. Теоретические трактовки экономического развития государства

Существуют два теоретических подхода к вопросу об экономическом развитии государств. Абстрактный канон — это набор теорий, где человек выступает абстрактной экономической единицей в атомизированном обществе, лишенной качественных характеристик. К этому направлению относятся труды А. Смита, Т. Мальтуса, Д. Рикардо, К. Маркса и др.

Нам представляется интересной теория сравнительного преимущества, разработанная Давидом Рикардо в работе «Принципы политической экономии и налогообложения». Главная идея этого труда состояла во взаимовыгодной торговле между странами, каждая из которых специализировалась на том виде экономической деятельности, где она преуспевала и была максимально эффективной по сравнению с другими странами. Данная теория, принципы которой легли в основу современной мировой глобальной экономической системы, предусматривает обмен трудовыми часами, являющимися эквивалентными в различных экономиках стран; то есть трудовой час работы на банановых плантациях Гондураса идентичен трудовому часу работы в лаборатории Института стволовых клеток человека в США. Трудовые часы, согласно данной концепции, не имеют каких-либо качественных характеристик. В ходе интегративных процессов между различными экономическими системами должно произойти выравнивание заработных плат и цен на производственные факторы. Теория сравнительного преимущества позволяла свести экономический потенциал развивающихся стран к минимуму и примитивизировать их производство, превращая в колониально зависимые объекты мировой экономики.

Второй канон основан на анализе опыта различных экономик мира; лишь потом обнаруженные закономерности переносились в плоскость теорий. Он был представлен трудами Ф. Листа, Й. Шумпетера, Г. Шмоллера, Т. Веблена и др. Этот канон имел непосредственную связь с практикой — экономической политикой. На практике он проявился в той форме капитализма, которая сложилась в Европе. «Богатство стало считаться непреднамеренным, побочным продуктом концентрации в больших городах разнообразных отраслей обрабатывающей промышленности. Основой европейской экономической политики было убеждение, что развитие обрабатывающей промышленности решает все основные экономические проблемы, сочетая технологический прогресс, растущую отдачу, несовершенную конкуренцию: создает необходимые рабочие места, увеличивает

прибыль, обеспечивает большие зарплаты, формирует базу для налогообложения и лучшее денежное обращение»¹⁵⁰.

Таким образом, ставка на обрабатывающую промышленность в первую очередь способствовала выбору европейскими странами выгодного типа экономической деятельности, сведя к минимуму производство товаров с убывающей отдачей — аграрной и сырьевой продукции. Было замечено, что политика эмуляции имела возможность распространения технического и технологического процесса в пространстве; внедрение данной стратегии экономической политики позволяло нивелировать объективные недостатки системы изначально бедных, малоресурсных государств и преобразовываться им в экономически развитые страны. «Мануфактурная промышленность, напротив, благоприятствует наукам, искусствам и политическому совершенствованию, увеличивает народное благосостояние, народонаселение, государственные доходы и государственное могущество, доставляет нации средства к расширению торговых сношений со всеми частями света и к основанию колоний, развивает мореходство и военный флот»¹⁵¹.

Грамотно используя принципы второго канона, основанного на эмпирическом хозяйственном опыте (своем и чужом), образованные страны-победители в ходе конкурентной борьбы для закрепления своих экономических успехов инструментально запрещали большинству других стран культивировать те виды экономической деятельности, которые приводили к несовершенной конкуренции и возрастающей отдаче, и использовали принципы абстрактного канона для мировой свободной торговли.

Теория свободной торговли стала очень популярной. В свое время внешняя торговля рассматривалась меркантилистами как важнейший вид хозяйственной деятельности, являющийся катализатором роста национального богатства, ключевым индикатором которого является благоприятный торговый баланс, то есть преобладание экспорта товаров и услуг над импортом. Только в этом случае возможно извлечение прибыли от внешней торговли. Рикардо и Миль исходили из того, что свободная внешняя торговля будет способствовать экономическому успеху во всех странах, принимающих в ней участие, а выгоду от совместной торговли извлекают все страны одновременно, а не отдельные государства в ущерб другим¹⁵².

---

¹⁵⁰ Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 49.

¹⁵¹ Лист Ф. Национальная система политической экономики. М.: Социум, ЛКИ, 2017. С. 8.

¹⁵² Теория свободной торговли. Финансовая жизнь. Академия менеджмента и бизнес-администрирования. 2015. № 2. С. 79.

Распропагандировав идеи экономического равенства для всех стран, развитые страны имели преимущество во всем на мировом рынке, а навязав идеи сравнительного преимущества другим странам, они обрекали их на экономическую стагнацию и деградацию, задали им экономические модели внутренних экономик с акцентом на виды экономической деятельности, приводящие к совершенной конкуренции и убывающей отдаче. Теоретические концепции абстрактного канона стали идеологическим инструментом создания новой реальности для бедных стран, другими словами, инструментом колониализма.

С помощью этих теорий можно было моделировать новую историю. Фридрих Лист утверждал, что принципы свободной торговли должны вводиться после всеобщей индустриализации, чтобы и выгода была всеобщей. «Такое преобладание будет опасно и вредно лишь в том случае, когда вся мануфактурная промышленность, вся великая торговля, мореплавание и морское могущество сделаются монополией одной какой-либо нации»¹⁵³.

Пройдя этап защиты динамически развивающихся отраслей обрабатывающей промышленности от внешней конкуренции путем протекционистских мер, используя механизмы эмуляции для технологического рывка и став государствами с высокоразвитым индустриальным сектором, названные выше страны смогли закрепить свои национальные достижения на мировой арене по правилам фритредерства, создали систему международного разделения труда и фактически воспрепятствовали прохождению стадии протекционистской политики менее экономически развитым, не прошедшим этап индустриализации странам. Дойдя до определенного уровня индустриального развития, те отрасли экономики, которые требовали раньше государственной протекции и поддержки, стали нуждаться для дальнейшего роста во внешней экспансии своих государств. Встал вопрос о новых рынках. Примером может служить такой международный институт, как Атлантическая хартия.

Являясь выжимкой 14 пунктов Вудро Вильсона, 8 пунктов Атлантической хартии получили практическое воплощение после Второй мировой войны, став институциональными остовами новой системы международных отношений и мировой экономической системы.

Обозначим три основных пункта вышеупомянутой декларации.

1. Соблюдая должным образом взятые на себя обязательства, государства будут стремиться обеспечить такое положение, при котором все страны, великие или малые, победители или побежденные, будут иметь доступ к торговле и к мировым сырьевым

---

¹⁵³ Лист Ф. Национальная система политической экономики. М.: Социум, ЛКИ, 2017. С. 9.

вым источникам на равных основаниях, необходимых для их экономического процветания.

2. Они стремятся добиться полного сотрудничества между всеми странами в экономической области с целью обеспечить для всех более высокий уровень жизни, экономическое развитие и социальное обеспечение.
3. Такой мир должен предоставить всем возможность свободно, без всяких препятствий плавать по морям и океанам¹⁵⁴.

Данные пункты Атлантической хартии моделируют мировую экономическую модель свободного перемещения капитала с прозрачными экономическими границами, без высоких экспортных/импортных пошлин, без жестких торговых ограничений. Декларируется широкое экономическое и торговое сотрудничество между странами с равным доступом к мировым источникам ресурсов, при свободных транспортных коммуникациях на море. И все это ради достижения высокого уровня жизни, экономического процветания и социального обеспечения. На самом деле конструируется система свободных материальных, финансовых, людских и т. п. потоков при неравных возможностях экономических акторов. Так называемая свободная торговля только усиливает экономические диспропорции между странами. Она выгодна только странам, находящимся примерно на одной стадии экономического развития. Развитые страны экспортируют продукцию высокотехнологичных отраслей промышленности, а импортируют товары, которые либо не подлежат обработке (механизации, автоматизации и т. д.), либо она нерентабельна. Поэтому во второй половине XX в. наряду с национально-освободительным движением на бывших колониальных территориях параллельно проявился другой феномен — неоколониализм.

§ 3. Принципы «Вашингтонского консенсуса» как инструментарий «политики постправды» в современной России

Несмотря на трансформацию мировой экономической системы и экономическую стратификацию стран мира, после Второй мировой войны параллельно формировалась мировая система социализма во главе с СССР, которая имела собственную экономическую моделью, свой рынок и, глав-

---

¹⁵⁴ Рукавишников В. О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М.: Академический проект, 2005. С. 91–92.

ное, свои правила игры. Опасность, которую всегда видели страны Запада в России, — это ее конкурентная альтернативность в большинстве сфер жизнедеятельности. Эта альтернативность постоянно выходит на международный уровень и ломает установленные правила игры. Система капитализма была заинтересована в эксплуатации стран третьего, четвертого миров для получения сверхприбылей и установления мирового господства. Эксплуатация осуществлялась через фактический запрет на создание отраслей обрабатывающей промышленности в развивающихся странах, через установление такой политики в этих странах, которая приводила к деиндустриализации, если индустриальный сектор уже существовал.

Советский Союз, напротив, способствовал развитию индустрии в развивающихся странах, создавая там экономическую и гуманитарную инфраструктуру. Строились заводы, фабрики, электростанции, больницы в Египте, Индии, Афганистане и других странах, не так давно избавившихся от колониальной зависимости. Советские вузы готовили технические и управленческие кадры для новых экономик развивающегося мира. Это был серьезный вызов Западу. Однако после крушения социалистической системы Западом были институционально закреплены принципы экономической политики в развивающихся странах и в странах бывшего социалистического блока.

Сложилась возможность конструирования новой реальности, создания новой истории, где «постправда» стала серьезным инструментом нового глобального постсоциалистического проекта. «Политика постправды» в странах, включенных в демократический транзит, была реализована в первую очередь в системе образования. Теории абстрактного канона были включены в ранг обязательного стандарта экономической науки. Таким образом, не практика экономической политики, а абстрактные теории о невидимой руке рынка, свободной торговле и т. д. стали служить методологической базой политико-экономических стратегий государств.

Институционально-идеологической основой радикальных по сути экономических и фактически политических преобразований стал так называемый «Вашингтонский консенсус», представляющий собой набор правил экономической политики для латиноамериканских стран, направленный на преодоление командно-административной модели экономического развития этих стран. Данные правила были сформулированы английским экономистом Джоном Уильямом в 1989 г., а затем рекомендованы Всемирным банком и Международным валютным фондом для руководства к действию правительствам государств сначала Латинской Америки, а затем и всего бывшего социалистического лагеря для построения новой экономической модели.

Основными положениями «Вашингтонского консенсуса» являются:

1. Установление финансовой (фискальной) дисциплины.
2. Переориентация государственных расходов в сферы образования, здравоохранения и инфраструктуры.
3. Налоговая реформа.
4. Либерализация финансовых рынков.
5. Установление свободного (конкурентоспособного) курса национальных валют.
6. Внешнеторговая либерализация за счет минимизации политики протекционизма.
7. Свободное перемещение капитала (прозрачность границ для иностранных инвестиций).
8. Приватизация.
9. Ограничение государственного регулирования экономики.
10. Защита прав собственников.
11. Институциональное строительство (независимый центральный банк, сильное бюджетное управление, децентрализация, независимые судебные органы).
12. Повышение качества образования (увеличение расходов на обучение, и перераспределение средств на начальное и среднее образование).
13. Либерализация цен¹⁵⁵.

Все эти постулаты были вмонтированы в сознание общественности развивающихся стран и стран бывшего социалистического содружества, население которых пребывало в нищете с дезорганизованной экономикой и финансами. Данные тезисы выполняли еще и роль «идеологического лекарства» от догматов советского курса политэкономии. Декларировалось, что процветания можно достичь именно благодаря примату частной собственности над государственной и «невидимой руки рынка» над государственным регулированием. Заявлялось, что благодаря приоритету свободного перемещения капитала перед защитой национальной экономики и т. д. можно будет построить процветающую современную экономику и влиться в перспективе в стан развитых держав на равноправной основе. Идеи эти озвучивались через СМИ разного рода экспертами, зарубежными и новоявленными авторитетами в экономической сфере. Экономические учебники Пола Хейне, Класа Эклунда, Пауля Самуэльсона, Джеффри Сакса и других теоретиков были включены в обязательный образовательный стандарт высшего профессионального образования.

---

¹⁵⁵ *Marangos J.* The evolution of the term "Washington consensus" // *Journal of Economic Surveys.* 2009. Vol. 23. No 2. P. 353–356.

Именно таким образом мировым элитам стратегического действия на базе ресурсного потенциала развитых индустриальных держав, включая институты рационального знания и использование легко подвергающегося воздействию манипуляции «массового человека» в большинстве стран мира, посредством процессов познания, обучения, управления и происходит производство новых форм ресурсов, позволяющих конструировать новую реальность, новую историю. Именно поэтому в более широком смысле «Вашингтонский консенсус» понимают как экономическую политику Запада (в первую очередь США) в отношении с другими странами, которые это государство воспринимает только как объекты своего экономического воздействия.

Общепризнано, что «Вашингтонский консенсус» усугубил и без того плачевное состояние большинства экономик развивающихся стран и ухудшил социальное положение их населения. Научно-теоретические парадигмы в русле «Вашингтонского консенсуса», за которые американские экономисты получали Нобелевские премии по экономике, были обесценены экономическим кризисом 2008–2009 гг. Речь идет, например, о профессоре Чикагского университета Ю. Фама, гипотеза эффективного рынка которого потеряла научную ценность после указанного экономического кризиса. Но самым настоящим шоком для мирового сообщества стало интервью президента МВФ Доминика Стросс-Кана на заседании МВФ и Всемирного банка. Он утверждал, что «Вашингтонский консенсус», который формулировал вполне конкретные правила валютной и налоговой политики, неустанно утверждал, что экономический рост напрямую зависит от отмены госконтроля в финансовой и экономической сферах. Однако на деле оказалось, что низкая инфляция, высокий экономический рост, слишком свободный и никому неподконтрольный финансовый рынок ведут к финансово-экономической катастрофе. «„Вашингтонский консенсус“ с его упрощенными экономическими представлениями и рецептами рухнул во время кризиса мировой экономики и остался позади»¹⁵⁶.

Реанимация теорий абстрактного канона и стратегии сравнительного преимущества, в частности в 1989 г. в виде вышеупомянутых положений макроэкономической политики, явилась своего рода «политикой постправды» в экономической идеологии точно так же, как и 1840-м. Сознательно навязывалась система экономической политики с приоритетными видами хозяйственной деятельности с убывающей отдачей и отрица-

---

¹⁵⁶ Стросс-Кан признал деятельность МВФ ошибочной. VESTI.LV 13.04.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.telegraf.lv/news/zhurnal-mvf-priznal-svoyu-deyatelnosty-oshibochnoi> (дата обращения: 12.12.2017).

тельного торгового баланса. Роль государства в экономике была сведена к минимуму. Создавались условия, невозможные для поддержки отраслей производства, а в странах, где промышленность существовала, была проведена деиндустриализация. Это касается стран Восточной Европы и, отчасти, Российской Федерации.

Базовым условием создания новой экономики для развивающихся стран была долларизация финансовой системы. Доллар становился единственным источником экономического развития, поскольку «печатный станок» какого-либо из этих государств может напечатать лишь определенное количество национальной валюты, соответствующее валютной выручке, которую государство смогло заработать. Сюда следует отнести и запрет на какое-либо ограничение хождения американской валюты. Исходя из этого, только иностранные инвестиции обладают приоритетом в качестве источника развития, поэтому правительства всех этих государств борются за привлечение иностранных инвестиций. Однако существует условие (механизм) привлечения инвестиций — низкая инфляция. Правительства вынуждены ограничивать денежную массу, что негативно сказывается на возможности кредитования банками реального сектора экономики. Соответственно, для национального производителя возникают сложности с доступностью кредитов, что вызывает рост издержек производства и сказывается на его рентабельности и конкурентоспособности.

Разгосударствление собственности явилось своего рода механизмом ликвидации тех секторов промышленности, которые представляли конкурентную угрозу для экономики США или могли стать в перспективе драйвером экономического роста с повышающей отдачей и несовершенной конкуренцией. В результате Западом была реализована задача включения достаточно большого числа стран с ранее альтернативной экономической и финансовой системами в свою капиталистическую финансовую (Бреттон-Вудскую) модель со свободным перемещением капитала на долларовой основе. Сначала на идеологическом уровне в сознание людей, а затем и как реальный инструментарий экономики были внедрены принципы теорий абстрактного канона, декларирующие всеобщую выгоду от глобализации для всех стран с различным уровнем социально-экономического развития. Сам феномен развития преподносится как накопление капитала. Все виды экономической деятельности как факторы развития объявляются равными между собой в качественном аспекте. Фактически же была внедрена новая колониальная система с мировым центром и периферией с разной степенью экономической автономности. Экономики этих стран свелись к моносекторальным экономикам с убывающей отдачей, ориентированным на производство и экспорт аграрной и сырьевой продукции, что приводит на практике к бедности.

§ 4. Проблема выбора будущего экономического уклада для России

Начиная со второй четверти XIX в., европейский капитализм (с центром в Великобритании) создал индустриальную экономическую систему, что позволило форсировать формирование мировой системы капитализма с господством европейских государств. Для создания европейской мировой системы необходимо было нейтрализовать две мир-системы — Китай и Россию. Первый представлялся серьезным экономическим конкурентом в перспективе, так как в рассматриваемый период его ВВП был выше в два раза западноевропейского. Торговый баланс у Китая был положительный, экспорт превышал импорт, а экономика страны была закрыта для иностранного капитала. Россия имела громадное геополитическое влияние в континентальной Европе и восточном средиземноморье, что со временем также дало бы ей свои преимущества. Экономика Российской империи была закрыта для иностранного капитала. Индустриальный экономический уклад России формировался на основе древесноугольного производства металла. Удачного геологического расположения залежей каменного угля и железной руды на тот момент времени в России не было, что сказалось на экономическом и техническом отставании страны от западноевропейских конкурентов.

Объединенному Западу удалось нейтрализовать Китай и Россию как альтернативные мир-системы в ходе опиумных войн в отношении Китая и Крымской кампании в отношении России. Экономическое положение этих двух стран было подорвано, границы были вскрыты для иностранного капитала, правительства были вынуждены брать кредиты у европейских банков. В результате Китай превратился в полуколонию Запада, а Россия была интегрирована в мировую систему капитализма в качестве зависимого актора, которому была уготована перспектива поставщика сырья. То есть экономика России должна была специализироваться на производстве товаров с убывающей отдачей.

Однако в 70-е гг. XIX столетия в России была создана своя индустриальная система на основе донецкого кластера. В 1860-х гг. были обнаружены богатые залежи железной руды на территории современной Криворожской области, а находящийся рядом Донецкий угольный бассейн и обеспечил синергетический эффект, который способствовал экономическому суверенитету страны. Донбасс, а затем Баку стали драйверами экономического роста сначала Российской империи, а впоследствии и Советского Союза. Этим во многом объясняется направленность летне-осеннего наступления группы немецкой армии Юг в 1941 г. на Донбасс и Баку как ключевых территориально-производственных стержней советской экономики. Но к

этому моменту в ходе индустриализации были созданы подобные кластеры на Урале и в Сибири, что в совокупности с использованием механизма эмуляции — заимствованием и привлечением технологий, высококвалифицированных кадров, научных школ с Запада — дало возможность создания индустриальной державы, которая могла не только воспроизвести западный опыт, но и создать со временем новые образцы высокотехнологичной экономики.

Здесь стоит отметить соблюдение социально-исторического закона преемственности для России, который был сформулирован Александром Зиновьевым: «Если какое-то общество разрушается, но при этом сохраняется человеческий материал и основные условия его выживания, то из обломков этого общества развивается новое, максимально близкое по социальному типу к разрушенному»¹⁵⁷. Несмотря на все катаклизмы и издержки Великой русской революции и Гражданской войны, ориентация экономической политики советской власти на индустриализацию создавала возможности для многообразия хозяйственной деятельности с увеличивающейся отдачей и несовершенной конкуренцией. Это способствовало росту городов, росту населения и его массовому образованию. Сохранение мощного аграрного сектора было результатом синергии между городом и деревней.

Таким образом, для российского суперэтнуса были сохранены условия традиционной экономической деятельности с преобладанием промышленной сферы. Мобилизационная модель экономики (когда большая часть экономики оперативно переключается с выпуска гражданской продукции на оборонную за короткий период времени) органично функционировала в отечественной среде в условиях жесткого противостояния с Западом. Это позволило приумножить количественные и качественные характеристики населения, несмотря на издержки строительства социализма, потерь в Великой Отечественной войне, и стать второй экономической державой в послевоенный период. Благодаря развитию приоритетных социально-экономических сфер СССР создал огромную и уникальную научно-технологическую, производственную и кадровую базы, на основе которых стала реализовываться инновационная модель развития государства, сделавшая ставку на производство нового знания.

С развалом советской системы отечественная экономика полностью открыла экономические границы, была включена в мировую экономическую систему со свободным перемещением капитала. Экономические издержки оказались весьма внушительными по объективным причинам, что делает производство в стране как таковое нерентабельным в принципе.

---

¹⁵⁷ Зиновьев А. А. Русский эксперимент. М.: L'Age d'Homme — Наш дом, 1995. С. 30.

Стратегия сравнительного преимущества стала доминировать в России в постсоветский период идеологически и структурно и имеет сильные позиции в политико-экономической практике в настоящий момент. Принципы «Вашингтонского консенсуса» были провозглашены в качестве незыблемых условий для построения рыночной экономики и вхождения новой либеральной элиты в постмодерн Запада. Его постулаты легли в основу экономических знаний в системе среднего и высшего профессионального образования. «Это было не народное волеизъявление, не консенсус, но агония модели неудавшейся модернизации, вследствие которой мы оказались включенными в либеральный проект»¹⁵⁸, причем включены были в этот проект в качестве поставщика ресурсов. Политика либерализации перемещения капитала дала карт-бланш иностранным инвесторам на российском рынке, так как именно иностранные инвестиции обладают приоритетом в качестве источника развития. А условия низкого уровня инфляции для российского рынка, которое вынуждено выполнять правительство для привлечения иностранных инвестиций, лишает страну внутренних источников развития.

Всеобщая приватизация создала возможность ликвидации конкурентных отраслей российской промышленности. Практически была создана моносекторальная экономика на основе советского ТЭК (топливно-энергетического комплекса). Ликвидация промышленности, сведение отраслей ВПК (военно-промышленного комплекса) и АПК (аграрно-промышленного комплекса) к депрессивному состоянию привели к снижению уровня занятости населения, которая является одной из приоритетных задач здоровой экономической системы, а также сузили спектр экономического многообразия. Основные виды хозяйственной деятельности, характерные для российского суперэтнуса, были сведены к минимуму. По словам политолога Вазгена Авагяна, был уничтожен экономический фундамент существования русского народа. «Главная особенность сырьевых экономик — крайняя ограниченность реальных рабочих мест. Реальных рабочих мест в РФ осталось (после интеграции в мировое хозяйство) примерно в 10 раз меньше, чем трудоспособного населения. Оставшиеся 9/10 остались в рамках социальной политики и в ведении „соцобесов“ всех видов... большая часть работающих в РФ — на самом деле не работающие в экономическом смысле слова, а клиенты систем социальной благотворительности»¹⁵⁹.

---

¹⁵⁸ Дугин А. Г. Конец экономики. СПб.: Амфора; ТИД Амфора, 2010. С. 172.

¹⁵⁹ Авагян В. Л. Мировая экономика диктовала России уничтожение всего конкурентоспособного. 13.07.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-news.su/politics/122844-vavagyan-mirovaya-ekonomika-diktovala-rossii-unichtozhenie-vsego-konkurentosposobnogo.html> (дата обращения: 12.12.2017).

Для купирования этих колониальных препонов необходимы временные меры протекционистского характера: государственная поддержка отечественного производителя и защита его от внешней конкуренции. Эти меры могут эффективно обеспечить только мобилизационная экономическая модель с мобилизационно перераспределительной системой политического управления. В ноябре 2017 г. Президент России В. Путин анонсировал новый переход к мобилизационной модели экономики с привлечением хозяйственных субъектов различных форм собственности. Необходимо идеологически и институционально девальвировать последствия «политики постправды», выразившейся в виде «Вашингтонского консенсуса». Для этого требуется формирование новой модели государственной и территориальной идентичности русской нации как носителя новой великой цели цивилизационных масштабов, а не носителя потребительских ценностей третьесортного ранга.

В течение последних 10 лет происходит медленное изменение структуры экономики со смещением в сторону обрабатывающей промышленности. За период санкционной войны изменилась и структура экспорта к сведению его сырьевой доли максимум к 1/2. Осуществлены грандиозные инфраструктурные проекты. Россия практически перевооружила свои вооруженные силы на 2/3 новейшими образцами военной техники и вооружения, вернулась в клуб великих держав.

В этих условиях в перспективе Россия может отказаться от доллара как основы финансовой системы России, этого одного из обязательных и безальтернативных условий «Вашингтонского консенсуса». Именно робкие попытки дедолларизации и обретения экономического суверенитета С. Хусейном и М. Каддафи привели к их физической ликвидации и уничтожению их государств военной силой НАТО.

Образование континентальных геополитических альтернативных центров — ШОС, БРИКС — дает возможности образования новых рынков для развития экономики нового технологического уклада. Для этого имеются военная сила, индустриальный потенциал, возможности развития науки. Большой демографический потенциал этих стран может образовать емкий рынок для получения большой прибыли на основе наукоемких производств. На сегодняшний день в западной научной литературе страны, входящие в вышеперечисленные блоки, относят к категории «недемократических великих держав», влияние которых на мировую экономику и политику увеличивается с каждым годом, что представляет опасность для международного либерального порядка и именуется новым зарождающимся феноменом — «постпорядком». Данные тенденции влекут образование новых мир-систем и мир-экономик, которые в перспективе могут кардинально трансформировать мировую экономическую систему и создать новую систему международных отношений.

РАЗДЕЛ II.
ПОПУЛИЗМ В ТЕОРИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРАКТИКАХ

ГЛАВА 8. ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПОПУЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

---

§ 1. Зарождение популизма

В современной политике все чаще находят применение технологии, являющиеся следствием влияния народных масс на политические процессы. К таким эффективным технологиям относится популизм — регулярно возрождающийся и приобретающий современные формы политический феномен. Политические события, произошедшие в западных странах в последние годы, свидетельствуют о востребованности технологий популизма не только в развивающихся государствах, но и в консолидированных демократиях, о чем свидетельствует победа популистских сил на президентских и парламентских выборах в странах по обе стороны Атлантического океана.

Ввиду высокой значимости популизма в формировании современной политики изучение данного политического феномена приобретает все возрастающее значение. Поэтому, несмотря на неоднозначное отношение в академической среде к данному феномену, отмечается возросший интерес к этому политическому явлению не только в западной политической мысли, но и среди российских исследователей¹⁶⁰. Потребность в концептуализации современного популизма проявляется в попытках представить данное явление либо как маргинальное, характерное для нестабильных периодов политического развития, либо как системообразующий элемент политической действительности.

Зарождению современного популизма способствовали следующие события в США. После гражданской войны американские фермеры стали

---

¹⁶⁰ См.: Вайнштейн Г. И. Современный популизм как объект политологического анализа // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 69–89; Глухова А. В. Популизм как политический феномен: вызов современной демократии // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 49–68; Фишман Л. Г. Популизм — это надолго // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 55–70.

терпеть убытки от снижения цен на свою продукцию в связи с увеличением производства благодаря появлению новой техники, а также в связи с революцией на транспорте, которая заставила американских производителей конкурировать с производителями из других стран. Американские фермеры игнорировали эти причины, а вину возлагали на чрезмерные железнодорожные расходы, высокие процентные ставки, необоснованно высокие доходы механиков и торговцев и даже на некий денежный заговор, возможно, международный, созданный для поддержания недостатка в деньгах. В это же время на Диком Западе добытчики серебра были недовольны демонетаризацией серебра (с 1873 г. в США появился единый золотой стандарт), в связи с чем цена на этот металл катастрофически упала: западные старатели добыли столько серебра, что нарушили традиционное равновесие между ценами серебра и золота. Настроение разорившихся фермеров и ряда рабочих уловили общественные деятели, которые объединились в политическую организацию, оформившуюся 19 мая 1891 г. в Народную (популистскую) партию.

Популистское движение объединяло в первую очередь фермеров и рабочих на межрасовой основе в борьбе против господства монополистического капитала, установившегося в тот период. В движении отразилось мироощущение массовых слоев американских трудящихся, ставших жертвами разрушительного воздействия монополий на мелкое производство и его социальных последствий. Оно тяготело к спонтанному, организационно аморфному типу, что определялось недоверием к теоретизированию и к жесткой организации, которые воспринимались как символы отделения власти от народа. Поэтому идейно-политическое мировоззрение популистов развивалось в основном на уровне обыденного сознания.

Тем не менее популисты выдвинули ряд новых идей, соответствовавших важным тенденциям общественного развития США. Программные установки популистского движения были изложены в Омахской (1892) и Спрингфельдской (1894.) декларациях. Своеобразие популистских идей определялось следующими фундаментальными аспектами: во-первых, новым содержанием понятия «народ и народовластие»; во-вторых, новым взглядом на роль государства; в-третьих, требованием расширения демократических структур путем сочетания представительной демократии и прямой демократии, то есть непосредственного участия народа в управлении страной и контроле за деятельностью властей.

Понимание идеи народа и народовластия, предложенное популистами, отличалось от классических положений буржуазной демократии.

Высшая социальная ценность для них — не абстрактный народ, а трудящиеся массы: «истинный народ — это те, кто трудится в деревне и в городе»¹⁶¹.

Популисты выдвинули идею сильного государства, действующего в интересах трудящегося народа и под его непосредственным контролем. Дж. Хикс писал: «Популистская философия, в конечном счете, сводится к двум основным положениям: первое — правительство должно сдерживать эгоистические интересы тех, кто извлекает выгоду за счет бедных и нуждающихся; второе — народ, а не плутократы должны контролировать правительство»¹⁶². Таким образом, популисты 1890-х гг. определили на уровне массового сознания одну из центральных проблем современной политической действительности: соотношение демократии и социальной ответственности государства, предполагающее сильную исполнительную власть при четко действующем механизме демократического контроля.

Однако, являясь неопределенным по своему составу, популистское движение не смогло существовать самостоятельно. В 1896 г. популистское движение влилось в демократическую партию, поддержав на президентских выборах их кандидата У. Брайана, с именем которого связано окончательное утверждение термина «популизм» как метода политической борьбы.

Уильям Дженнингс Брайан (1860–1925) являлся кандидатом в президенты в 1896 г., а в 1913–1915 гг. президентом Вудро Вильсоном был назначен на должность государственного секретаря США. Характерными чертами популистского метода, используемого У. Брайаном, стали апелляция к обыденному сознанию масс, попытки подстроиться под их требования, использование таких черт обыденного сознания, как упрощенность представлений об общественной жизни, непосредственность восприятия, максимализм, склонность к простым и однозначным политическим решениям.

В 1900 г. популистская партия раскололась на сторонников слияния с демократами и фракцию «непримиримых», которая выдвигала списки кандидатов на президентские выборы до 1912 г.

В 1933 г. Великая депрессия породила «Новый курс» — систему мероприятий правительства президента Ф. Рузвельта, сочетающую меры по усилению государственного регулирования экономики с реформами в социальной области, характерные для требований популистского движения.

Элементы популизма исторически были характерны для российской политики. Так, российский популизм тесно связан с наследием народни-

---

¹⁶¹ Nugent W. T. K. *The Tolerant Populists*. Chicago, 1963. P. 233–234.

¹⁶² Hicks J. D. *The Populist Revolt: A History of the Farmers Alliance and the People's Party*. Minneapolis, 1931. P. 407.

чества и народников. Исследователи лишь спорят о том, в какой форме выступал популизм в то время — популистской идеологии (Валицкий, Тэггарт¹⁶³), либо политического движения (М. Кэнован¹⁶⁴). В Большом энциклопедическом словаре Ларусса (Франция) одно из определений популизма выглядит так: «Идеология и политическое движение (по-русски — народничество), получившее развитие в России в 1870-х гг., отстаивает специфический путь продвижения к социализму»¹⁶⁵.

Российский исследователь В. Г. Хорос также считает народничество одной из разновидностей популизма. По его мнению, употребление понятия «популизм» как обозначение идейных построений народнического типа не вызывает возражений. Во-первых, популизм может быть понят как широкая идейная традиция, возникающая в переходных, развивающихся обществах XIX–XX вв. В таком аспекте данный термин, по мнению В. Г. Хороса, примерно равнозначен типологическому понятию народничества. Во-вторых, термин «популизм» может быть использован для обозначения особого типа политической культуры (политического патернализма, харизматического вождизма и т. п.)¹⁶⁶.

Российское народничество вполне соответствует определению популизма как политического движения, отстаивающего интересы широких масс. Возникнув в немногочисленной просвещенной прослойке российского общества, народнический популизм не был понят простым народом и не получил массовой поддержки. Потерпев поражение в политической борьбе, он возродился со временем в идеологии и практике партии эсеров.

Сильный элемент популизма был свойственен и политике большевистской партии в России. Такие популистские лозунги, как «Мир — народам!», «Земля — крестьянам!», «Фабрики — рабочим!», сплотили вокруг большевиков многомиллионные народные массы. Их реализация сыграла решающую роль в борьбе за влияние в народе. С лозунгами, выражавшими волю и чаяния простых людей, у большевиков соседствовали и такие, которые играли на низменных инстинктах толпы, например «Грабь награбленное!» или «Война — дворцам!», которые привели к значительным утратам материальных и духовных ценностей.

---

¹⁶³ См.: *Walicki A. Russia // Populism: Its Meanings and National Characteristics* / ed. by G. Jonescu, E. Gellner. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1969. 263 p.; *Taggart P. Populism*. Buckingham PA: Open University Press, 2000.

¹⁶⁴ См.: *Canovan M. Populism*. N. Y.: Harcourt Brace Javonovich, 1981.

¹⁶⁵ *Grand dictionnaire encyclopedique Larousse*. T. 8. Paris: Librairie Larousse, 1984. P. 8340.

¹⁶⁶ Хорос В. Г. О популистских течениях в развивающихся странах // Вопросы философии. 1978. № 1. С. 108–120.

В современной истории использование популистских методов характерно как для политических деятелей демократических государств, так и для руководителей авторитарных и тоталитарных режимов. Программные установки и действия Муссолини и Гитлера были основаны на стремлении удовлетворить потребности толпы в «хлебе и зрелищах», сулили быстрые и легкие пути выхода из кризиса, привлекали обывателя громкими радикальными лозунгами и словами: раздел богатства, антиаристократизм, социальная справедливость, особая миссия. В данном контексте можно согласиться с точкой зрения Д. Кейтеба: «популизм — это результат серьезного усугубления ряда худших демократических тенденций»¹⁶⁷.

В современных условиях распространение получили политический и экономический популизм. Политический популизм является инструментом в борьбе за власть, к которому все чаще прибегают современные политики. Экономический (бюджетный) популизм связан с безответственной бюджетной и денежной политикой, перераспределением доходов, манипулированием с собственностью, что способствует экономическому кризису (характерен для современной Венесуэлы).

§ 2. Определение популизма

Термин «популизм» происходит от латинского слова *populus* — «народ». В русском языке в XIX в. появилось заимствованное из французского языка слово «популярный», где *populaire* является синонимом латинского *popularis* и обозначает «народный, обычный в народе, любимый им»¹⁶⁸. Следовательно, популизм можно этимологически объяснить как народную популярность.

Популярность не имеет отрицательного содержания. Более того, завоевание популярности в определенных сферах деятельности, например в сфере публичной политики, является необходимым условием поддержания высокого реноме. Однако популярность достигается различными методами. Под популистскими методами понимаются приемы, способы, образ действия, используемый политическими субъектами для того, чтобы заручиться поддержкой народных масс. Суть популизма заключена в таких методах достижения популярности, которые имеют отрицательную природу с точки зрения норм жизнедеятельности общества. Так как он основан на манипулировании ценностями и ожиданиями, то по своей сущности по-

---

¹⁶⁷ *Kateb G. Against Populism // The Utopian. 07.07.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.the-utopian.org/post/26917463171/against-populism> (дата обращения: 12.12.2017).*

¹⁶⁸ Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3 / сост. В. И. Даль. М., 1955. С. 307.

пулизм есть метод социально-управленческого воздействия на общество, основанный на отклоняющихся нормах и использующий поддержку народа для завоевания успеха.

Общество, наиболее восприимчивое к популизму, характеризуется состоянием, которое Герберт Блумер называет социальным беспокойством. Характерные признаки такого состояния: повышенное возбуждение; тревога; страх; неуверенность; агрессивность; раздражительность; внушаемость людей¹⁶⁹. Реализация такого беспокойства через политическую практику популизма является далеко не худшим вариантом развития событий.

В российских справочных изданиях популизм рассматривается как «деятельность, имеющая целью обеспечение популярности в массах ценой необоснованных обещаний, демагогических лозунгов и т. д. Популист в современной политике: деятель, заигрывающий с массами»¹⁷⁰. Некоторые политические деятели считают популизмом искусство завоевывать симпатии людей.

В результате широкого анализа этого феномена можно определить популизм как исторически сложившийся переходный тип политического сознания; термин, используемый для обозначения различных социально-политических движений и идеологий, в основе которых лежит апелляция к широким народным массам; политическая деятельность, основанная на манипулировании популярными в народе ценностями и ожиданиями¹⁷¹.

Можно с уверенностью сказать, что популистское сознание — это особый демократический компонент политической культуры, сутью которого является стремление широких народных масс к подлинному и непосредственному участию в политическом процессе. Американский политолог Джордж Кейтеб полагает, что популизм — это не только политический феномен, но и «устойчивое качество культуры, которое порождает каждая демократия»¹⁷². Популизм влияет на общий облик культуры, причем он способствует ее «упрощению», поэтому является востребованным в условиях доминирования массовой культуры. Как отмечает Г. Тульчинский, «если в обществе сложились социальные институты, закрепляющие иерархию ценностей, то экспансия по вертикали и „игра на понижение“, осуществ-

---

¹⁶⁹ Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: тексты. М.: МГУ, 1994. С. 172–173.

¹⁷⁰ Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. С. 306.

¹⁷¹ Баранов Н. А. Эволюция взглядов на популизм в современной политической науке. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2001. С. 34.

¹⁷² Kateb G. Against Populism // The Utopian. 07.07.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.the-utopian.org/post/26917463171/against-populism> (дата обращения: 12.12.2017).

вляемая массовой культурой, не опасна: форма, каркас ориентиров социализации сохраняется, а масскульт только поставляет массовые и качественные продукты материального и духовного потребления. Опасности подстерегают, когда в обществе отсутствуют такие институты и отсутствует элита — тренд, задающий ориентиры, подтягивающий массу. В случае же омассовления самой элиты, прихода в нее людей с массовым сознанием запускается механизм «игры на понижение», усиливающий, а не гасящий главную тенденцию. Общество деградирует в усиливающемся популизме. Собственно, популизм — это и есть массовое сознание в политике, работающее на упрощение и понижение идей и ценностей»¹⁷³.

Некоторые исследователи (Г. Мусихин, К. Мадде, Н. Урбинати) предлагают трактовать популизм как фрагментарную идеологию, которая формирует определенный набор представлений, взаимодействующий с ценностными конструкциями традиционных глобальных идеологий. К. Мадде определяет популизм как идеологию противостояния «народа» и «другого, нежели народ»¹⁷⁴.

Г. Мусихин, отмечая неспособность популизма к концептуальной целостности, не исключает возможности интерпретировать его «как особую идеологию, которая, будучи слабой, ограниченной и ущербной в своем концептуальном ядре, открыта к „браку по расчету“ с другими более цельными идеологиями»¹⁷⁵. С точки зрения данного подхода популизм не занимает позиции других идеологий, а добавляет некоторые популистские принципы к другим идеологическим концепциям, оставаясь, тем не менее, узнаваемым в своей интерпретации политического. Кроме того, популизм не может связать теорию с практикой, то есть «не обладает механизмом перевода идеологических принципов в пункты конкретного политического проекта»¹⁷⁶.

Н. Урбинати выделяет характерные черты популистской идеологии: превознесение чистоты народа как условия политики искренности, противопоставляемой повседневной практике компромисса и переговоров, которой заняты политики; апелляция к правоте большинства и утверждение его права против любого меньшинства; идентичность, построенная на противопоставлении, конструировании «нас» против «них»; канонизация

---

¹⁷³ Политическая культура / Г. Л. Тульчинский [и др.]. М.: Юрайт, 2015. С. 193.

¹⁷⁴ Mudde C. The Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. Vol. 39. Issue 4. P. 543.

¹⁷⁵ Мусихин Г. И. Очерки теории идеологий. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 156.

¹⁷⁶ Там же. С. 166.

единства и однородности народа, противопоставляемых любой его части¹⁷⁷.

Зачастую популизм рассматривается в качестве политического движения. Швейцарский политолог Урс Альтерматт считает, что «популистские движения возникают тогда, когда быстрый модернизационный толчок в определенном обществе разрушает равновесие между экономикой, политикой и культурой и вызывает в широких кругах населения неуверенность, страх и напряжение»¹⁷⁸. Он выделяет 10 признаков, характеризующих популизм как политическое движение: 1) популистские движения апеллируют, как правило, к народу и простым людям; 2) популисты выступают против политических систем и их властных элит, как бы защищая людей от власти имущих, от чиновничьего аппарата, от крупного бизнеса и прочих доминантных структур; 3) отношение популистов к государству амбивалентно: выступая за сильное государство, способное защитить маленького человека, они хотят видеть как можно меньше присутствия государства в жизни граждан; 4) популизм критикует отчуждение и отсутствие корней, поэтому популисты проявляют склонность к идеализации и прославлению таких общностей, как деревня, регион, нация, отдавая предпочтение локальному и региональному, этническим и национальным чувствам, которые ставят выше принципа свободы, создавая тем самым условия для ксенофобии; 5) происхождение популистских движений связано с сельским обществом, однако социальная мобильность современного общества привела к развитию популистских течений и в городах; 6) популистские движения в большинстве случаев направлены против интеллектуалов, хотя во главе самих этих движений часто стоят интеллектуалы; 7) популизм часто характеризуется дихотомической картиной мира, которая делит общество и его историю на хорошее и плохое: при этом хорошее остается неопределенным и идеальным, в то время как плохое в большинстве случаев конкретизируется и персонифицируется; 8) как правило, в популистском движении центральную роль играет харизматический лидер; 9) популистские движения опасны для существующей партийной системы, поскольку чаще всего носят характер радикально-демократических движений без специфического классового оттенка; 10) популистские движения концентрируются на нескольких спорных вопросах жизни общества и государства¹⁷⁹.

---

¹⁷⁷ Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ / пер. с англ. Д. Кралечкина; научный ред. перевода В. Софронов. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 288.

¹⁷⁸ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000. С. 251.

179 Там же. С. 248–250.

Многообразие идей популизма создает основу для демократических, консервативных, реакционных тенденций и, соответственно, различных его оценок — «левый популизм», «правый популизм». Возникновение правопопулистских движений является ответом на миграционный кризис, демографические сдвиги, потребность в сплочении нации перед лицом угрозы (Брекзит). Левопопулистские движения возникают как реакция на последствия глобализации (антиглобализм), борьбу за перераспределение ресурсов в пользу проигрывающих слоев населения, повышение зарплат и социальных пособий.

Среди характерных признаков правого популизма следует выделить следующие: врагом является «мигрант», «чужой», «другой»; приоритет в политической и экономической жизни имеют представители титульной нации; распространены требования прекращения помощи другим странам; борьба за сохранение своей культуры; в странах Европы широкое распространение получил евроскептицизм.

Левый популизм отличает доминирование уравнилельных требований; представление «мира капитала», «олигархии», «банков» в качестве врага; требование повышения доходов населения и улучшения социальной защищенности; широкое распространение патерналистских настроений; в странах Европы — выступления против диктата Брюсселя или финансовой политики ЕС.

И все же чаще всего под популизмом понимается метод политической борьбы, характеризующийся специфическими методами влияния на общество: попытками подстроиться под требования народа; использованием податливости больших человеческих масс на примитивные громкие лозунги; использованием черт обыденного сознания масс — упрощенность представлений об общественной жизни, непосредственность восприятия, максимализм, тяга к сильной личности; игре на ожиданиях народа; апелляцией к простоте и понятности предлагаемых мер, приоритет простых решений сложных проблем; прямому контакту между лидерами и массами без посредства политических институтов; манипулированием общественным мнением.

Современные исследования популизма были инициированы Лондонской школой экономики, которая провела в 1967 г. конференцию о популизме. В числе участников конференции были такие крупные ученые, как А. Турэн, И. Берлин, Л. Шапиро, А. Валицки, Д. Макрэ, Дж. Манчини, Р. Хофстедтер, Х. Сегон-Уотсон и др. По итогам конференции был выпущен сборник под редакцией Г. Ионеску и Э. Геллнера «Популизм: смысл и национальные особенности».

На конференции выделили шесть основных вопросов, ответ на которые позволяет сделать вывод, что такое популизм: единое явление, несмо-

тря на множественность его воплощений, или просто термин, неправильно употребляемый в совершенно разнородных контекстах.

Первый из вопросов состоял в определении популизма в качестве идеологии, движения или того и другого.

Второй фиксировал предположение, что, возможно, популизм — это постоянно возрождающийся тип мышления, проявляющийся в различных исторических и географических условиях в результате возникновения особой социальной ситуации, при которой промежуточные социальные факторы или отсутствуют, или слишком слабы.

Третий вопрос заключался в определении популизма в терминах политической психологии: популизм проникнут ощущением, что против народа упорно и целенаправленно плетется сеть явных и тайных заговоров.

Четвертый вопрос связан с главной установкой популизма, а именно: подозрительностью в отношении неведомых внешних сил, поэтому он характеризуется специфическим негативизмом — антикапитализмом, антиурбанизмом, антисемитизмом, проникнутом ксенофобией.

Пятый вопрос связан с тем, что популисты боготворят народ. Однако народ должен быть непременно слабым и несчастным. Причем, чем более народ обездолен, тем сильнее полагается его боготворить.

Шестой вопрос заключался в рассмотрении популизма в качестве постоянно возрождающегося типа мышления. Как свидетельствует история, популизм обычно исчезал, растворяясь в более устойчивых идеологиях и движениях. При этом существовало три пути, ведущих от него: первый вел к социализму; второй — к национализму; третий, как это происходило, например, в Восточной Европе перед Второй мировой войной и после нее, вел к почвенничеству¹⁸⁰.

В 1970–80-е гг. к изучению популизма подключились латиноамериканские исследователи, в центре внимания которых находились социально-экономические детерминанты массовых политических движений в ряде стран. Популизм рассматривался, с одной стороны, в качестве следствия процесса модернизации и был связан с привлечением в политику городских рабочих и среднего класса, с другой — как средство для мобилизации народа в поддержку политиков, как правило, диктаторского типа, таких как: Хуан Перон в Аргентине, Жетулио Варгас в Бразилии, Ласаро Карденас в Мексике. Однако 1990-е гг. показали, что наряду с классическим вариантом популизма, реализованного Уго Чавесом в Венесуэле, в латиноамериканских странах стал востребованным популизм, связанный с нео-

---

¹⁸⁰ Jonescu G., Gellner E. Introduction // Populism: Its Meanings and National Characteristics. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1969. P. 3.

либеральной политикой, сопровождаемой высоким уровнем общественной поддержки. Последователями нового популизма стали Алан Гарсия и Альберто Фухимори в Перу, Карлос Менем в Аргентине, Карлос Салинас де Гортари в Мексике, Колор ди Мелу в Бразилии. Популизм стал рассматриваться как «политическая стратегия, через которую политический лидер осуществляет правительственную власть на основе прямой, незаконной поддержки со стороны большого количества неорганизованных последователей»¹⁸¹.

В XXI в. число исследователей популизма резко возросло в связи с мощным популистским импульсом, распространившимся не только в развивающихся государствах, но и в странах консолидированной демократии.

§ 3. Популистская практика

В современной России популизм возник вследствие глубокого кризиса общества. Среди кризисных явлений в общественном сознании непосредственное отношение к возникновению популизма имеют два: острое разочарование части общества в социалистических ценностях, с одной стороны, и неприятие радикального обновления общества частью людей — с другой. Их склонность к восприятию популистских идей объясняется в значительной степени формирующейся политической культурой общества и демократизацией советского общества.

В связи со значительным расслоением российского общества по уровню жизни стал возможным популизм среди широких социальных групп. Произошло разрушение привычного образа жизни большинства граждан, которые не могут приспособиться к новым условиям жизни. У них возникает естественное желание побыстрее получить простые и понятные ответы на жизненно важные вопросы. Таким образом, широкая аудитория готова к восприятию популистской риторики и всех атрибутов популистского воздействия, чем успешно пользовались М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин, В. В. Жириновский, А. И. Лебедь и другие политики.

Российская политическая практика в XXI в. свидетельствует об обращении к популизму тех политиков, которые уже находятся у власти. В данном случае популистские стратегии используются как для легитимации власти, так и для отвлечения граждан от решения социальных проблем. Актуальная для популизма тема справедливости находит свое выражение

---

¹⁸¹ Weyland K. Clarifying a contested concept: Populism in the study of Latin American politics // Comparative Politics. 2001. No 34 (1). P. 14.

во внешнеполитических аспектах политической деятельности в условиях жесткого политического и экономического противостояния России и Запада. Происходит перенос понятия справедливости из внутривнутриполитической сферы с обязательным обсуждением проблемы богатства и бедности во внешнеполитический дискурс.

Российские политики обращаются к популистским методам не для акцентирования внимания на вопросах социальной справедливости, а для переориентации граждан на те или иные проблемы в зависимости от их актуальности, общественной значимости и политической востребованности. Так, в последние годы наиболее актуальными стали проблемы исторической справедливости, связанные со становлением России как великой державы; национального единства, реализуемого через поддержку «русского мира» за пределами страны. Причем такая политика коррелируется ожиданиями населения, которое в своем большинстве поддерживает политическое руководство, ее реализующую.

На схожие тенденции в политической практике своей страны обращают внимание и американские политологи. Характеризуя американскую внешнюю политику, Д. Кейтеб отмечает, что в этой сфере «комбинация интересов элиты, разнообразных социальных интересов и патриотического рвения большинства оказывает разлагающее воздействие на общество». Популизм здесь принимает форму, по выражению американского политолога, «патриотического энтузиазма»¹⁸². В таких условиях нередко происходит подмена патриотизма, как любви к родине, лояльностью к власти.

Политические события, произошедшие в западных странах в последние годы, свидетельствуют о востребованности технологий популизма не только в развивающихся государствах, но и в консолидированных демократиях. У. Альтерматт отмечает широкое распространение правого популизма в странах Европы, начиная с конца 1980-х гг. Причем причины успеха правопопулистских сил не одинаковы. Так, в Дании, Норвегии, Финляндии, Швеции они связаны с борьбой против скандинавской модели социал-демократического государства благосостояния с его высокими налогами. В Бельгии правые популисты объединились по языковому признаку и были последовательными сторонниками федерализации страны. В Италии в 1994 г. на парламентских выборах победу одержала партия «Вперед, Италия», возглавляемая харизматичным политиком Сильвио Берлускони, используемым для своей популярности медийные средства, владельцем которых он являлся. Характеризуя популистские стратегии С. Берлускони,

---

¹⁸² *Kateb G. Against Populism* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.the-utopian.org/post/26917463171/against-populism> (дата обращения: 12.12.2017).

итальянский политолог Норберто Боббио акцентировал внимание на его умении «ловко упрощать экономические концепции, делая их доступными для всех», «добиваться сочувствия, выставляя себя в качестве жертвы заговоров, предательств, невинной мишени злобных врагов и вероломных союзников»¹⁸³.

В ряде других европейских стран правопопулистские партии стали появляться вследствие волн миграции и экономических проблем, связанных с социально-ориентированной политикой ведущих политических сил. Наибольших успехов такие партии добились в Австрии («Австрийская партия свободы» — в 1999 г. под руководством Йорга Хайдена на парламентских выборах добилась второго результата, а 15 октября 2017 г. партия, возглавляемая Хайнц-Кристианом Штрахе, заняла третье место и вместе с Австрийской народной партией сформировала коалиционное правительство), во Франции («Национальный фронт» Жан-Мари Ле Пен и Марин Ле Пен). Правопопулистские партии функционируют с разной степенью успешности в различных европейских государствах, время от времени заявляя о себе всплесками митинговой активности и, все чаще, успешными предвыборными кампаниями. Так, греческая националистическая политическая организация «Золотая Заря» выступает против политики мультикультурализма и западной глобализации, является сторонницей массовых депортаций нелегальных иммигрантов, активно использует социальную повестку в своих интересах. С 2012 г. имеет стабильное представительство в греческом парламенте, подтверждавшееся в ходе нескольких выборов кампаний, а с 2014-го — в Европарламенте. Немецкая «Альтернатива для Германии», созданная в 2013 г., по итогам парламентских выборов 2017 г. стала третьей по численности партией в ФРГ. Ее лозунги — «Ислам не является частью Германии», «Отказ от евро», «Ограничение партийной власти», «Германия обязана стать членом Совбеза ООН», «Возврат к атомной энергетике» — все больше находят поддержку среди немецкого населения. Националистическая популистская Партия свободы в Нидерландах, занимающая жесткую позицию в отношении иммиграции и связанных с ней социальных и культурных процессов, по итогам парламентских выборов в 2017 г. заняла второе место. В Великобритании правые популисты, ассоциирующиеся с выходом из ЕС, побеждают на соответствующем референдуме.

Левопопулистские партии также получают солидную поддержку со стороны избирателей. Победу на парламентских выборах в Греции

---

¹⁸³ Цит. по: *Вироли М. Свобода слуг* / пер. с ит. И. Кушнаревой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 101.

одержала популистская коалиция радикальных левых сил «Сириза», выступающая за возвращение национального суверенитета, утерянного вследствие проводимой властями неолиберальной политики, программ жесткой экономии, навязанной Греции в обмен на кредиты от ЕС и МВФ. Левопопулистская волна включает в себя такие движения, как «Подemos» в Испании, являющаяся третьей по численности в парламенте, «Левый блок» в Португалии, также с успехом прошедший в парламент, «Движение пяти звезд» в Италии, сочетающее элементы левой идеологии в своей политике. Нынешний руководитель Лейбористской партии Джереми Корбин призывает сгладить разницу между богатыми англичанами и остальными жителями страны, настаивая на перераспределении ресурсов и повышении зарплат для последних, что служит основанием для обвинений его в популизме. В случае прихода к власти лидер лейбористов обещает национализировать энергетическую отрасль страны, сократить расходы на военные нужды, отказаться от дорогостоящей модернизации ядерного щита страны и повысить налоги для богатых¹⁸⁴.

Популистские лозунги находят отклик и в постсоциалистических странах. Так, в Румынии и Болгарии эксплуатируются национальные и социальные проблемы в политических целях: востребовано сочетание социальных обещаний, антипатий к этнически «чужим» и потребность в сильной личности во главе государства. В Сербии, Хорватии и Словакии широкий отклик получили идеи великого национального государства. В Польше сильно осознание особой роли поляков в восточноевропейской политике и исторические обиды за прошлое на соседей — Германию и Россию. Однако ввиду особой роли Германии в Европейском союзе негативный акцент был перенесен на Российскую Федерацию. Популисты (например, партия «Право и справедливость») акцентируют внимание на значимости национального суверенитета, исходят из идеи европейской солидарности, полагая, что богатые страны должны помогать бедным. В Венгрии с 2010 г. у власти находится правопопулистская партия ФИДЕС, выступающая под лозунгами национального суверенитета, для чего была проведена конституционная реформа, объявлена политика «открытости на Восток», снижены тарифы на энергоносители, национализированы пенсионные фонды и ограничена деятельность иностранных банков в стране.

На Американском континенте не только в странах Южной Америки востребованы популистские лозунги. В США неожиданную победу на пре-

---

¹⁸⁴ Джереми Корбина переизбрали лидером лейбористов Великобритании // Сайт Newsru.com, 24.09.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/world/24sep2016/corbin.html> (дата обращения: 12.12.2017).

зидентских выборах одерживает правый популист Дональд Трамп с призывом «Сделаем Америку снова великой».

§ 4. Причины популярности популизма

Широкое распространение популизма в XXI в. определяется рядом причин. Одна из них — последствия экономической стагнации в ряде западных стран, которая связана с опасениями среднего класса потери своего статуса и отсутствием перспективы. Уникальная историческая общность — «средний класс золотого миллиарда» — находится в кризисе. Впервые после Второй мировой войны новое поколение на Западе живет хуже, чем предыдущее, что не может не служить поводом для обеспокоенности за будущее с возложением ответственности на других.

Еще одной причиной востребованности популизма во всем мире являются сильные антиэлитные настроения. Избиратели все чаще голосуют против «истеблишмента» по причине невыполнения элитой своих обязательств перед народом¹⁸⁵. На президентских выборах во Франции гранды французской политики проиграли молодому политику, 39-летнему Э. Макрону, создавшему свое политическое движение всего за год до выборов.

Неспособность либеральных демократических правительств противостоять массовому притоку мигрантов, крушение мультикультуральной политики стали причиной популярности политических партий и движений, которые соединили в своих программах популистские лозунги с националистическими. В результате появился феномен национального популизма как разновидности политической деятельности, основанной на эксплуатации национальных чувств людей и использовании популистских методов в политической борьбе. Характерными чертами национального популизма являются политическая, экономическая, культурная дискриминация этнических меньшинств, ущемление прав других этносов, распространение правовых и социальных привилегий титульной нации, жесткие законы о гражданстве и иммиграции, затруднения в смене правящего большинства, запрет на создание национальных общественно-политических организаций, прославление несуществующего всеобщего национального единства.

В условиях посткоммунистических трансформаций в странах Центральной и Восточной Европы также появились популистские лидеры и партии, которые стали широко эксплуатировать национальные и соци-

---

¹⁸⁵ Laclau E. On Populist Reason. L.: Verso Books, 2005. P. 120.

альные проблемы в политических целях¹⁸⁶. Поэтому современные исследователи все чаще рассматривают популизм как форму политики, основанную на новых способах связи политических лидеров и политических организаций с народом. Следует отметить, что данный политический феномен появляется лишь в условиях, когда возникает потребность в демократических преобразованиях, и политики хотят заручиться поддержкой общества.

Для возникновения популизма не обязателен кризис: популизм может вырасти из повседневных механизмов демократии. Уругвайский политолог Франсиско Паницца, например, видит в популизме зеркало демократии по той причине, что оно отражает глубинную природу демократии, выводя на свет все ее проблемы¹⁸⁷.

Популизм, основывающийся на демократических практиках, вместе с тем представляет опасность для демократии. Он стремится не к демократии, а к единодушию, принося защищаемую им свободу в жертву моральному единству. Популизм может уничтожить демократию, поскольку он стремится к централизации власти, ослаблению сдержек и противовесов, усилению исполнительной власти, пренебрежению политической оппозицией, трансформации выборов в плебисцит, служащий интересам лидера. Ядро популизма — это народ, а не гражданин. Популистская политика чужда плюрализму, инакомыслию, мнению меньшинства. Недаром У. Альтерматт считает, что популизм связан с президентской или авторитарной формой господства¹⁸⁸.

Характеризуя современный популизм, Такис Паппас отмечает, что он всегда демократичен, но никогда не бывает либерален, поэтому он называет его демократическим лжелиберализмом, поскольку популизм выступает против принципов политического либерализма¹⁸⁹.

---

¹⁸⁶ См.: Национализм и популизм в Восточной Европе. Сб. науч. трудов / редкол.: Ю. И. Игрицкий (отв. ред.) и др. М.: ИНИОН РАН, 2007. 176 с.; Восточная Европа: 20 лет социальной трансформации. Сб. науч. трудов / редкол.: Ю. И. Игрицкий (отв. ред.), Л. Н. Шаншиева (отв. ред.) и др. М.: ИНИОН РАН, 2010. 198 с.; Внешняя политика стран Восточной Европы в первом десятилетии XXI в. Сб. науч. тр. / отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М.: ИНИОН РАН, 2013. 182 с.

¹⁸⁷ См.: *Panizza F. Introduction: Populism and the Mirror of Democracy // Populism and the Mirror of Democracy / edited by F. Panizza. L.; N. Y.: Verso, 2005. P. 1–31.*

¹⁸⁸ *Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. С. 258.*

¹⁸⁹ *Pappas T. Modern Populism: Research Advances, Conceptual and Methodological Pitfalls and Minimal Definition // Oxford Research Encyclopedias. Politics. Oxford University Press, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://politics.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-17> (дата обращения: 12.12.2017).*

Популистские стратегии оказываются эффективными в краткосрочный период: при выработке государственной политики они способны только на определенный срок отвлечь от актуальных социальных проблем.

Тем не менее не следует относиться к популизму как к однозначно негативному явлению. Современные популисты поднимают проблемы, о которых политики предпочитают не говорить, так как они сложны, а любые возможные шаги по их решению болезненны и неизбежно вызовут рост напряжения и конфликты. В то же время уже сейчас наблюдается перехват инициативы действующими политиками, которые под напором популистов смелее начинают говорить о злободневных проблемах, замалчиваемых ранее, о чем свидетельствуют предвыборные кампании 2017 г. в ряде европейских государств.

Любой политик, действующий в условиях демократии, должен быть немного популистом, так как полное игнорирование нужд избирателей во имя теорий приводит к поражению на выборах. В явлении популизма, как совокупности форм и методов за влияние в народе, важно, во имя чего ведется эта борьба, как будет использовано это влияние и что в итоге получит народ.

ГЛАВА 9.

ПОПУЛИЗМ В ПОЛИТИКЕ: СТРУКТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ РИСКИ

---

§ 1. Сущность и формы популизма

Деятельность популистских партий, движений и лидеров, использование популистских технологий в избирательных кампаниях — неотъемлемая черта политического процесса во многих странах современного мира. Представляется, что возникновение самого феномена политического популизма относится еще к Античности, осознание же наличия подобного феномена, появление термина «популизм» относится к началу XIX в. Этимологически слово «популизм» подчеркивало связь соответствующих политических доктрин и практик с интересами простого народа. Впервые это слово в качестве официального термина было использовано в 90-е годы XIX в. в Соединенных Штатах Америки. К этому времени там уже сложилась двухпартийная система. Обе ведущие партии — и демократы, и республиканцы — возникли до Гражданской войны, в первые десятилетия существования Соединенных Штатов. К концу XIX столетия и Демократическая, и Республиканская партии, при всех различиях между ними, представляли прежде всего интересы правящей элиты США, не всегда учитывая настроения и чаяния широких народных масс.

В конце XIX в. в Соединенных Штатах происходили быстрые перемены. После Гражданской войны продолжалась массовая миграция из европейских стран. Реконструкция обуславливала глубокие сдвиги в экономике и социальной структуре американского общества. Складывались предпосылки для расширения возможностей политического участия социальных слоев, традиционно слабо влиявших на американскую политику. Однако политическая элита США не смогла вовремя увидеть и оценить новые тенденции общественного развития и столкнулась с неожиданным для себя вызовом. Этот вызов был брошен вновь возникшей политической партии, которая впервые назвала себя «популистской». Одним из главных требований Популистской партии стало требование обеспечить фермерам доступ к так называемым дешевым деньгам — бумажным и серебряным.

Американские фермеры наивно полагали, что увеличение денежной массы не приведет к инфляции и обесцениванию их накоплений. Они считали, что их беды, связанные с падением цен на сельхозпродукцию, объясняются сокращением количества денег в обращении. Популисты, отразив настроения фермеров, критиковали финансовую политику правительства по укреплению золотого стандарта доллара, считая такую политику результатом сговора с финансовыми воротилами, такими как Морган.

«Теория заговора» вообще была весьма популярна среди первых американских популистов. «Заговором» они объясняли образование больших корпораций, которые грабят простых американцев. Для того чтобы пресечь процесс монополизации экономики, государство должно активно вмешаться в нее, что это станет возможным, когда само государство перейдет под контроль народа, а именно Популистской партии, поскольку именно Популистская партия является выразителем интересов народа. Существовавшая же политическая система, по мнению сторонников Популистской партии, больше не отражала интересы народа. «Это уже не народное правительство, избранное народом для блага народа, — провозглашала одна из активисток Популистской партии Мэри Лиз, — а правительство Уолт-Стрита, избранное Уолт-Стритом для блага Уолт-Стрита. Наши законы — порождение системы, одевающей мошенников в мантии, а честных людей — в лохмотья»¹⁹⁰.

Несмотря на столь радикальные, по сути, антикапиталистические настроения, первые американские популисты были далеки от социалистических, революционных идей. Они оставались верными демократическим принципам и верили в возможность мирного осуществления социальных реформ. В ряду таких реформ Популистская партия предложила и реформы политической системы, в частности замену представительных институтов институтами прямой демократии, при этом высшим органом власти должен был стать всенародный референдум. Любопытно, что еще в конце XIX в. американские популисты предлагали избирать президента США не через коллегию выборщиков, а путем прямого голосования. Некоторые из предложенных популистами мер были позже реализованы системными политическими силами, то есть демократами и республиканцами. Значительная часть идей, которые пропагандировала Популистская партия, были заведомо утопическими и нереалистическими. Но лозунги популистов были простыми, отвечавшими настроениям народных низов и доступными для понимания широким народным массам. Вследствие этого

---

¹⁹⁰ Невинс А., Коммаджер Г. История США: От английской колонии до мировой державы. Н.-Й.: Телекс, 1991. С. 366.

Популистская партия быстро сумела добиться впечатляющих успехов. На выборах 1892 г. за кандидата в президенты США от Популистской партии проголосовало 10 % американских избирателей. Несколько представителей Популистской партии были избраны в Сенат. Ни до, ни после этого ни одна политическая партия, кроме двух основных, не добивалась подобных результатов.

Однако успешный период для Популистской партии длился недолго. Сама партия по составу была весьма неоднородной, если не сказать пестрой. В ней оказались и те, кто разделял социалистические взгляды, и те, кто верил, что возвращение к принципам свободной конкуренции и обеспечение мелким производителям доступа к «дешевым деньгам» приведет к социальной справедливости. Внутренние разногласия лежали в основе раскола Популистской партии и ее ухода с политической арены США. Само же понятие «популизм» прочно вошло в политический лексикон.

Поскольку популизм, как показал уже американский опыт, — движение внесистемное и антиэлитарное, представители элиты стали вкладывать в это понятие негативный смысл. Общее признание получила характеристика популизма как движения, которое спекулирует на предрассудках и заблуждениях народных масс, манипулирует ими для достижения своих политических целей. Такая характеристика имеет под собой основание, но она не исчерпывает всю палитру популистских идей и взглядов. Следует отметить, что, во-первых, не все популистские идеи и лозунги являются сознательным или бессознательным обманом, и, во-вторых, популизм всегда вырастает из общественной жизни. Хотя Популистская партия США прекратила свое существование еще в конце XIX в., популистские традиции в этой стране сохраняются многие десятилетия вплоть до сегодняшнего дня.

Примеры возникновения и деятельности популистских движений есть и в других странах. Одно из известных в Западной Европе середины XX в. популистских движений — пужадизм во Франции, получивший название по имени своего основателя и лидера Пьера Пужада. Начало 1950-х гг. во Франции отличалось социально-экономической и политической нестабильностью. Положение в стране периода существования Четвертой республики вызывало недовольство во многих слоях французского общества. Социальной основой движения Пьера Пужада стали мелкие и средние собственники на юге Франции, которые выражали недовольство государственной политикой и, особенно, высокими налогами. Движение пужадистов было направлено и против крупного капитала, и против профсоюзов, противостоящих капиталу, и против левых политических партий. Не ставя под сомнение основы существующего республиканского строя, пужадисты требовали изменения правительственного курса. Четкой и последовательной программы движение Пьера Пужада выработать так и

не сумело, однако это не помешало ему добиться серьезного, хотя и кратковременного успеха. На парламентских выборах 1956 г. движение Пьера Пужада получило более 2,5 млн голосов избирателей и в Национальном собрании Франции его представляли 53 депутата. А уже в 1958-м вследствие рыхлости организационной структуры и слабости руководства движение пужадистов распалось.

Известным популистским идейно-политическим течением второй половины XX в. был также перонизм в Аргентине. В отличие от пужадизма, оказавшимся кратковременным общественным явлением во Франции, перонизм влиял на политическую жизнь Аргентины в течение нескольких десятилетий. Еще одним отличием перонизма от пужадизма была их социальная база: социальную основу пужадизма, о чем уже речь шла, составляли мелкие и средние собственники города и деревни, а социальной базой перонизма были промышленные рабочие. Кроме того, в отличие от Пьера Пужада, не сформулировавшего какой-либо внятной социально-политической доктрины, у Хуана Доминго Перона она была. Данная доктрина получила название хустисиализма, главным ее принципом провозглашался принцип социальной справедливости. Доктрина хустисиализма предусматривала активное вмешательство государства в экономику и проведение протекционистской промышленной политики для защиты местных производителей. В области международных отношений хустисиализм выступал на стороне политики неприсоединения. Особое внимание уделялось проблемам расширения прав профсоюзов, предоставления избирательного права женщинам, улучшения социально-экономического положения трудящихся. Во многом доктрина хустисиализма близка левым политическим идеологиям, но характеризовать перонизм как левое социально-политическое движение вряд ли возможно. В 1930-е гг. сам Х. Перон не скрывал своих симпатий к политической практике и идеям европейского фашизма.

Политическое возвышение Перона и начало формирования его движения относится к периоду Второй мировой войны. В 1943 г. он участвовал в подготовке и осуществлении военного переворота, после которого стал министром труда. Находясь на этом посту, Перон установил тесные связи с профсоюзами и смог осуществить ряд мер в интересах промышленных рабочих. В короткое время Перон приобрел популярность в народе, стал заметным политическим лидером, что помогло ему в 1946 г. победить на президентских выборах и возглавить государство. Формально сохранив демократические институты, Перон установил персоналистский авторитарный режим. При этом он постоянно апеллировал к широким народным массам. Но, если у рабочих он пользовался довольно широкой поддержкой, то у других социальных слоев и частично элиты его правление вызывало недовольство. Хотя в 1952 г. Перон был избран на второй президентский срок,

в 1955-м он был свергнут в результате военного переворота и вынужден был на долгие годы покинуть Аргентину. И все же перонистское движение пустило глубокие корни в этой стране. Незадолго до своей смерти в 1973 г. Перон вновь вернулся к власти. Перонистское движение в Аргентине сохранилось и после смерти его основателя в 1974 г. В дальнейшем под воздействием внешних и внутренних факторов оно эволюционировало от принципов хустисиализма в сторону утвердившихся в мире к концу XX в. неолиберальных ценностей.

Характерный для популистских партий и движений эклектизм идеологических платформ и программных установок затрудняет четко разделить популизм на правый и левый. В целом можно отметить, что левые популисты больше внимания уделяют социальной проблематике и видят врагов в господствующих социальных группах. Правые же популисты часто причины всех бед и общественных неурядиц видят в наличии чуждых этнических и религиозных социальных групп, исповедуют националистические и расистские взгляды.

При всех различиях между популизмом левого и правого типа есть немало общего. Популизм в политике, как правило, предлагает простые решения сложных проблем, причем такие решения находят поддержку у широких масс населения, не обладающих высоким интеллектом и глубокими познаниями. Собственно, на этом и основан успех всех без исключения партий, движений и лидеров популистского толка.

В то же время исторический опыт показывает, что период существования популистских политических структур и их лидеров может оказаться очень недолгим. Недолговечность популистских образований имеет много причин. Как правило, они отличаются организационной рыхлостью и формируются вокруг одного единственного лидера. Уход лидера с политической арены означает довольно быстрый распад подобной структуры. Популистские движения и их лидеры способны быстро завоевывать популярность, но также быстро ее терять. Это происходит потому, что они дают заведомо невыполнимые обещания. Но популистскими технологиями и приемами пользуются и политические силы, которые не относятся к числу популистских. Невыполнение предвыборных обещаний — весьма распространенное явление в любой стране, где существует институт сколько-нибудь соревновательных выборов.

Популисты, в отличие от тех, кто только использует популистские технологии, как правило, искренне верят в то, что они предлагают. Но выполнить свои обещания в полном объеме они не способны не только потому, что все, ими предлагаемое, абсолютно невыполнимо. Бывает, что популистские силы предлагают решения, которые теоретически могут быть реализованы. Однако на практике реализовать их так и не удается. Дело в

том, что, кроме всего прочего, популисты сталкиваются с так называемыми структурными ограничениями. Под ними следует понимать формальные и неформальные правила, присущие любой политико-экономической системе. Популизм по определению — антисистемная сила. Популисты декларируют намерения абсолютно изменить или даже разрушить существующую систему. Пока популистские силы борются за власть, они могут провозглашать самые радикальные идеи и лозунги. Но, придя к власти, любая радикальная сила должна считаться с реальными обстоятельствами и решать стоящие перед ними проблемы теми способами, которые имеются в действительности. И тогда они вынуждены считаться с формальными и неформальными правилами в данной конкретной ситуации и конкретной системе. На практике это означает неизбежный отказ от многих данных ранее обещаний.

§ 2. Популизм в политической истории России

Как и у большинства стран современного мира, у России есть свой опыт возникновения и деятельности популистских движений. Правда, говорить о популизме как о заметном общественном феномене можно применительно лишь к отдельным периодам отечественной истории двух последних столетий.

В научной литературе обращалось внимание на определенную взаимосвязь понятий «популизм» и «народничество»¹⁹¹. Следует согласиться, что при всех различиях у этих явлений есть немалое сходство. И популизм, и народничество объединяет ориентированность на народные массы, апелляция к социальным низам, призывы к установлению социальной справедливости и выдвижение утопических проектов изменения общественных отношений. Но если популизм — это, как правило, феномен публичной политики, то народничество может быть представлено также идейно-политическими концепциями, не связанными напрямую с массовыми политическими действиями.

Россия по праву может считаться родиной народничества как типа политической идеологии и политической практики. Возникновение народничества относится еще к середине XIX в. и связано с деятельностью таких русских социальных мыслителей, как А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и др. На протяжении большей части второй половины XIX в. народничество

---

¹⁹¹ См.: *Хорос В. Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах.* М.: Наука; Главная редакция вост. лит-ры, 1980. 286 с.

оставалось ведущей силой зарождавшейся и развивавшей оппозиции по отношению к самодержавному царскому режиму. Центральной идеей русского народничества была идея об особом пути развития России, отличающемся от развития стран Западной Европы. Этот особый путь обосновывался сохранением в русской деревне общинного уклада, что позволяло народникам мечтать о возможности торжества в России идей социальной справедливости. В зависимости от того, каким путем народничество предлагало достичь поставленных целей, оно распалось на несколько течений — от радикально-революционного до либерального. Однако при отсутствии в тогдашней России условий для открытой, публичной политической деятельности русское народничество не стало массовым политическим движением.

Революционное народничество после провала своего проекта «хождение в народ» вступило на путь индивидуального террора. Однако оно так и не смогло добиться поставленной цели — крестьянской революции и социалистического преобразования российского общества на основе общинных традиций. Разочаровавшись в терроризме, часть революционных народников обратилась к марксизму, получившему распространение в Западной Европе. На фоне других социалистических концепций, включая русское народничество, марксизм в XIX в. выглядел фундаментально обоснованной системой взглядов. Социализм в его марксистской форме превратился, по словам Ф. Энгельса, «из утопии в науку». Социалистическая революция, по мнению основоположников марксизма, должна была стать результатом объективного процесса социально-экономического развития, а не результатом деятельности группы решительных людей, готовых по своей воле менять общественные отношения.

Первые русские марксисты считали, что Россия еще не прошла необходимого периода капиталистического развития и поэтому не готова для социалистической революции. Критикуя своих недавних единомышленников, Г. В. Плеханов указывал, что их установка на социалистическую революцию в отсталой стране может привести к трагическим последствиям для самих революционеров¹⁹². При этом Плеханов ссылаясь на работу Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии», описывающую сходную ситуацию¹⁹³. Энгельс считал, что революционеры, пришедшие к власти раньше, чем созрели условия для господства того класса, который они пред-

---

¹⁹² Плеханов Г. В. Наши разногласия // Избранные философские произведения в пяти томах. Т. 1. М.: Госполитиздат, Академия наук СССР; Институт философии, 1956. С. 345.

¹⁹³ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1956. Т. 7. С. 423.

ставляют, будут вынуждены реализовывать требования не этого класса, а того класса, для господства которого условия уже созрели. Впоследствии Г. В. Плеханов использовал те же аргументы, критикуя взгляды представителей леворадикального крыла российской социал-демократии — В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого, допускавших возможность не «буржуазной», а «социалистической» революции в России. По сути, Плеханов говорил о том, что на пути реализации замысла русских радикалов стоят структурные ограничения, которые, как отмечалось выше, мешают и достижению целей популистских движений. Как показывает российский опыт, такие структурные ограничения могут быть преодолены, но последствия такого преодоления могут быть неожиданными.

Элементы популизма можно отметить у многих политических лидеров и политических движений в период радикальных революционных потрясений. В эпохи великих революций сама психологическая атмосфера стимулирует появление, с одной стороны, людей, дающих заведомо невыполнимые обещания, с другой — людей, готовых этим обещаниям верить¹⁹⁴. Так было во времена Великой французской революции и во времена Великой русской революции, начавшейся в феврале 1917 г. Откровенно популистская демагогия была присуща анархистам, получившим в тот период заметное влияние среди некоторых общественных групп, которое, впрочем, довольно быстро исчезло. Популистские приемы использовали и большевики для завоевания на свою сторону масс и для захвата, опираясь на них, политической власти. Лозунги большевиков летом и осенью 1917 г. были до предела упрощенными и рассчитанными на то, что бы быть доступными для понимания малообразованным слоям рабочих, крестьян и, особенно, солдат и матросов.

Один из вождей Октябрьской революции — Л. Д. Троцкий — даже на этом фоне выделялся умением использовать популистские приемы. Ему принадлежит заслуга «перевода» взятого из «Капитала» К. Маркса сложного положения об «экспроприации экспроприаторов» в простой и доходчивый лозунг «грабь награбленное». Кронштадтских матросов с легкой руки Л. Троцкого стали называть «красой и гордостью русской революции». Эту льстящую матросам фразу Троцкий произнес в июньские дни 1917 г. для того, чтобы вырвать из рук вышедшей из под большевистского контроля толпы одного из лидеров партии эсеров Виктора Чернова.

Особый успех принесло большевикам требование заключения мира «без аннексий и контрибуций». Именно благодаря этому лозунгу за большевиками пошел гарнизон Петрограда, значительная часть армии и флота.

---

¹⁹⁴ См.: Революционный невроз. М.: Институт психологии РАН, Изд-во «КСП+», 1998. 576 с.

И, в конечном счете, это стало важнейшим фактором победы Октябрьской революции. Но вскоре после завоевания власти большевики столкнулись с последствиями своего безудержного популизма. Армия, распропагандированная большевиками и уставшая от многолетней войны, была неспособна продолжать боевые действия. Обращение большевистского правительства ко всем воюющим странам о заключении «демократического мира» осталось без ответа. Противники России в Первой мировой войне — Германия, Австро-Венгрия и их союзники — согласились вести переговоры о мире, но на своих жестких и откровенно аннексионистских условиях. Попытки Троцкого, используя свое красноречие, вести революционную пропаганду среди немецких рабочих и солдат через головы немецких генералов и дипломатов в период мирных переговоров в Бресте привели к срыву самих переговоров. В итоге в феврале-марте 1918 г. большевики столкнулись с тем, что можно назвать структурными ограничениями, которые часто становятся препятствиями для реализации на практике популистских программ и лозунгов.

Для того чтобы выйти из внешнеполитического тупика начала весны 1918 г., В. И. Ленин предпринял маневр с заключением, как он сам признавался, «похабного Брестского мира». В тактическом плане этот маневр удался, поскольку поражение Германии в Первой мировой войне сделало Брестский договор недействительным, но отдаленные геополитические последствия данного международно-правового акта столетней давности сказываются на интересах России по сей день.

Во внутривнутриполитическом плане большевикам пришлось столкнуться со структурными ограничениями при реализации своего стратегического курса на социалистическую революцию. Конечно, и Ленин, и Троцкий всегда отдавали себе отчет в том, что, согласно марксистской теории, Россия не готова для социалистических преобразований. Но оба вождя Октябрьской революции полагали, что это противоречие может разрешиться, по словам Троцкого, «на арене мировой революции пролетариата»¹⁹⁵. Уже после Октябрьской революции Ленин неоднократно вспоминал, что, идя на завоевание власти, большевики всерьез рассчитывали на скорое начало европейской и мировой социалистической революции¹⁹⁶. В таком случае, как надеялись большевистские вожди, «победоносный пролетариат» развитых стран придет к ним на помощь, и Россия сможет совместно с этими странами осуществить переход к социализму. Поэтому Ленин игнорировал

---

¹⁹⁵ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 148.

¹⁹⁶ Ленин В. И. III конгресс Коммунистического интернационала 22 июня — 12 июля 1921 г. // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 44. С. 36.

уже упоминавшееся предупреждение Плеханова и отсылки последнего к авторитету Ф. Энгельса.

Уверившись в неизбежности и скором начале мировой пролетарской революции, большевики осуществили небывалый в истории социальный эксперимент, поставивший не только их партию, но и Россию на грань катастрофы. Реальности начала 1920-х гг. вновь показали наличие структурных ограничений, которые надеялись, но безуспешно, преодолеть вожди русской революции.

Вот как описывал создававшуюся ситуацию один из критиков большевиков и родоначальников марксистского движения в России А. Н. Потресов: «Как только большевизм, утвердившись на своих государственных позициях, задумал превратить их в трамплин для скачка в область тех своих посулов, под вексель которых он эту власть получил, так тотчас же дала себя неукоснительно почувствовать та машина исторической закономерности, которую собирались надуть демиурги. Перед ними встала дилемма: либо, отказавшись от выданных революции векселей, отказаться и от власти — это было бы решение по-честному, либо власть сохранить, — но — увы! — лишь для того, чтобы начать сначала незаметный, а потом все более и более явственный, неизбежный процесс своего превращения в собственную противоположность из революционно-утопической партии всех эксплуатируемых в заведомую группу олигархов-эксплуататоров»¹⁹⁷. Как и Г. В. Плеханов, и другие критики большевиков, А. Н. Потресов полагал, что, пытаясь осуществить социалистическую революцию в отсталой стране, большевики не смогут выйти за рамки объективных закономерностей, в соответствии с которыми революция в российских условиях должна была быть только «буржуазной». Но они ошиблись. Большевикам вроде бы удалось преодолеть вставшие перед ними структурные ограничения и, несмотря ни на что, строить социализм «в одной, отдельно взятой стране». Но результат их усилий, хотя и имел немалые достижения, весьма отличался от изначально задуманного и от заманчивых обещаний, даваемых широким массам.

В созданной И. В. Сталиным и его соратниками тоталитарной системе не было места для публичной политики, а следовательно, для популизма в его чистом виде. Но некоторые элементы популистского типа политического лидерства были продемонстрированы в период оттепели 1950–60-х гг. Н. С. Хрущевым. Правда, по причине волюнтаризма и верхоглядства, часто свойственным его решениям и действиям, Хрущев сначала растерял завоеванную было популярность, а затем потерял и власть.

---

¹⁹⁷ Потресов А. Н. Горе от ума // Новое время. 1991. № 18. С. 42.

Возможность для возрождения популизма как социально-политического феномена появилась в СССР в годы перестройки. По степени радикальности общественных изменений перестройку можно сравнить с русскими революциями начала XX в. Для этих революций, по мнению ряда российских политологов, были характерны следующие социально-политические и социально-психологические особенности состояния тогдашнего российского общества:

- «1) *самобытный анархизм масс, удерживаемых режимом насилия в состоянии пассивного подчинения;*
- 2) *упадок правящего класса, осужденного историей на гибель, но надеявшегося на спасение и помощь пошатнувшегося самодержавия;*
- 3) *теоретический максимализм революционной интеллигенции, склонной к утопическим решениям и лишенной политического опыта;*
- 4) *психологические особенности национального генотипа, склонного к замедленной реакции на внешние раздражители, а потому конденсирующего в себе взрывоопасный заряд психической энергии, прорывающийся в виде революционных взрывов;*
- 5) *сепаратистские устремления национальных элит»*¹⁹⁸.

Все эти особенности проявились и в годы перестройки и обусловили возрождение популизма как заметного явления в отечественном политическом процессе. Как и в других странах в переломные исторические эпохи в перестроенном Советском Союзе стали появляться политические лидеры популистского толка, получили широкое распространение популистские идеи и политические лозунги. Нередко к использованию популистских политических технологий прибегали и лица, занимавшие весьма высокое официальное положение. Сам лидер советской перестройки М. С. Горбачев в первые годы своего правления демонстрировал популистский стиль общения с массами, напоминавший стиль Н. С. Хрущева. Но преуспел в использовании популистских политических технологий будущий первый президент России Б. Н. Ельцин. Еще занимая пост первого секретаря МКГ КПСС, Б. Н. Ельцин демонстрировал различные популистские приемы. Он ходил как простой покупатель по магазинам, появлялся в городском транспорте, ездил в обычную поликлинику, при этом везде его непосредственное общение с простыми гражданами фиксировала кинокамера. Все это подавалось как борьба с привилегиями партноменклатуры и вызывало

---

¹⁹⁸ Российская историческая политология / отв. ред. С. А. Кислицын. Р. н/Д: Феникс, 1998. С. 206.

бурный отклик у советского народа не только в Москве, но и по всей стране. Циркулировали слухи о «простоте и близости народу» фактического хозяина Москвы. Эти слухи особенно усилились после изгнания Ельцина из высших эшелонов власти. В итоге он превратился в весьма популярного в народных массах харизматического лидера.

В условиях кризиса советского общества стало формироваться оппозиционное движение, выступавшее под демократическими, а затем и антикоммунистическими лозунгами. Однако сила этого движения, опиравшегося прежде всего на интеллигенцию крупных городских центров, была меньше силы аналогичных движений, возникших в странах Восточной Европы.

Поэтому в России крушение коммунистической системы не могло бы произойти, если бы демократическое антикоммунистическое движение не соединилось бы с таким мощным фактором, как харизматическое лидерство Б. Ельцина в российском обществе. Это лидерство явно и недвусмысленно обозначилось на последнем предпутчевом этапе перестройки, а его избрание на пост президента России осознавалось как поражение официальной коммунистической власти и ускорило ее окончательное падение в августе 1991 г. С этого момента главным источником легитимности посткоммунистической власти и ее политики была личная харизматическая легитимность Б. Н. Ельцина. Это же таило в себе и серьезные опасности для реформистского курса, вытекавшего из продекларированных целей перехода к демократии и рыночной экономике.

Огромная поддержка, которой обладал сам Ельцин в народе, не была тождественна поддержке политической и идеологической программы, олицетворявшейся им накануне краха коммунистической системы. Он был прежде всего «народным вождем», антиподом потерявшего остатки авторитета внутри страны М. С. Горбачева. У Ельцина был ореол «мученика» и «народного заступника» из-за попыток тогдашнего советского руководства скомпрометировать своего опасного конкурента. С ним связывали надежды не столько на реальные экономические и политические реформы, сколько на реализацию принципов социальной справедливости. На заключительном этапе перестройки Б. Ельцин проявил себя как политический лидер, широко использующий популистские приемы и методы в борьбе за власть. Он учитывал изменения в настроении населения и умело подстраивался под эти настроения, всегда обещая то, чего больше всего ожидали от него в данный момент.

Так же, как когда-то лидерам большевиков, Ельцину пришлось столкнуться с плодами своей популистской демагогии. Это касалось и отношений с бывшими союзными республиками, ставшими независимыми государствами, и отношений с субъектами самой Российской Федерации, воспользовавшимися предложением Ельцина «брать суверенитета столь-

ко, сколько могут проглотить». Но особенно дорого обошелся посткоммунистической российской власти перестроечный популизм в сфере экономической политики. «Шоковая терапия», предпринятая правительством Е. Гайдара, явно шла вразрез с обещаниями Б. Ельцина и его окружения и с ожиданиями масс, связанными с этими обещаниями. В результате прежний образ «народного заступника» стал разрушаться вместе с основанной на нем личной харизмой Б. Ельцина. А поскольку легитимность посткоммунистического режима во многом базировалась на этой харизме, Россия оказалась в ситуации не только экономического, но и политического кризиса. К концу своего пребывания на посту президента России Б. Ельцин пользовался поддержкой крайне небольшой части населения страны, что затрудняло проведение экономических реформ. Этот пример еще раз обнаруживает наличие структурных ограничений на пути реализации популистских лозунгов и последствия непродуманных попыток преодоления таких ограничений.

Популистский стиль лидерства был в постсоветской России присущ целому ряду политических деятелей. Яркий пример такого лидера — В. В. Жириновский. Жириновский показал себя весьма умелым «лидером-коммивояжером», по типологии М. Херман. Он всегда старался «выбросить на политический рынок» те предложения и лозунги, которые на данный момент пользуются наибольшим спросом у электората. Благодаря этому созданная Жириновским с нуля Либерально-демократическая партия неизменно добивается определенного успеха как на парламентских, так и на президентских выборах. ЛДПР и ее лидер имеют сходство с правопопулистскими партиями и их лидерами западноевропейских стран. Но есть и отличия: Жириновский и его партия являются, скорее, системной по отношению к существующему политическому режиму силой. В самые критические моменты для официальной власти ЛДПР и ее лидер приходили к ней на помощь. Как думская партия ЛДПР практически по всем ключевым вопросам внутренней и внешней политики поддерживает решения, предлагаемые президентом и правительством.

В отличие от большинства образований популистского толка ЛДПР оказалась весьма устойчивой, однако ее перспективы туманны. С уходом В. В. Жириновского с политической арены неизбежно должна прекратить существование в качестве реальной политической силы и созданная им партия. Но это не будет означать конца популизма как политического явления в современной России. Более того, в обозримом будущем в связи с неизбежным обновлением политической системы, сменой поколений в политической элите российского общества можно ожидать новой волны популистских движений и появления популистских лидеров со всеми присущими популизму как политическому феномену рисками.

§ 3. Популизм в современном мире

В последнее время в странах Запада произошла некоторая переоценка феномена популизма в сторону более расширительного толкования его сущности и проявлений. Подобный подход мы видим и у отечественных исследователей. Например, Г. Вайнштейн насчитал в Европейском союзе 95 партий, по его мнению, популистского толка. Среди них — Коммунистическая партия Греции, партия АКЭЛ на Кипре и ряд других, традиционно считавшихся марксистско-ленинскими партиями и к числу популистских не причислявшихся¹⁹⁹. При этом многих других партий, однопартинных КПГ и АКЭЛ, в списке нет. Представляется, что расширительная трактовка популизма связана с серьезными изменениями, происходящими в политической жизни стран Запада в последние десятилетия.

Под воздействием процессов глобализации и европейской интеграции, а также ряда других факторов идейно-политические платформы ведущих политических партий Запада заметно сблизились. Если несколько десятилетий назад между экономической политикой консерваторов и социал-демократов можно было видеть существенные различия, то сегодня таких различий уже не просматривается. В конце холодной войны Ф. Фукуяма выдвинул тезис о «конце истории», под которым понималась победа либерализма как политической идеологии и основанной на этой идеологии политико-экономической системы. Концепцию Фукуямы многие критиковали, и он сам, в конце концов, дезавуировал свое утверждение. Конечно, ни о каком «конце истории» в масштабах мировой политики речи быть не может. Но применительно к политическим элитам стран Запада тезис Фукуямы вполне работает. Сегодня все системные партии Евросоюза разделяют общие либеральные ценности, причем многие из этих ценностей идут вразрез с политическими традициями, которые эти партии представляют. Так, например, христианские демократы в Германии приветствуют однополые браки, хотя это противоречит христианской этике, а социал-демократы на практике придерживаются неолиберальных подходов к экономической политике, ничего общего не имеющими с основными ценностями демократического социализма. В странах Запада проводятся выборы, меняются президенты и правительства, но политический курс остается неизменным. И это происходит на фоне очевидных кризисных явлений в Евросоюзе в целом и в отдельных странах, входящих в этот союз, в частности.

---

¹⁹⁹ Вайнштейн Г. И. Современный популизм как объект политологического анализа // Полис. 2017. № 4. С. 69–89.

Отсутствие внятной альтернативы при наличии явного запроса на нее и вызвало к жизни всплеск популистских движений, который наблюдается в последние годы. Популистскими их зачастую называют именно потому, что они нарушают устоявшиеся правила игры и предлагают то, что не входит в общепринятые либеральные ценности. Как заметил уже упоминавшийся Фукуяма, популизм, по мнению элиты, это то, что элите не нравится, но находит отклик у народных масс²⁰⁰.

В современном популизме есть и сходство, и различие с популизмом прошлого. Далеко не все предложения и идеи современных популистских движений являются невыполнимыми и необоснованными. Но условное разделение популистов на левых и правых в целом сохраняется. Подъем левого популизма в странах Европейского союза во многом предопределен кризисом социал-демократического движения. Более того, в некоторых случаях речь идет о кризисе всех прежних левых, а также части правых политических партий.

Типичный пример — Италия. Сегодня в этой стране практически не осталось ни одной политической партии, действовавшей во времена I республики в 1948–1989 гг. В наибольшей степени это относится к итальянским партиям левого типа. Когда-то в Италии была самая крупная коммунистическая партия за пределами социалистического лагеря, здесь действовали и пользовались серьезным влиянием партии, входившие в состав Социнтерна, — социалистическая и социал-демократическая. За последние четверть века ситуация резко изменилась. Компартия Италии в конце 1980-х гг. начала переход с позиций еврокоммунизма на позиции социал-демократии, но не закрепились и на них. Прямая наследница прежней ИКП — Демократическая партия — сегодня позиционирует себя не как левоцентристскую, а как центристскую политическую силу. Став крупнейшей в стране, Демократическая партия много лет находится у власти, но практически ничем не отличается от других правящих партий в странах Евросоюза, как левых, так и правых. От прежних «классических» социал-демократов и социалистов остались две маленькие группировки, не пользующиеся влиянием в обществе. Не менее удручающе выглядит и правый фланг итальянской политики, откуда почти без всякого следа исчезла Христианско-демократическая партия — некогда главная правящая партия Италии. Неудивительно, что оголившееся политическое пространство как слева, так и справа от Демократической партии занимают силы, которые итальянская и западная пресса в целом характеризует как популистские. Некоторые из них, например «Пять звезд», едва возникнув, оказались способны привлечь на свою сторону многих избирателей.

---

²⁰⁰ Там же. С. 81.

В соседней с Италией Испании партийно-политическая система изменилась не настолько сильно, но все же существенно. На последних парламентских выборах обе ведущие партии — и консервативная Народная, и Испанская социалистическая рабочая партия — понесли серьезные потери. Главным бенефициарием этих выборов стало возникшее в январе 2014 г. политическое движение «Подemos». Это политическое образование было создано рядом левых активистов, недовольных как политикой ИСРП, так и деятельностью коалиции «Объединенные левые», куда входит испанская компартия. Появление левопопулистского движения «Подemos» российский политолог С. Хенкин объяснил тем, что по своей политической культуре Испания является преимущественно левоцентристской и даже левой страной, у власти в которой долгое время находилась Народная партия. Неспособность традиционных левых представить ей достойную альтернативу и привело к тому, что «в отличие от большинства стран Европы, где последствием глобального кризиса стало появление или усиление правопопулистских (а кое-где одновременно и левопопулистских) сил, в Испании возник феномен только левого популизма»²⁰¹.

Но все же «Подemos» внес только сумятицу в политическую жизнь Испании, в то время как сходное с ним образование «СИРИЗА» изменила политическую ситуацию не только в Греции, но и повлияла на идущие в Европейском союзе политические процессы. Объединив в коалицию радикальные левые партии от еврокоммунистов до маоистов и троцкистов, «СИРИЗА» преобразовалась в единую партию леворадикальной направленности. В очень короткое время это объединение сумело бросить вызов ведущим системным партиям Греции — консервативной «Новой демократии» и Всегреческому социалистическому движению ПАСОК. Успех «СИРИЗЫ» на парламентских выборах 2015 г. стал одновременно и провалом социалистов. Все годы после падения режима «черных полковников» ПАСОК оставалась крупнейшей левой партией Греции. Неоднократно греческие социалисты формировали правительство страны. В качестве своего достижения ПАСОК рассматривала вхождение Греции в состав Европейского союза. Однако финансово-экономический кризис, потрясший Грецию, вызвал разочарование избирателей и в зоне евро, и в самом Европейском союзе. «СИРИЗА» сумела в этой ситуации получить на выборах в парламент около 49 % голосов избирателей, в то время как ПАСОК получила почти в 10 раз меньше.

---

²⁰¹ Хенкин С. Партийно-политическая система Испании на перепутье // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 4. С. 75.

Кризис в Греции вызвал рост популярности не только левых популистов, но и правых. Подъем правого популизма в Европейском союзе стал результатом обострения экономических проблем и последствий глобализации. Но в наибольшей степени этот подъем был обусловлен миграционным кризисом, разразившимся в ЕС в 2015–2016 гг.

Еще в 1990-е гг. известный неомарксистский теоретик И. Валлерстайн предсказал так называемый конец либерализма, под которым он понимал коллапс либеральных ценностей и основанных на них институтов. В качестве важнейшего фактора «конца либерализма» И. Валлерстайн называл наплыв мигрантов из периферии в центр мир-системы. Такой миграционный поток должен был, по мнению ученого, потрясти основы существующих политических и экономических институтов и вызвать ряд социально-политических последствий. В частности, Валлерстайн считал неизбежным усиление националистических настроений и рост популярности крайне правых партий и движений. И если прогноз о «конце либерализма» может вызывать дискуссии, то прогноз по поводу всплеска правого популизма оказался абсолютно точным. Вслед за миграционным кризисом в странах Европейского союза усилилась активность уже существовавших к тому времени правых евроскептических партий и движений, таких как Национальный фронт во Франции или Партия свободы в Австрии. Появились и новые партии, например «Альтернатива для Германии».

На рубеже 2016–2017 гг. подъем правопопулистских настроений в Западной Европе стали связывать с «фактором Трампа», то есть влиянием на европейский политический процесс итогов президентских выборов в США. Между европейскими правыми популистами и Д. Трампом действительно есть немало общего. Их объединяет неприятие существовавшей модели глобализации, многих утвердившихся на Западе неолиберальных ценностей. И Трамп, и европейские правые популисты представляют собой явный вызов доминированию либеральных элит. Политический стиль Д. Трампа с самого начала оценивался как популистский. Его сравнивали с Р. Перо, участвовавшим в президентских выборах 1992 г. Но если Р. Перо лишь внес сумятицу в привычный ход президентской избирательной кампании, то Д. Трамп сумел одержать победу. И причина победы Д. Трампа, конечно, заключается не в мифическом вмешательстве «русских хакеров» в американские президентские выборы, а в наличии глубоких противоречий в самом американском обществе. Об этих противоречиях задолго до победы Д. Трампа говорил всемирно известный американский политолог С. Хантингтон.

До Д. Трампа вопросы о защите США от внешней миграции, а также о защите национальных интересов не поднимались в избирательных кампаниях. Демократы опирались прежде всего на этнические и расовые меньшинства, а Д. Трамп опирался, скорее, на нижние слои белого среднего класса и

промышленных рабочих. О большом протестном потенциале данных слоев как раз и писал С. Хантингтон: «Белая элита доминирует в американском обществе, однако миллионы белых, к элите не принадлежащих, пребывают далеко не в столь комфортном положении, не разделяют уверенности элиты в завтрашнем дне и считают, что проигрывают „расовую конкуренцию“ другим социальным группам, пользующимся поддержкой элиты и федерального правительства. Этот проигрыш манифестируется не в физической реальности, но в сознании людей, и порождает страх и ненависть к представителям других социальных групп»²⁰². С. Хантингтон видел недоверие, которое испытывают широкие круги рядовых американцев к политическим элитам. Ученый писал: «Публика преимущественно озабочена обеспечением военной и общественной безопасности страны, развитием ее экономики и укреплением суверенитета. Элиты же тяготеют к обеспечению международной безопасности и стабильности, к участию в глобализации и экономическом развитии других государств»²⁰³. Рассматривая альтернативные варианты американской внешней политики в XXI в., С. Хантингтон констатировал: «Часть представителей американских элит достаточно благосклонно относится к превращению Америки в космополитическое общество; другая часть выступает за обретение Америкой статуса империи. Подавляющее же большинство американской публики привержено национально-патриотической альтернативе и сохранению и укреплению существовавшей на протяжении столетий американской идентичности»²⁰⁴. В контексте утверждений С. Хантингтона победу на президентских выборах в США Д. Трампа можно рассматривать как своеобразное «волеизъявление масс».

В период избирательной кампании и после победы на выборах Д. Трамп предлагал как вполне разумные меры, например возвращения промышленного производства и рабочих мест в США, так и популистские, например идею о строительстве стены вдоль границы с Мексикой. В целом для него была характерна популистская риторика, вроде общих призывов «осушить вашингтонское болото» или «вернуть власть народу». Однако после победы на выборах Трампу, как и всем политикам подобного толка, пришлось столкнуться со структурными ограничениями. Сопротивление Д. Трампу оказывают не только его прежние конкуренты-демократы, но и многие республиканцы. Противники Д. Трампа есть и в конгрессе, и в государственном аппарате. Большинство ведущих СМИ придерживаются ли-

---

²⁰² Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. С. 490–491.

²⁰³ Там же. С. 510–511.

²⁰⁴ Там же. С. 572.

беральной ориентации и ведут против избранного американского президента ожесточенную пропагандистскую кампанию. В результате Трамп не только не выполнил многие из своих обещаний, но фактически от них отказался. Пытаясь преодолеть структурные ограничения, он предпринимает резкие шаги на международной арене, что создает дополнительные риски в мировой политике. Победа Д. Трампа не только вдохновила правых популистов в Западной Европе, но и напугала господствующие там либеральные элиты, вследствие чего они стали предпринимать превентивные меры против своих противников из числа евроскептиков.

Пример этому — президентская избирательная кампания во Франции в 2017 г. В ходе этой кампании были предприняты серьезные усилия для обеспечения победы М. Макрона как приверженца господствующих в Европейском союзе неолиберальных ценностей. Сначала был дискредитирован основной правоконсервативный кандидат Ф. Фийон, а затем осуществлена мобилизация избирателей против вышедшей во второй тур М. Ле Пен — лидера правопопулистского Национального фронта. Структурные ограничения, стоящие на пути популистских движений, как будто преградили им путь еще на подходе к вершинам власти. Но, вместе с тем, победа либералов во Франции может оказаться пирровой. Как справедливо отмечает российский политолог А. Орлов, в соответствии с господствующей на Западе либеральной парадигмой «все те, кто выпадает из „матричного диапазона демократии“, объявляются популистами и „ультра“, неважно — „ультралевыми“ или „ультраправыми“. Если взять в качестве примера недавние президентские выборы во Франции и сложить голоса „крайне правой популистки“ Ле Пен и „крайне левого популиста“ Меланшона, полученные в ходе первого тура, то в сумме они составят 42 % (а с голосами других подобных „сомнительных“ кандидатов, собравших меньший улов голосов, и того больше), и получается, что данная прослойка электората вообще не учитывается „матрицей“ как существенная. Иными словами, современная западная либеральная демократия готова воспринять только „правильные“ голоса, а остальные политические персонажи рассматриваются ею лишь как участники процесса, но вовсе не как реальные конкуренты в борьбе за власть»²⁰⁵. Между тем эти люди, думающие иначе, чем хотелось бы либеральным элитам, существуют, они еще скажут свое слово. Именно поэтому проявление популизма во всех его формах остается неизбежным со всеми присущими этому феномену проблемами и рисками.

---

²⁰⁵ Орлов А. Победа Макрона во Франции: реванш либералов // Международная жизнь. 2017. № 6. С. 72.

ГЛАВА 10. «ПОПУЛИЗМ ИДЕНТИЧНОСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

---

§ 1. Почему политический успех имеет «популизм идентичности»?

На рубеже нового тысячелетия в полной мере проявилась новая общеевропейская политическая тенденция. Суть ее — в смещении оси конфликтности из социально-классовой сферы в сторону этнонациональных и этноконфессиональных отношений. Это привело к появлению наряду с партиями национальных меньшинств партий популистской «третьей силы», которые стремятся занять свою нишу в политической жизни и не без успеха борются за власть и влияние как с традиционными левыми, так и с традиционными правыми системными партиями. «Налицо многочисленные популистские движения радикальных правых националистов, которые существуют во многих европейских странах. И в Европе, и за ее пределами националистические движения, цель которых — развить чувство единства нации перед лицом „других“, „чужаков“, — представляют собой мощную политическую силу», — констатирует Дж. Шварцмантель²⁰⁶.

По утверждению У. Кимлики, «в 1980-е гг. мейнстримовые правоцентристские и левоцентристские партии пришли к консенсусу по некой форме мультикультурализма — этот консенсус во многом опережал общественное мнение. Таким образом, в силу понятных, даже похвальных причин мейнстримовые партии решили, что не будут обсуждать эти вопросы публично — отчасти из опасений, что общественные дебаты спровоцируют выражение нативизма и популизма, направленные против иммигрантов, вследствие чего последние почувствуют себя лишними. Поэтому существовало некое негласное соглашение — между представителями не только политической, но и деловой и информационной элиты — о том, что к мультикультурализму нужно идти молча, не объясняя его обществен-

---

²⁰⁶ Шварцмантель Дж. Идеология и политика. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. С. 153.

ности»²⁰⁷. Однако публичная политика западноевропейских государств, ориентированная на поддержку этнокультурной особенности, привела к абсолютизации этнических, культурных и конфессиональных составляющих идентичности, которые выстраивались прежде всего на отличии от других. Это, в свою очередь, привело к росту отчуждения членов принимающего общества от иммигрантских общин, которые все в большей степени превращались в закрытые анклав. Позднее именно эти обстоятельства сделали политику мультикультурализма уязвимой, что и создало возможности для выхода на политическую арену правых популистских антииммигрантских партий. И поскольку политики мейнстрима в Европе зависят от голосов избирателей, которые все чаще стали отдавать их правым популистам, постольку сегодня это негласное соглашение уже не действует. В 2010 г. лидеры трех ведущих стран Европы — Германии, Великобритании и Франции — провозгласили «крах политики мультикультурализма», после чего реальная иммиграционная политика, по словам Пола Коллиера, «колеблется между политикой открытых дверей, за которую выступают экономисты, и политикой закрытых дверей, предпочтительной для электората»²⁰⁸, а мейнстримовые партии европейских стран зачастую перехватывают лозунги и идеи правых популистов.

К числу современных разновидностей популизма исследователи относят популизм протеста (или социальный) и популизм идентичности (или националистический).

Популизм протеста — это критика элит, сочетающаяся прославлением народа, понимаемого как «простые люди», «обычные граждане». Данная разновидность популизма означает «гипердемократизм», призыв к непосредственной демократии и отрицание обычных демократических процедур.

Популизм, по словам Ю. Левады, «низводит общественное до массового, то есть до уровня наиболее распространенного, простого»²⁰⁹, актуализируя стереотипы массового сознания. В свою очередь, популизм часто является важным фактором роста этнических предрассудков, этнофобий. Поэтому в современной Европе наибольший политический успех имеют политические партии, использующие потенциал популизма идентичности.

Популизм идентичности, как и популизм протеста, направлен против правящих элит, против демократического государства как института,

---

²⁰⁷ «Права меньшинств являются частью прав человека»: Уилл Кимлика беседует с Рафаэле Маркетти // 22 идеи о том, как устроить мир. Беседы с выдающимися учеными / под ред. П. Дуткевича и Р. Саквы. М.: Изд-во МГУ, 2014. С. 55.

²⁰⁸ Коллиер П. Как миграция изменяет наш мир. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 24.

²⁰⁹ См.: Левада Ю. Общественное мнение в год кризисного перелома: смена парадигмы // Сегодня. 1994. 17 мая.

но главное внимание уделяется протесту против «чужих», «иностранцев». Элиты осуждаются, прежде всего, потому, что они не национальны, а оторваны от народа, космополитичны²¹⁰.

Формулируя наиболее общие причины подъема популизма идентичности, немецкий исследователь Карл Беллестрем пишет: «Не все граждане способны ценить основные ценности либеральной демократии, к которым относятся основные свободы личности, плюрализм образа жизни и убеждений, взаимная терпимость и готовность к компромиссу, уважение демократического порядка. Как только на горизонте появляется кризис, немало граждан с готовностью оставляют позиции свободы и попадают в руки правых популистских и фундаменталистских движений»²¹¹.

Россиянам этот феномен знаком давно, с момента возникновения ЛДПР и политического успеха партии В. Жириновского в декабре 1993 г. Однако и в европейских странах есть свои ЛДПР и свои политические лидеры-популисты.

Рост популярности ультраправых националистов свидетельствует и о том, что европейцы теряют доверие к существующей партийной системе и системным политикам. Периодическая смена у власти группировок левого и правого центров, объединенных консенсусом вокруг базовых ценностей постиндустриального западного общества, все менее ощутимо отражается на повседневной жизни рядового гражданина. В таких условиях избиратель не видит других способов выражения своего недовольства, кроме бойкота выборов или голосования за национал-популистов. Чаще всего, не веря в возможность их прихода к власти, он просто стремится «преподать урок» власть имущим.

§ 2. Причины политического успеха правых популистских партий в Западной Европе

Феномен роста влияния ультраправых популистских партий и движений привлекает сегодня внимание многих исследователей. При этом наблюдается «терминологический хаос» в определении крайне правых. В научной литературе встречаются такие определения их идеологии, как:

---

²¹⁰ См.: Национализм и популизм в Восточной Европе / редкол.: Ю. И. Игрицкий (отв. ред.) и др. М.: ИНИОН РАН, 2007. С. 59–60.

²¹¹ Беллестрем К. Сколько плюрализма может вынести человек? (к вопросу о вызове коммуитаристов либерализму) // Глобализация и столкновение идентичностей. Международная Интернет-конференция 24 февраля — 14 марта 2003 года / под ред. А. Журавского, К. Костюка. М.: Кнорус, 2003. С. 269.

крайне правый национализм, крайне правый популизм, национальный популизм, популистский национализм, этнонационализм, нейтивизм, реакционный трайбализм и др.²¹²

Известный болгарский политолог Камен Денчев попытался выделить следующие основные характеристики, присущие, по его мнению, современным крайне правым популистским партиям.

Во-первых, ультраправые партии «противопоставляют себя политическим партиям, представляющим основной политический класс, и считают себя единственными силами, способными защитить интересы всего угнетенного народа».

Во-вторых, они «критикуют национальный истеблишмент за рационализированную риторику, выступая за простоту принятия решений и за то, чтобы политика была понятна народу и соответствовала здравому смыслу».

В-третьих, в своей деятельности они «используют антиавторитарные призывы, определяя существующую демократию как „фальшивую“, „авторитарную“. Их моральный код базируется на противопоставлении хорошего общества и плохой политики, хороших „низов“ и плохих „верхов“».

В-четвертых, у ультраправых партий «критика больших партий сопровождается подчеркиванием своей маргинальности, периферийности, несистемности. Небольшой размер этих партий зачастую трактуется как показатель их „новизны“, либо как свидетельство их „непричастности“ к „грязной“ большой политике».

В-пятых, подобные партии «подвергают резкой критике современную политику, прибегая к агрессивной оппозиционной борьбе, и они предпочитают не согласие, а конфронтацию».

В-шестых, ультраправые партии «ратуют за „новую демократию“. Они рассматривают себя в качестве „жертв“ современной политики властвующих элит, которые якобы не только манипулируют народом, но и подавляют всякую живую альтернативу».

Наконец, идеологической основой ультраправых партий выступает «харизматический популизм»:

- а) *идея перемен сочетается с образом единственного героя, ратующего за них;*
- б) *афишируется идея „неполитического“ языка; часто используются архаические символы и эксплуатируются формы культурной,*

---

²¹² Mudde C. Populist Radical Right Parties in Europe. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. P. 12.

спортивной, „ресторанной“ или увеселительной лексики и компаний»²¹³.

Отвечая на вопрос о причинах электоральных успехов правых популистов как на общеевропейских, так и национальных выборах (начиная с 1989 г.), многие исследователи в качестве решающих факторов называют проблему массовой иммиграции в европейские страны из стран ислама, превращение их в мультикультурные и даже многорасовые общества, рост расовой и этнической ксенофобии как реакцию на эти процессы. Именно поэтому эти партии часто называют антииммигрантскими. Тем не менее современные европейские крайне правые популисты не являются «партиями одной проблемы» (single-issue parties). Известный французский политолог Матей Доган пишет в этой связи: «Концепция классового социального конфликта долгое время была ключевой в социологии партий, тогда как роль религиозной, этнической языковой и культурной дифференциации недооценивалась. Сегодня принадлежность к социальному классу не является более доминирующим фактором электорального поведения». Объяснение данного феномена исследователь, в частности, видит в том, что низшая страта рабочего класса сегодня состоит в основном из иммигрантов, не имеющих избирательных прав. В то же время во многих странах Запада классовая солидарность размывается, уступая место конкуренции и конфликтам между местными рабочими и гастарбайтерами. Такие конфликты происходят и на электоральном уровне, когда местные рабочие голосуют против партий, выступающих за расширение прав рабочих-иммигрантов и за правые партии, призывающие к ужесточению иммиграционной политики. Появление в Европе новых этнических и расовых меньшинств, по мнению Догана, привело к появлению нового размежевания, не существовавшего еще 30 лет назад²¹⁴. В этой связи сегодня даже говорят о появлении на Западе партий «новой политики».

Общая «выигрышная формула» новых популистских правых, по мнению Г. Китчелта, «...состоит из комбинации двух политических приверженностей — с одной стороны, правой, неолиберальной экономической политике и авторитарной и националистической социокультурной политике — с другой. Чтобы преуспеть, правой популистской партии нужно мобилизовать избирателей, предпочитающих экономическую политику правого толка, и привлечь право-авторитарную поддержку, а именно за-

---

²¹³ Денчев К. «Ультраправая волна» в Европе: 90-е годы XX — начало XXI века // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 81–82.

²¹⁴ См.: Party systems and voter alignments revisited / ed. by L. Karvonen, S. Kuhnle. L.; N. Y.: Routledge, 2001.

нять исключительно рыночную либеральную позицию по экономическим проблемам и авторитарную и партикуляристскую позицию по социокультурным вопросам»²¹⁵. Стержнем же идеологии правых популистов стала «не прежняя ненависть и конструирование врагов в других странах по причинам их „расовой неполноценности“, а разнообразные технологии и практики конструирования врагов в своих собственных странах в соответствии с лозунгами „Немцам сначала!“, „Французам сначала!“. Это не значит, что традиционный антисемитизм в политической риторике крайне правых пропал, он продолжал и продолжает играть чисто инструменталистскую роль»²¹⁶.

В целом совпадает и «электоральный профиль» крайне правых популистских партий. Во всех странах Западной Европы они привлекают прежде всего молодых, плохо образованных, нерелигиозных выходцев из рабочей среды, чаще всего мужчин. Но не только их, но и тех, кто недоволен существующей политикой. Это люди, не сумевшие использовать шансы в ходе процессов социально-экономической модернизации и рационализации производства и стремящиеся «защитить» свой все более уменьшающийся социальный и культурный капитал. В этом контексте они могут быть названы «шовинистами благосостояния». В сознании этих избирателей взаимодействуют, усиливая друг друга, традиционные ценности, авторитарная ориентация и невысокий уровень образования²¹⁷.

Как уже было отмечено, практически все крайне правые популисты Европы проявляют враждебность к исламу и иммигрантам-мусульманам. Однако единой позиции по этому вопросу у правых не существует. Часть крайне правых популистов разделяет антиисламские настроения и даже идет на сотрудничество с еврейскими общинами, во-первых, считая Израиль «бастионом» цивилизации Запада на исламском Востоке, во-вторых, рассматривая евреев в качестве союзников в борьбе против мусульманской угрозы в самой Европе. Другой достаточно редкий вариант — это происламская позиция крайне правых, определяемая антилиберальными, традиционалистскими, антиамериканскими и антиизраильскими пози-

---

²¹⁵ Ivarsflaten E. What Unites Right-Wing Populists in Western Europe? Re-examining grievance mobilization models in seven successful cases. Oxford University Press, 2004. P. 7 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nuffield.ox.ac.uk/ivarsflaten_cpsforthcoming.pdf (дата обращения: 12.12.2017).

²¹⁶ Праворадикальные и правоэкстремистские политические партии и движения в современной Европе / отв. ред. И. Н. Барыгин. СПб.: Петрополис, 2011. С. 34.

²¹⁷ Минкенберг М. Новый правый радикализм в сопоставлении: партии, движения, среды // Актуальные проблемы Европы. Правый радикализм в современной Европе / Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2004. С. 28–29.

циями. Третьим вариантом является модель, в рамках которой не придается большего значения религиозному фактору, но иногда антииммиграционная позиция комбинируется с антиисламской, время от времени в высказываниях лидеров можно услышать антисемитские мотивы²¹⁸.

Следует также отметить, что в тех западных демократиях, где сильны праворадикальные популистские партии, ориентированные на борьбу за голоса избирателей (Австрия, Бельгия, Дания, Италия, Норвегия, Франция и др.), относительно слабы праворадикальные движения и неорганизованный правый радикализм, что имеет следствием относительно малое число мотивируемых крайне правыми установками преступных акций, чаще всего направленных против иммигрантов-мусульман. Напротив, в странах с относительно слабыми и маловлиятельными праворадикальными партиями (Великобритания, Испания, Нидерланды, ФРГ и др.) усиливаются праворадикальные движения, растет число неформальных, малых крайне правых групп, постоянно готовых к насилию. В этом смысле особенно характерен пример ФРГ, где правый радикализм в новых федеральных землях не идентичен западногерманскому. На востоке страны «недоразвитость» партийных структур сочетается с более сильным, нежели на западе, развитием субкультурных сред и неорганизованных групп, более склонных к насилию против «чужих». На западе страны праворадикальный избиратель недоволен гражданами новых федеральных земель, на востоке — наоборот, и т. д.²¹⁹

Знаменательно и то, что почти все западноевропейские крайне правые, имеющие сегодня заметные электоральные успехи (за исключением «Национального фронта» Валлонии), признают преемственность с крайне правой традицией и ее носителями, существовавшими до или во время Второй мировой войны. Так, «Национальный альянс» — прямой преемник «Итальянского социального движения», существовавшего в 1940–1980-х гг., которое всегда подчеркивало свою связь с фашизмом времен Б. Муссолини. «Фламандский блок» восстановил структуры националистического движения «Диназо», существовавшего во Фландрии до Второй мировой войны. «Национальный фронт» во Франции объединил и вообрал в себя ультраправую католическую традицию интегрального национализ-

---

²¹⁸ Camus J.-Y. The European Extreme Right and Religious Extremism // Research project Political Parties and Representation of Interests in Contemporary European Democracies. 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cepsr.com/clanek.php?ID=317> (дата обращения: 12.12.2017).

²¹⁹ См.: Погорельская С. В. Некоторые особенности правой идеологии и политики в ФРГ // Актуальные проблемы Европы. Правый радикализм в современной Европе. М.: ИНИОН РАН, 2004.

ма (Ш. Моррас), отрицавшую наследие Просвещения и революции 1789 г. («Аксьен Франсез») и традицию правого популизма, появившегося в конце XIX в. (движение генерала Буланже, «антидрейфусары» и др.) Кроме того, сохраняется преемственность и с существовавшими в 1950-е гг. лужадистским движением и в 1960-е гг. — «Алжери франсез». Только в германском случае открытое декларирование связи с нацистским прошлым ослабляет немецкие крайне правые партии.

В 1950-х гг. за радикалами и экстремистами правого толка закрепился ярлык «вечно вчерашние». Он оказался не вполне адекватным современным политическим процессам в Европе; история показывает, что эти политические силы способны к изменениям и саморефлексии, которая обеспечивает им заметный политический успех. Очевидно, что праворадикальные популистские партии и движения сильнее всего в тех странах Европы, где им удалось модернизировать свою идеологию и политическую стратегию, приспособиться к сложившимся демократическим структурам и, исходя из присущих этим странам националистических традиций, найти свою политическую нишу и обрести солидную опору в обществе.

В результате политические успехи крайне правых заставляют правительства стран Европейского союза быть весьма осторожными в вопросах либерализации иммиграционной политики и осуществлении новых шагов в сфере европейской интеграции, что приносит новые политические дивиденды европейским крайне правым.

В то же время можно констатировать, что в большинстве западноевропейских стран сегодня сложился особый многослойный пласт этнорадикальных политических субкультур, в одной части которого «автохтонный» антииммигрантский правый радикализм и экстремизм и, как правило, евроскептицизм, в другой — исламский радикализм и экстремизм «приглашенных граждан» из мусульманских стран.

§ 3. Причины успеха национал-популизма в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы

Причины подъема волны национал-популизма в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы несколько иные. Во всех государствах региона, конечно же, есть выигравшие от системных трансформаций и «возвращения в Европу», однако в течение более чем 20 лет «в обществе углубляется раскол между выигравшими и проигравшими от реформ. Во всех странах региона к выигравшим от экономических трансформаций относятся политики, но далеко не всегда — избиратели. Постоянные

случаи коррупции демонстрируют избирателю этот разрыв»²²⁰, — отмечает Д. Зегерт.

При этом у западного проекта было серьезное преимущество перед проектом коммунистическим, поскольку идеал, на который он нацелен, был зрим и более осязаем. Однако его реализация также требовала больших жертв и усилий, что уже осознали многие граждане постсоциалистических стран вступивших в Европейский союз. В Восточной Европе, по словам немецкого журналиста К.-О. Ланге, «растет новое нетерпение. После столь значительных жертв в прошлом люди наконец-то хотели бы пользоваться плодами экономического роста»²²¹. Но ожидаемого процветания не последовало, напротив, вступление стран региона в ЕС привело к заметному росту социального неравенства. Таким образом, усиление политического влияния в странах ЦВЕ национал-популистов, противников европейской интеграции это и плата «за слишком быстрое продвижение, за иногда возникающие уродливые формы интеграции, за отрыв политических элит от своих народов, которые лишь частично идентифицируют себя с пока еще абстрактным европейским целым и по-прежнему мыслят национальными, а иногда и националистическими категориями»²²².

Неразрешенность или недостаточная решенность социально-экономических проблем, эйфория, а затем постепенное разочарование в стратегии «возвращения в Европу» обусловили движение «по спирали» политических предпочтений восточноевропейского электората на протяжении более двух десятилетий истории региона «после коммунизма»: «...сначала взяв резко вправо (эра апологетов быстрой декоммунизации, либерализации и приватизации по образцам США и Великобритании), затем пошло влево (приход к власти сторонников европейского социального государства), затем снова вправо, но уже со скорректированным курсом, на знамени которого значились популистские и национальные лозунги»²²³.

Объяснение различий в степени влиятельности правопопулистских партий кроется прежде всего в степени остроты социальных и особенно этнополитических проблем в разных странах региона.

---

²²⁰ Зегерт Д. Трансформация и развитие партий в Восточной Европе после завершения переходного десятилетия // Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства / ред.-сост. Е. Ю. Мелешкина, Г. М. Михайлова. М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 32.

²²¹ См.: Орлов Б. С. «Сраживание Западной и Восточной Европы»: Культурно-исторические аспекты проблемы // Актуальные проблемы Европы. М.: ИНИОН РАН. 2007. № 4: Две Европы: Процесс интеграции / ред.-сост. Ю. А. Гусаров. С. 18.

²²² Кризис ЕС: Последствия и перспективы // Современная Европа. 2015. № 4. С. 24.

²²³ Национализм и популизм в Восточной Европе / редкол.: Ю. И. Игрицкий (отв. ред.) и др. М.: ИНИОН РАН, 2007. С. 10.

Отмеченный Самюэлем Хантингтоном парадокс новых демократий заключается в том, что демократические «правила игры» облегчают приход к власти политическим объединениям, апеллирующим прежде всего к групповым лояльностям — этнической, конфессиональной либо классово-вой, и одновременно отбрасывающим ценности и образцы западной либеральной демократии²²⁴. Если активность национал-популистских партий в целом не очень опасна для стабильных старых демократий, то в новых демократиях при определенных условиях она может стать причиной их падения. По мнению польского политолога Е. Налевайко, «странам Центральной и Восточной Европы присуща некая внутренняя, имманентная предрасположенность к популизму идентичности (националистическому. — *Примеч. В. А.*): для большинства популистских партий региона характерны видение государства как собственности доминирующей этнической группы, неприятие гражданского общества, уверенность в необходимости господства присущего большинству народа вероисповедания, недоверие к соседям и институтам либеральной демократии»²²⁵. Впрочем, это верно и для постсоветских государств.

После вступления стран Восточной и Центральной Европы в Европейский союз многие граждане и посткоммунистических государств, и государств «ядра ЕС» испытывают все большее разочарование от экономических и политических последствий членства в «единой Европе».

Сегодня ситуация складывается таким образом, что усилий одной лишь политической элиты Евросоюза для формирования сплоченного объединения, способного проводить самостоятельную политику на мировой арене и противостоять внешним угрозам, стало явно недостаточно. Необходима поддержка «снизу», со стороны населения стран-участниц, дабы избежать усугубления проблемы «дефицита демократии» и «делегитимации» институтов ЕС, однако проект «единая Европа» теряет популярность в массах. «Почти во всех странах Западной Европы встревоженное большинство фактически ведет себя как угнетаемое меньшинство, — замечает известный болгарский исследователь Иван Крастев. — Люди склонны объяснять реальную или воображаемую утрату контроля над собственной жизнью сговором между космополитически мыслящими элитами и иммигрантами, с их родо-племенной ментальностью, отвергающими подлинную социальную интеграцию на условиях большинства. В разных формах и по

---

²²⁴ Huntington S. Democracy for the Long Haul // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7 (2). P. 6.

²²⁵ Nalewajko E. Populizm a demokracja. W-wa, 2004. S. 57.

разным причинам те и другие проповедуют „мир без границ“, которого обычные люди все больше боятся и который ненавидят»²²⁶.

Таким образом, «идея единой Европы перестала играть роль вдохновляющего и мобилизующего девиза, как это было в течение длительного времени — с середины 40-х по середину 90-х гг. минувшего столетия. Теперь это не столько ценностный ориентир, выстраданный предыдущим трагическим опытом и наполненный богатейшим историко-филологическим содержанием, сколько прагматическая задача, определяемая экономическими и геополитическими интересами европейских государств»²²⁷. В этой связи исследователи предсказывают рост электоральных успехов национал-популистов, последовательно выступающих против процессов европейской интеграции и глобализации, причем не только на Востоке Европы, но и на Западе. Поэтому одной из насущных для большинства стран Европы становится проблема маргинализации и вытеснения с политической арены национал-популистских идеологий и партий, исповедующих презрительное отношение к представителям тех или иных этнических и конфессиональных общностей и отрицающих саму возможность предоставления демократических и гражданских прав всем группам населения своих стран. Как утверждает Р. Хардин, политическая мобилизация большого числа групп, объединенных по этническому, расовому, религиозному или какому-либо другому приписываемому критерию, будет скорее подрывать, а не создавать основу для демократии²²⁸.

По мнению И. Крастева, рост популярности популистских партий в странах, недавно вошедших в ЕС, «обусловлен приоритетом строительства капитализма и отодвигания на второй план проблем строительства демократии... фактическим исключением принятия решений в вопросах экономики из демократического процесса». Рост популизма отражает новую структуру конфликтов в современной европейской политике: на смену противостояния между левыми и правыми пришло «структурное столкновение... между элитами, которые становятся все более подозрительными по отношению к демократии» и массами, которые, протестуя против политиков-технократов, все более поддерживают политиков антилиберальных²²⁹.

---

²²⁶ Крастев И. Парадокс европейской демократии // Pro et Contra. 2012. № 1–2. С. 12–13.

²²⁷ Кризис ЕС: Последствия и перспективы // Современная Европа. 2015. № 4. С. 35.

228 См.: *Hardin R. One of All. Princeton, 1995.*

²²⁹ См.: *Крастев И. Странная смерть либеральной Центральной Европы // Прогнозис. 2007. № 3.*

Таким образом, в условиях, когда значение классовой идентичности и идеологии снизилось, традиционные партии стран Западной Европы, как и стран Центральной и Восточной Европы, стали все более зависимыми от социокультурных характеристик избирателей, правые популистские и этнорегиональные партии продемонстрировали способность привлекать поддержку ряда социальных и региональных групп, сделав ставку на одну из самых выигрышных политических стратегий — политизацию этничности и культурный расизм.

Однако следует специально отметить, что те же факторы, которые дают крайне правым популистам возможность добиваться серьезных электоральных успехов сегодня, могут вскоре обернуться против них, поскольку «третий путь» и предлагаемые ими «простые решения» сложных проблем, стоящих перед странами Европы, вполне иллюзорны. Они не способны практически удовлетворить электоральный «спрос», однако почти неизбежно их деятельность способна породить новые проблемы и конфликты. Правый популизм, несомненно, опасен для либеральной демократии, особенно на востоке Европы, так как он апеллирует к неконтролируемой мобилизации масс не во имя созидания, а во имя разрушения. Используя утопии и массовые иллюзии, популисты акцентируют неизбежно существующее различие между умозрительным демократическим идеалом и реально функционирующей несовершенной европейской демократией. Национал-популисты ставят в политическую повестку действительно остроактуальные вопросы, но дают на них ложные ответы. Как отметил известный британский социолог Зигмунд Бауман, «популизм предлагает нереальные методы решения реальных проблем. Опасность популизма в пренебрежении правилами демократической игры, сведении политики к борьбе добра со злом»²³⁰.

---

²³⁰ Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 211.

ГЛАВА 11.

ФЕНОМЕН «МНОГООБРАЗИЯ ПОПУЛИЗМА» (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ)

---

§ 1. Популизм в контексте современной европейской политики

Популизм как политическое явление в последнее время все чаще становится центральной темой как публицистических выступлений, так и серьезных научных исследований. При этом спектр мнений экспертов и политических аналитиков в этой области относительно перспектив развития данного феномена достаточно широк. У некоторых авторов можно обнаружить точку зрения, согласно которой широкое распространение на современном этапе популистских практик представляет собой серьезный вызов либеральной политической системе, являясь одним из симптомов болезни демократии²³¹. При этом значительные внутренние трансформации популизма объясняются влиянием постмодернистских изменений в самой современной политике (в частности, на фоне ее театрализации и медиатизации): «Постмодернистские принципы распространились на все общественные сферы (философию, религию, искусство, литературу, экономику, политику и повседневность) и реализуют себя, начиная от религиозной толерантности, космополитизма, мультикультурализма, заканчивая властью свободных рынков, смертью идеологии, бессубъектностью власти и превращением политики в шоу и клоунаду»²³². В другом же срезе аналитических статей и публичных выступлений активизация в последнее время этого пугающего многих феномена в политических системах западных стран зачастую объявляется временным фактом, даже нелепым анахронизмом:

---

²³¹ См.: *Martinelli A. Populism and the Crisis of Representative Democracy // Populism on the Rise: Democracies Under Challenge? / edited by Alberto Martinelli. Milano: Edizioni Epoké — ISPI, 2016. P. 22.*

²³² *Семенова В. Н. К критике современного политического бонапартизма // АНТРО. Научный журнал. 2015. № 1 (16). С. 91.*

согласно прогнозам, популизм должен в ближайшей перспективе сойти с авансцены современной политики, переместиться на ее периферию.

Особую роль рассуждения о характере и перспективах популизма заняли в экспертных докладах и публичных дискуссиях о судьбах Европейского союза накануне выборов в нескольких европейских странах, где по самым различным прогнозам популистские движения и объединения имели серьезные шансы на политический успех (Нидерланды, Франция). Так, в сентябре 2016 г. в своем ежегодном докладе перед членами Европарламента в Страсбурге о положении дел в ЕС председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер выделил популизм в качестве одной из важнейших структурных проблем, угрожающей будущности Евросоюза: «Великие демократические государства Европы не должны склоняться перед веянием популизма»²³³. Но буквально через несколько месяцев, уже после получения официальных результатов выборов различного уровня в Нидерландах и во Франции, на которых популисты потерпели абсолютное или относительное поражение, председатель Европейского парламента Антонио Таяни оптимистично провозгласил в опубликованном в газете «Коррьере делла сера» (*Corriere della Sera* — итал.) интервью: «Сезон популизма в Европе подходит к концу»²³⁴. Тем не менее обеспокоенность ростом влияния популизма, особенно его правого спектра, по-прежнему остается в повестке дня и средств массовой информации, и экспертного сообщества, и представителей правящих политических элит.

В связи с этим постановка вопроса акцентируется уже не столько в русле того, что представляет собой популизм как политический феномен, поскольку то, что популизм имеет глубокие исторические традиции и является неустрашимым элементом политики, в том числе и в ее демократической версии, не вызывает серьезных сомнений²³⁵. Проблема, скорее, может быть сформулирована следующим образом: каковы специфика и перспективы популизма именно в контексте современной политики? Речь идет о том, чтобы объяснить, каким образом старый политический прием работает в новых культурно-исторических и социально-экономических условиях. Эксперты полагают, что рост популизма в западных странах был

---

²³³ Цит. по: Европейский союз: факты и комментарии / отв. ред. Ю. А. Борко. М., 2016. Вып. 84–85. С. 18.

²³⁴ Цит. по: *Швейцер В.* Сезон популизма в Европе завершается // Независимая газета. 2017. 23 июня.

²³⁵ См.: *Баранов Н. А.* Популизм и демагогия // Человек, культура, общество / отв. ред. Н. В. Дулина, И. А. Небыков. Волгоград: Волгоград. гос. техн. ун-т, 2005. Вып. 3. С. 100–108.

«обусловлен несколькими взаимосвязанными как по сути, так и по времени явлениями»²³⁶.

Несомненным объективным основанием для активизации феномена популизма на современном этапе стало углубление начавшегося на рубеже XX–XXI вв. мирового экономического и финансового кризиса, который при этом наложился на фундаментальные проблемы в развитии европейской интеграции. Это привело к серьезным сбоям в функционировании как национальных экономик, так и сложившихся внутригосударственных систем социальной защиты населения: «Угроза рецессии, увеличение безработицы и снижение доходов населения привели к резкому росту недовольства европейцев политикой правящих партий»²³⁷. Для Франции это вылилось в то, что, несмотря на свой значительный социально-экономический потенциал (Франция занимает 6-е место в мире по объему ВВП), экономика страны, по оценкам экспертов, «...вошла в длительную фазу стагнации, сопровождающуюся конъюнктурным экономическим ростом и растущей безработицей»²³⁸. Ее часто называют «больным человеком» Европейского союза, поскольку кризисное состояние французской экономики опасно не только для собственных граждан, но и негативно влияет на экономики соседних стран и ЕС в целом, что мало согласуется с претензиями Франции на статус одного из локомотивов общеевропейского проекта.

Второй значимой причиной этих процессов называют самый масштабный после Второй мировой войны миграционный кризис в странах ЕС, который достиг своего пика в 2015 г. Этот кризис был опосредован, в свою очередь, несколькими обстоятельствами: непродуманной внешнеполитической стратегией западных держав, спровоцировавшей вмешательство во внутренние дела стран третьего мира, и военными конфликтами, потоками беженцев из охваченных хаосом регионов (прежде всего, Ближнего Востока и Африки), непоследовательной либеральной миграционной политикой ЕС, а также провалом проекта мультикультурализма, продемонстрировавшего в современных условиях свою бессистемность и неэффективность. Как отмечают исследователи, это приводит к необходимости выработки новых, достаточно амбивалентных стратегий и тактических приемов по разрешению сложившейся кризисной ситуации: «В результате

---

²³⁶ Феномен правого и левого популизма в странах ЕС. Аналитический доклад ОЕПИ [Электронный ресурс]. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/materials/Fenomen_doklad1.pdf (дата обращения: 30.11.2017).

²³⁷ Там же.

²³⁸ Бирюков С. Макрон и экономика Франции: удастся ли выйти из кризиса? // Политаналитика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politanalitika.ru/v-polose-mnenij/makron-i-ekonomika-frantsii-udastsya-li-vyjti-iz-krizisa/> (дата обращения: 30.11.2017).

для защиты либеральных принципов и проекта „нации-согражданства“ западное государство отказывается от политики мультикультурализма и все чаще прибегает к практике использования нелиберальных норм в отношении иммигрантов, чтобы „либерализовать нелиберальное“ (С. Joppke), установить культурные и иные ограничения для обеспечения „общности судьбы народа“ и защитить национальную идентичность»²³⁹.

Во Франции проблема мигрантов и их инкорпорации во французское общество стоит наиболее остро из всех европейских стран: «В настоящее время расширение притока мусульманских мигрантов приобрело необратимый характер вследствие натурализации, высокого уровня рождаемости (в 2–3 раза выше, чем у коренного населения) и политики воссоединения семей мигрантов. Это привело к тому, что во Франции проживает самая многочисленная мусульманская диаспора в Европе, а ислам превратился во вторую религию страны»²⁴⁰. Это создает плодотворную почву для роста ксенофобских настроений и активно используется в разных контекстах популистскими лидерами. Кроме того, эти настроения подкрепляются и тем обстоятельством, что Франция приобрела в последнее время не слишком привлекательный «титул» самой опасной страны в Европе в связи с количеством террористических актов, которые были осуществлены на ее территории (более десяти терактов за полтора года — с января 2015 г. по июль 2016 г.).

Еще одной важнейшей причиной актуализации феномена популизма на современном этапе становится фактор кризиса демократической легитимности, который разворачивается в странах Евросоюза сразу на двух уровнях — национальном и наднациональном. В первом случае речь идет о росте недоверия граждан к традиционным элитам, о деформации сложившейся системы политических отношений и партийного представительства, неспособности существующей политической системы представлять интересы большого количества разнообразных социальных групп: «Политическая система на самом деле выступает как способ производства власти посредством класса профессиональных политиков. В этом случае отпадает потребность в выражении интересов и артикуляции требований политическим актором. Все эти функции будут исполняться им исключительно для публики в режиме «симулякра», формальной копии классической либеральной системы артикуляции и реализации интересов общества. Сама же «политическая кухня» профессионалов не будет принимать

---

²³⁹ Ачкасов В. А. «Кризис будущего» — кризис универсальных ценностей? // Вестник Моск. ун-та. Серия 12: Политические науки. 2012. № 3. С. 40.

²⁴⁰ Трофимова О. Е. Миграционные тенденции во Франции: новые реалии // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века / отв. ред.: А. В. Кузнецов, М. В. Клинова, А. К. Кудрявцев, П. П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 59.

во внимание эти интересы, ибо они не имеют ничего общего с политической деятельностью как реализацией «чистой власти»²⁴¹. Примером может служить ситуация, которая сложилась в преддверии президентских и парламентских выборов 2017 г. во Франции, где, как отмечают исследователи, подавляющее большинство французов не испытывали доверия к политической элите: «...они считают, что политики коррумпированы (62 %) и действуют в своих интересах (82 %)²⁴². Эти процессы на национальном уровне дополняются высоким уровнем недоверия со стороны граждан к наднациональным политическим институтам и структурам, функционирующим на уровне Евросоюза, к брюссельской бюрократии в целом. Таким образом, оформляется общий для всех европейских стран тренд кризиса политической легитимности: «Сегодняшняя реальность состоит в том, что экономический кризис, независимо от своего происхождения, смешивается с потенциально далеко идущим кризисом легитимности европейской политической системы... Чем больше долговой кризис подрывает послевоенный социальный контракт современной Европы, тем меньше остается доверия избирателей к политической системе, которая рассматривается как нарушитель сделки»²⁴³.

В этом новом для европейской политики контексте популизм начинает активно использоваться различными силами в качестве одной из политических технологий, способной успешно симулировать представительство разноректорно направленных интересов общества при фактическом самоустранении от них традиционных управляющих элит, их замыкании на интересах собственной корпорации. Современным политикам, превратившимся в политических менеджеров, необходимы дополнительные источники легитимности, которые в той или иной мере способны эффективно обеспечивать современные популистские технологии, направленные на формирование однородной идентичности. Поэтому популизм как стратегия политической борьбы активно используется и вполне системными политическими силами для защиты собственных корпоративных интересов в новых исторических условиях, и их оппонентами для борьбы с традиционными неолиберальными элитами.

В этой связи можно рассматривать популизм как особый, нейтральный стиль риторики, который может служить не одной, а множеству идеологий, что и позволяет различать, в зависимости от поддерживаемой и обслужи-

---

²⁴¹ Гордеев И. Трансформация власти и политики в эпоху постмодерна и глобализации // Обозреватель — Observer. 2007. № 12. С. 105–106.

²⁴² Лапина Н. Ю. Элиты и политические элиты Пятой республики // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 108.

²⁴³ Barber T. Europe must confront crisis of legitimacy // The Financial Times. 24.04.2012.

ваемой идеологии и партийных ориентаций, например, левый и правый популизм, к которому в последнее время присоединился новый вариант популизма — центристский. Если левый и правый варианты популизма имеют давнюю предысторию своего существования в европейском контексте, в том числе и на французской почве (например, можно вспомнить бо-напартизм, буланжизм, пужадизм и пр.), то центристский вариант активно апробируется в качестве стратегии противостояния первым двум буквально в последнее время. Так, некоторые европейские системные партии или отдельные политики перенимают популистскую риторику, присоединяясь к дискурсу, еще до недавнего времени табуированному в этой среде. При этом «центристский» популизм стал новой технологией самозащиты традиционных политических элит перед лицом угрозы со стороны прежде всего правого популизма как своего главного оппонента на современном этапе.

Правые популисты в большей мере ограничиваются сопротивлением интеграционным и иммиграционным процессам, ориентированы на защиту национального суверенитета, на противостояние процессам размывания традиционных социокультурных оснований, что позволяет говорить в данном случае о популизме идентичности или националистическом популизме. В свою очередь, левый популизм также использует недоверие избирателей к традиционным элитам как на национальном, так и на наднациональном уровне, но акцентирует свое протестное внимание на критике неолиберальных социально-экономических стратегий и видимого снижения уровня жизни граждан европейских стран, играя на их настроениях, направленных против проводимой на фоне кризиса политики строгой экономии. Таким образом, левых и правых европейских популистов объединяет ярко выраженный евроскептицизм, имеющий, тем не менее, разные идеологические основания и реализуемый в их программах с разной степенью последовательности. Кроме того, консолидация системных партий на базе неолиберальной идеологии при размывании их прежних принципов и программных установок позволяет левым и правым популистам перехватывать и успешно использовать в своих программах различные элементы традиционных идеологий. За счет этого европейские популисты существенно расширили в последние годы свою электоральную базу и добиваются серьезных результатов на выборах различного уровня.

Тем самым в рамках обсуждения темы активизации популистских практик в современной европейской политике можно сегодня отметить развитие тренда «многообразия популизма»: популизм постепенно распространяет свое присутствие по всему политическому спектру. В этом контексте особый интерес и прекрасное поле для исследований представляет современная французская политика, в русле которой наиболее рельефно отразился феномен «многообразия популизма».

§ 2. Популизм в современной Франции (особенности президентской кампании 2017 г.)

В качестве кейс-стади (case study) сосредоточимся на президентской кампании 2017 г. во Франции, поскольку в ходе этой кампании можно было наблюдать за беспрецедентным для современной европейской политики сражением популистов разных направлений. На ее старте в числе основных кандидатов на пост президента Франции (всего их было 11) оказались сразу три разнонаправленно ориентированных популиста, изначально имевших лучшие шансы для победы: Марин Ле Пен, глава крайне правой популистской партии «Национальный Фронт» (фр. — Front National, сокращенно — FN), бывший социалист Эммануэль Макрон из новой популистской центристской партии «Ассоциация за обновление политической жизни» (фр. — En Marche! — «Вперед!») и Жан-Люк Меланшон, лидер нового левого движения «Непокорившаяся Франция» (фр. — La France insoumise). Во второй тур вышли два первых кандидата, что и создало своеобразную интригу: борьба за президентский пост развернулась между представителями правого и центристского вариантов популизма. Впервые в истории Пятой республики (с 1958 г.) в последний тур президентских выборов не прошли кандидаты от традиционных правящих партий (голлистов-республиканцев и социалистов).

Жан-Люк Меланшон, лидер нового левого движения, набрал в первом туре 19,58 % голосов и занял четвертое место, не пройдя во второй тур президентской гонки. Но, несмотря на это, 66-летний политик-ветеран (он участвовал в президентских выборах в 2012 г. и также занял четвертое место, получив более 11 % голосов) продемонстрировал самый убедительный результат из всех популистски ориентированных кандидатов (с точки зрения пропорциональности соотношения полученных результатов на этих выборах своим стартовым возможностям). Представитель республиканцев (фр. — Les Républicains), основной системной партии правой оппозиции, Франсуа Фийон занял при этом третье место с результатом в 20,01 % голосов, лишь на десятые доли процента опередив лидера «Непокорившейся Франции»: здесь сыграл немаловажную роль коррупционный скандал, превративший Фийона из бесспорного фаворита президентской гонки в ее «аутсайдера».

Предвыборная программа лидера левого популистского движения, экс-министра профессионального образования в правительстве социалиста Лионеля Жоспена (с 27 марта 2000 г. по 6 мая 2002 г.), была выстроена вокруг лозунга о конце Пятой республики, этой, как он ее именует «президентской монархии». В своих выступлениях Меланшон акцентировал внимание на необходимости проведения глубоких политических реформ всех

органов власти, которые станут основой Шестой республики, и в первую очередь осуществления конституционной реформы для ограничения широких президентских полномочий: «Я буду последним президентом Пятой республики, поскольку в случае избрания я созову собрание для подготовки новой конституции, это будет конец президентской монархии. И в это время мы будем реализовывать мою программу» (из предвыборных теледебатов на французском телеканале TF1)²⁴⁴.

Являющийся крайне левым даже по меркам Социалистической партии, из которой он вышел в 2008 г., Ж.-Л. Меланшон не обладал обширной электоральной базой: с 2009 по 2014 г. он был лидером «Левой партии», а в феврале 2016-го основал независимое политическое движение «Непокорившаяся Франция». Но уже в начале президентской кампании, как свидетельствовали результаты предварительных соцопросов, этот левый популист лишь на один процент отставал от системного левого кандидата — умеренного социалиста Бенуа Амона (11,5 и 12,5 % соответственно). По опросам, именно Жан-Люк Меланшон, ультралевый политик и евроскептик, убедительнее всех выступил на первых дебатах (20 марта 2017 г.), а на повторных дебатах (4 апреля 2017 г.) эта ситуация обозначилась еще более рельефно²⁴⁵.

Будучи выходцем из достаточно радикальных политических кругов Франции (с 1972 по 1977 г. он состоял в рядах троцкистской «Международной коммунистической организации»), сохраняя тесные контакты с ультралевыми силами, Ж.-Л. Меланшон использовал в своих предвыборных речах радикальные идеи и резко антикапиталистическую риторику, активно манипулируя, согласно политической традиции, термином «революция». «Революционная фразеология до сих пор приносит во Франции политическому деятелю левой ориентации некоторую долю популярности»²⁴⁶. В 2009 г. именно он в своей книге ввел в оборот понятие «Другая левая» (фр. — *L'autre gauche*) для обозначения тех движений и партий, которые могут составить конкуренцию слева для доминирующей на левом поле Французской социалистической партии (ФСП), давно ставшей

---

²⁴⁴ Цит. по: Кандидат в лидеры Франции Меланшон намерен предложить выход страны из НАТО // Информационное агентство «РИА Новости» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20170321/1490448719.html> (дата обращения: 02.12.2017).

²⁴⁵ Фавориты выборов во Франции проиграли дебаты стороннику выхода из ЕС // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/04/2017/58e4baf29a7947dfb3ef327f> (дата обращения: 24.11.2017).

²⁴⁶ Вершинин А. А. «Другая левая» во Франции: современное состояние и перспективы // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 165.

системной партией. В этом контексте уже тогда речь шла о необходимости формирования широкой массовой коалиции, способной противостоять с левых позиций неолиберальному консенсусу правящих элит, к которому принадлежала и «переродившаяся» Социалистическая партия. Как отмечалось в аннотации к книге Ж.-Л. Меланшона, «Левой необходим другой локомотив. Ставка в этой борьбе — формирование альтернативного большинства, способного преодолеть капитализм»²⁴⁷.

Поэтому в своих предвыборных выступлениях Ж.-Л. Меланшон постоянно говорил о расколе Франции на народ и элиты, называя себя, подобно представителю правого популизма М. Ле Пен, кандидатом от народа. Но как представитель крайне левого идеологического спектра, он предлагал именно антикапиталистический вариант критики неолиберального истеблишмента: акцентируя внимание на социально-экономических и политических последствиях мощных процессов глобализации, Меланшон ориентировал свой электорат на страх перед гнетом «диктатуры» системы мировой экономики и финансов. Жестко критикуя социал-либерализм образца президентства Ж. Олланда, лидер «Непокорившейся Франции» в своей предвыборной программе выступал за подлинно левые социально-экономические реформы внутри страны (например, за перераспределение доходов при помощи многократного увеличения налогов для богатых), уделял большое внимание социальным вопросам, а также ратовал за протекционистскую экономическую политику. В области внешней политики Ж.-Л. Меланшон высказывался за выход Франции из ЕС (так называемый *Frexit*) и из НАТО, ее независимость от международной финансовой системы и рейтинговых агентств, поэтому его внешнеполитическая программа часто напоминала правопопулистскую. В его выступлениях можно встретить ссылки даже на Шарля де Голля, что выглядело достаточно странно для леворадикального политика, который в 1968 г. участвовал в массовых студенческих манифестациях за его отставку, но вполне вписывалось в контекст избирательной программы как популистский тактический прием, используемый для привлечения электората. По одному из ключевых вопросов предвыборной повестки дня — проблеме нелегальной иммиграции — лидер «Непокорившейся Франции» высказывался жестко, но вместе с тем, как и полагается левому политику, был настроен достаточно позитивно по отношению к самим миграционным процессам. Он предлагал бороться с первопричинами, а не следствиями миграционного кризиса, в том числе за счет отказа от соглашений, разрушающих экономику стран третьего мира, проведения более взвешенной внешней политики, прекра-

---

²⁴⁷ См.: *Mélenchon J.-L. L'autre gauche*. Paris: Éditions Bruno Leprince, 2009. 144 p.

щения вооруженных конфликтов, а также налаживания сотрудничества с Россией, например, в разрешении сирийского кризиса.

Накануне выборов тема современного левого популизма, его истоков и теоретического обоснования стала очень популярной во французских СМИ именно благодаря фигуре Ж.-Л. Меланшона; так, одна из статей, например, вышла под названием «Шанталь Муфф, теоретик левого популизма, вдохновляет Меланшона»²⁴⁸. Действительно, выступления Ж.-Л. Меланшона — это выступления блестящего оратора, которые отличает афористичность и сознательный эпатаж в отношении оппонентов и представителей СМИ. «Он разоблачает корыстные интересы деловой элиты Франции. Он нарушает неписанные законы этикета: в ходе интервью отвечая на вопрос о доходах он неожиданно задает тот же вопрос интервьюеру, он хватается журналиста за рукав и втягивает в свою зону социального конфликта, не позволяя ему оставаться в стороне. Он сыплет антибуржуазными цитатами в духе коммунистов 1930-х гг. Он даже соглашается принять звание популиста. И все это напоминает эпатажный спектакль, срежиссированную буффонаду...»²⁴⁹. Кроме того, в ходе последней президентской гонки лидер «Непокорившейся Франции» прибегнул к необычным техническим средствам для ведения своей предвыборной кампании. Так, он воспользовался еще невиданным в публичной политике трюком: при помощи голограммы выступил сразу на двух митингах в разных городах страны, что вызвало достаточно неоднозначную полемику вокруг этой темы в СМИ.

В целом избирательная кампания Ж.-Л. Меланшона была намного более яркой и динамичной, чем можно было ожидать от политика-ветерана, что и сказалось впоследствии на результатах голосования в первом туре президентской кампании 2017 г. Эти результаты подтверждают и тот факт, что крайне левые с их популистской риторикой продолжают сохранять свои позиции во французском обществе и остаются значимым фактором политической жизни Франции. Но на фоне внутреннего кризиса и видимого поправления Социалистической партии ее традиционный электорат, лишенный политического представительства, начинает частично перетекать не только к «Другой левой», но и к правопопулистскому «Национальному

---

²⁴⁸ См.: Noyé S. Chantal Mouffe théorise le populisme de gauche et inspire Mélenchon // La vie. 12.04.2017 [Электронный ресурс]. http://www.lavie.fr/debats/idees/chantal-mouffe-theorise-le-populisme-de-gauche-et-inspire-melenchon-12-04-2017-81341_679.php (дата обращения: 04.12.2017).

²⁴⁹ Феномен правого и левого популизма в странах ЕС. Аналитический доклад ОЕПИ [Электронный ресурс]. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/materials/Fenomen_doklad1.pdf (дата обращения: 30.11.2017).

фронту», активно использующему в последнее время лозунги «**антилиберализма**», «**антисистемы**» и «**антиэлиты**».

Лидер «Национального фронта» Марин Ле Пен, получившая в первом туре 21,30 % и занявшая вторую позицию, в итоге осталась единственным соперником Эммануэля Макрона во втором туре. Выйдя во второй тур выборов при изначально относительно небольшом разрыве со своим главным соперником, она, несомненно, улучшила свой результат по отношению к предыдущей президентской кампании 2012 г. (тогда она заняла третье место, получив 18 % голосов). Но в очередной раз лидер Национального фронта так и не смогла, чтобы добиться победы во втором туре, преодолеть сложности французской избирательной системы. Так называемый политический санитарный кордон (фр. — *cordon sanitaire*) был установлен во Франции еще в 1986 г. специально для противодействия Национальному фронту и институционально опирается на мажоритарную систему абсолютного большинства, которая стандартно приводит к голосованию в два тура по одномандатным округам. Сложившаяся в рамках данной избирательной системы стратегия позволяет не допустить победы прошедшего во второй тур кандидата от Национального фронта: согласно политической традиции, две основные системные партии — правые и социалисты — обычно объединяются в рамках так называемого Республиканского фронта вокруг более сильного кандидата, блокируя доступ к победе правопопулистскому оппоненту. Несмотря на то, что в предшествующие годы возросшая популярность Национального фронта позволяла его представителям одерживать победы даже в условиях такой неблагоприятной избирательной системы (например, на местных выборах 2015 г.), эта стратегия эффективно сработала против Марин Ле Пен во втором туре президентских выборов 2017-го.

Движение Национального фронта в сторону все большей демаргинализации и превращения в системную партию ускорилося именно с приходом в 2011 г. к руководству Марин Ле Пен, сменившей на этом посту своего отца Жана-Мари Ле Пена. Тогда была проведена большая работа по улучшению имиджа партии с помощью кадрирования риторики (последовал постепенный отказ от явных расистских и антисемитских положений), а в программе партии ярко обозначилась тенденция к «всеядности» — эклектическому сочетанию правых и левых требований. Это стало одной из особенностей популизма Марин Ле Пен, позволившей Национальному фронту выйти за рамки узко очерченных групповых предпочтений и значительно расширить свою электоральную базу. Кроме того, в последние годы обновленный Национальный фронт, несмотря на внутрипартийные противоречия по этому вопросу, в тактических целях «начинает прибегать к заимствованию традиционно голлистского наследия и его адаптации к

идейно-политической доктрине партии в сегодняшних реалиях»²⁵⁰. Такой «голлистский поворот», выразившийся в первую очередь в обращении к идеям величия Франции и защиты ее национального суверенитета, стал в новых условиях одним из элементов стратегии модернизации партии и, несомненно, обеспечил рост ее популярности среди тех французских избирателей, которые традиционно принадлежали к умеренному правому политико-идеологическому спектру. Как отмечают специалисты, в современных условиях это не стало прологом «к каким-либо существенным изменениям в идейно-политической доктрине НФ, а, скорее, представляет собой элемент партийной стратегии, основанной на синтезе традиционно левых и правых идей, голлистских и антиголлистских положений с целью расширения электоральной базы НФ в преддверии президентских и парламентских выборов 2017 г.»²⁵¹.

Предвыборная программа М. Ле Пен в 2017 г. продолжила эту традицию идеологической гибкости и выстраивалась очень компромиссно: элементы правого националистического идейного спектра были смягчены, разбавлены центристскими принципами и даже некоторыми левыми социальными идеями. Основными положениями ее внутривнутриполитической повестки стала ориентация на проведение жесткой миграционной политики, поддержка полноценными протекционистскими мерами французских производителей (например, введение налога на импортные товары), а лозунги защиты традиционно консервативных ценностей (семьи, брака и т. д.) успешно сочетались в ней с популярными социальными требованиями. Внешнеполитический блок программы этого правопопулистского кандидата в президенты был ориентирован в первую очередь на выход Франции из НАТО и ЕС, а также на улучшение отношений с Россией. Марин Ле Пен осуждает идею евроатлантической интеграции, а в качестве альтернативы она предлагает «Европу наций», стратегический альянс с Россией на основе военно-энергетического партнерства и Панъевропейский союз (суверенных государств) с Россией и Швейцарией без Турции. В целом ее позиция в качестве лидера Национального фронта уже традиционно ориентирована на идею укрепления национального суверенитета в духе возврата к традициям Ш. де Голля: «Речь идет о независимой и сбалансированной внешней политике, хороших отношениях с Россией, масштабных соци-

---

²⁵⁰ Наумова Н. Н. «Голлистский поворот» в стратегии Национального фронта (2013–2015) // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 174.

²⁵¹ Там же. С. 180.

альных расходах, активном государственном вмешательстве в экономику и протекционизме для защиты французских производителей»²⁵².

Но наибольший акцент в предвыборной программе М. Ле Пен был сделан не на позитивной будущей повестке, а на критике существующего положения дел и выявлении имеющихся в различных областях французской действительности проблем. Многие положения этой программы, особенно в социально-экономической части, носили явно противоречивый характер, что было в целом характерно, начиная с 1980 г., для эволюции социально-экономической программы Национального фронта²⁵³. В итоге программные положения и предвыборная тактика Марин Ле Пен не смогли в полной мере конкурировать с программой и тактикой представителя центристского популизма Эммануэля Макрона, на которого единым фронтом работали все элементы французской системы: финансовая, политическая, медийная и т. д. Важную роль здесь сыграл также фактор сплочения и мобилизации во втором туре голосования электората традиционных партий, не готового допустить победу крайне правых и проголосовавшего по принципу от противного («только не Ле Пен»).

Эммануэль Макрон, одержавший победу на президентских выборах, представляет собой как политик достаточно неординарный вариант центристского, проевропейского популизма. Публицисты даже придумали новый термин, назвав Макрона представителем своего рода «просвещенного популизма» в противовес «националистическому популизму Ле Пен»²⁵⁴. Создание 6 апреля 2016 г. движения «Вперед!» (впоследствии оно было реорганизовано в партию «Вперед, Республика!») стало для Э. Макрона успешным проектом в рамках его подготовки к участию в президентской кампании. Этот шаг позволил ему вовремя покинуть правительство и Социалистическую партию, в которой он состоял в 2006–2009 гг. и позиционировать себя как независимого кандидата. В одном из своих предвыборных интервью газете «Фигаро» Э. Макрон заявлял, что хотел бы объединить вокруг себя не только левый и правый центр, но либеральную часть правых сил, поскольку традиционное деление на правых и левых

---

²⁵² Современный консерватизм на Западе // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ: № 2 (2): Форум «Бердяевские чтения», 16 мая 2014 г. Доклады и статьи. М.: Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2014. С. 33.

²⁵³ См.: Ivaldi G. Du néolibéralisme au social-populisme ? // S. Crépon, A. Dézé, and N. Mayer (eds.). Les faux-semblants du Front national: Sociologie d'un parti politique. Paris: Presses de Sciences Po., 2015. P. 161–184.

²⁵⁴ The Strategist: Эммануэль Макрон — такой же популист, просто другого пошиба // Информационное агентство Regnum [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2275310.html> (дата обращения: 28.11.2017).

оказывается неэффективным в «трудные исторические моменты»²⁵⁵. Таким образом, он, как будущий кандидат в президенты, смог накануне выборов в полной мере дистанцироваться от французских мейнстримовых политических партий, катастрофически растерявших кредит доверия в глазах избирателей, а затем найти для себя новую партийно-политическую нишу путем создания собственной партии. В своей книге, посвященной новому президенту Франции Эмманюэлю Макрону, французский политический обозреватель Анна Фюльда особо отмечает этот факт: «Он интегрировался в систему, которая идеально ему подошла. Чтобы потом удобнее было от нее дистанцироваться. И в довершение презентовать себя как антисистемного кандидата»²⁵⁶.

Макрон объявил себя «ни правым, ни левым», но при этом удачно встраивал в свою предвыборную программу элементы как левого (повышение пенсий и зарплат, социальные реформы и др.), так и правого толка (сокращение роли государства в экономике, поощрение частной инициативы, свободный рынок). Таким образом, его «центристский популизм» представлял собой своеобразный сплав экономического либерализма с глобалистским уклоном и гибкого государства всеобщего благосостояния в скандинавском стиле²⁵⁷. Такое сочетание традиционной для либерального дискурса «рыночной» риторики с не менее уже традиционной для социалистического истеблишмента идеей «социального прогресса» на фоне критики современного капитализма оказалось очень актуальным в новых социокультурных и политических условиях. «Э. Макрон почти не выдвигает действительно оригинальных идей, ему в определенной мере удастся „синтезировать“ левоцентристские, правоцентристские и праволиберальные установки под общим знаменем „социального неолиберализма“. Это обеспечивает ему поддержку неолиберальных элит и значительной части электората, особенно молодежи»²⁵⁸.

Большим плюсом предвыборной кампании Э. Макрона было то, что он предложил избирателям позитивную политическую повестку. «Мыслить весной» (фр. — *pensez printemps*) — вот основной рекламный лозунг предвыборной кампании Макрона. Само название созданного им движения «Вперед», оформившегося затем в партию под названием «Вперед, Республика», говорит о том, что этот центристский популист выступил в своей программе с оптимистическим тезисом о необходимости и возмож-

---

²⁵⁵ Bourmaud F.-X. Emmanuel Macron tente de se placer au-dessus des partis // Le Figaro. 04.02.2017.

²⁵⁶ Fulda A. Emmanuel Macron, un jeune homme si parfait. Paris: Editions Plon, 2017. P. 13.

²⁵⁷ См.: Macron E. Révolution. Paris: XO Editions, 2016. 270 p.

²⁵⁸ Чернега В. Новый лидер французской гонки: в чем причины взлета Макрона? // Политком. Ру [Электронный ресурс]. URL: <http://politcom.ru/22099.html> (дата обращения: 27.11.2017).

ности обновления для Франции. Это явно контрастировало с негативной, критически ориентированной повесткой дня программ его основных политических конкурентов по избирательной кампании и стало достаточно эффективным с политической точки зрения технологическим приемом.

Представитель правящего истеблишмента, экс-министр экономики, промышленности и цифровых технологий в правительстве М. Вальса (2014–2016), молодой, хорошо образованный бюрократ (выпускник элитарной Национальной школы администрации — ENA), человек с интересной личной биографией, Э. Макрон успешно воспользовался популистскими методами для завоевания своего электората. Некоторые эксперты даже отмечают наличие в его политическом арсенале инструментов из области иррационального, основанного на чувствах и мистических материях. «Это огромная ошибка — не говорить в политике о любви, поскольку, считаю, у политики есть эмоциональная, иррациональная сторона, нужная людям»²⁵⁹, — приводит автор биографии французского президента его собственные высказывания по этому поводу. Так, например, на встрече с избирателями в Тулоне 18 февраля 2017 г. он признался в своем выступлении в любви к французам, используя при этом аналогии с выступлением Ш. де Голля, которого считает своим кумиром: «Поскольку я хочу стать президентом, я понял вас, и я вас люблю»²⁶⁰. В этом пассаже Макрон делает отсылку к знаменитой фразе, произнесенной де Голлем 4 июля 1958 г. в Алжире: «Я понял вас!», дополняя ее еще более эмоционально окрашенным популистским признанием.

Апеллируя к насущным проблемам французского общества и демагогически критикуя власть за ее промахи уже в качестве антисистемного политика, он предложил французам открытую проевропейскую модель идентичности; тем самым популизм был как бы отозван у националистов и технологически использован для продвижения европейской интеграции, а также экономической и политической глобализации. В своем интервью от 19 марта 2017 г. газете *Journal du Dimanche* (JDD) Эммануэль Макрон заявил, сравнив себя при этом в очередной раз с Шарлем де Голлем, что при желании его могут называть популистом, но не демагогом, поскольку он не обманывает людей, и что его совершенно не смущает то, что его называют популистом: «Если быть популистом означает говорить с людьми без использования различных механизмов, то я хочу быть популистом. С

---

²⁵⁹ Цит. по: *Fulda A.* Emmanuel Macron, un jeune homme si parfait. P. 194.

²⁶⁰ Meeting à Toulon du 18 Février | Emmanuel Macron // YouTube [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=YRnbFYj6wRg&index=28&list=PL6Wo2DWicQN_FUXkpYuzohP-I0yH3vahX (дата обращения: 28.11.2017).

этой точки зрения, им был де Голль. Но не стоит путать это с демагогией. Поэтому, если хотите, называйте меня популистом. Но не называйте меня демагогом, потому что я не обманываю народ»²⁶¹. В этом смысле только время покажет, насколько данный вариант центристского популизма, пришедший к власти в лице Э. Макрона, окажется действительно способным прервать традицию обреченности «политического центризма», характерную для Пятой республики²⁶².

Таким образом, в рамках последней президентской кампании во Франции произошло схождение на политическом поле сразу трех разновидностей популизма: правого, центристского и левого, что представляется действительно беспрецедентным явлением не только для французской, но и современной европейской политики в целом. Так, на наших глазах оформляется общеевропейский феномен многообразия популизма по всему спектру. При этом популизм подвергся существенной реновации и превратился в одну из современных технологий, активное использование которой в политической борьбе постепенно становится символическим маркером для выстраивания эффективной линии по достижению избирательного успеха и легитимации новых условий политического порядка. Как верно спрогнозировал в своей аналитической записке, составленной еще в 2016 г. накануне президентской кампании во Франции руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН, профессор Ю. И. Рубинский, «партийно-политическая система Франции вступает в период переформатирования: биполярная структура уходит в прошлое, уступая место в 2017 г. более фрагментарной, и, соответственно, появлению различных вариантов формирования президентского и парламентского большинства. Заметно эволюционируют и сами критерии принадлежности партий к левому или правому лагерям. Водораздел между ними все больше проходит по отношению к глобализации и евростроительству, национальным или международным приоритетам»²⁶³.

---

²⁶¹ Sécurité, identité, laïcité: les réponses de Macron // Journal du Dimanche. 19.03.2017.

²⁶² См.: Furet F., Julliard J., Rosanvallon P. La République du centre. Paris: Calmann-Lévy, 1988. 182 p.

²⁶³ Рубинский Ю. И. Франция на перепутье // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 95.

ГЛАВА 12.

ПОПУЛИЗМ И ТИРАНИЯ: СЛУЧАЙ ФЕРДИНАНДА МАРКОСА В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

---

§ 1. «Постправда», популизм и тирания

Хотя феномен «постправды» (или «постистины») совсем недавно попал в центр внимания исследователей наук об обществе, данный феномен может быть обнаружен уже в глубокой древности. Его можно сопоставить с различием «риторики» и «философии» в рамках древнегреческой политической философии. Конечно, именно для современных обществ феномен «постправды» создает серьезную угрозу в силу социальной интеграции современных обществ посредством СМИ. Если в рамках древнегреческой политической философии существовало представление о превосходстве «философии» (или «истины») над «риторикой» (или «постправдой»), то в наше время усиливается понимание важности «риторики» и даже превосходства ее над «истиной»²⁶⁴.

В рамках изучения феномена науки появилось понимание зависимости «истины» от «риторики» в процессах проведения научных исследований. С различных сторон в работах Бруно Латура²⁶⁵ и Рэндалла Коллинза²⁶⁶ была показана сложная природа производства научного знания, в которой ключевую роль играют социальные условия деятельности ученых. Именно социальный контекст производства научного знания был осмыслен в виде «риторики» еще в рамках древнегреческой философии. Значение «социального мира» велико даже в изучении природы, то есть «объективного мира», но еще более велико в изучении «политики», которая является частью «социального мира».

---

²⁶⁴ См.: Romano C. *America the Philosophical*. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2012.

²⁶⁵ Коллинз Р. *Социология философии*. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

²⁶⁶ Латур Б. *Наука в действии*. СПб.: Изд-во ЕУ в СПб., 2013.

С опорой на идеи англо-австрийского философа науки Карла Поппера, Юрген Хабермас²⁶⁷ предлагает различать объективный, социальный и субъективный миры и увязывает свою типологию социального действия с ориентациями на данные миры. Стратегическое действие является обобщением теологического действия, взятого как преобладающая ориентация на объективный мир со времен Аристотеля, но с учетом реалий социального мира, то есть с учетом действий других людей. По мнению Хабермаса, в коммуникативном действии имеет место ориентация сразу на три мира значимости (то есть одновременно на объективный мир, социальный мир и субъективный мир с целью достижения взаимопонимания). Любое утверждение в коммуникативном действии должно соотноситься с объективным миром (истина), с социальным миром (нормативная правильность) и с субъективным миром (субъективная правдивость), что необходимо для коммуникативной координации действий. Можно отметить, что, необходимо ориентируясь на все три мира значимости, коммуникативная рациональность ориентируется прежде всего на потребность в координации социальных действий, исходящую из социального мира. В плане критики данной неявной ориентации коммуникативного действия на первичность социального мира значимости немецкий социолог Ханс Йоас²⁶⁸ предложил понятие «креативности социального действия», которое указывает на приоритетность субъективного мира значимости в социальных отношениях.

Другими словами, коммуникативная рациональность «проблематизирует» (если воспользоваться понятием Мишеля Фуко) вхождение субъективного опыта в социальные отношения, с учетом реалий объективного мира. В рамках когнитивно-инструментальной рациональности «проблематизируется» вхождение объективной реальности в субъективный опыт ученого, который уже опосредован тем обществом (социальном миром), в котором ученый живет, то есть «проблематизируются» отношения между «действительностью» и «наукой». Перенос инструментальной рациональности на социальный мир — это и есть стратегическая рациональность, которая предполагает обращение с другими людьми как с объективными элементами ситуации. Для стратегической рациональности характерен акцент на объективном характере познания и рациональности. Напротив, для коммуникативной рациональности важен акцент на субъективности нашего познания в широком смысле, на его постоянном движении от от-

---

²⁶⁷ Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. Band I–II.

²⁶⁸ Йоас Х. Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005.

дельного человека к обществу и обратно, на «идеальных» аспектах рациональности.

Феномен античной «риторики», как и феномен современной «постправды», связаны с необходимостью коммуникативной рациональности для существования «социального мира», хотя их следует понимать как негативные искажения социальной коммуникации с позиций стратегической рациональности отдельных участников политического процесса. Идея «идеальной речевой ситуации» у Хабермаса как раз направлена на выявление подобных искажений в рамках обыденных человеческих коммуникаций, которые на повседневном уровне всегда содержат в себе проявления «риторики» и «постправды». Феномен «постправды» всегда искажал коммуникативную рациональность в человеческом взаимодействии, поскольку реальное человеческое взаимодействие является сложным переплетением (диалектикой) стратегической рациональности и коммуникативной рациональности. Подобное переплетение характерно также для научных исследований со времен появления понятия «истины» в древнегреческой философии, что и было выявлено в работах Бруно Латура и Рэндалла Коллинза.

Риторика и «популизм» в Древней Греции связывались с феноменом «тирании». Наше время и Древнюю Грецию объединяет однозначно негативное отношение к феномену «тирании» и ее моральное осуждение (в наше время с позиций идеологического доминирования либеральной демократии). Если понимать «популизм» как активное использование стратегической рациональности для воздействия на «социальный мир», то именно «тиран» имеет наиболее благоприятные предпосылки для реализации своей стратегической рациональности в борьбе за захват и удержание политической власти. Именно в «тирании» наиболее полно проявляется стратегическая рациональность, в том числе и в виде «популизма».

Среди многочисленных теорий «популизма» наиболее близко к феномену коммуникативной рациональности подходит теория «популизма» Эрнесто Лакло. Данный автор активно пытался обновить марксизм за счет обращения к исследованиям языка и его роли в конструировании социальной реальности. Его работы, написанные совместно с Шанталь Муфф, образуют особое направление в критическом дискурс-анализе. Для данного направления логичен «диалог» со сходным теоретическим направлением Хабермаса. По мнению Шанталь Муфф²⁶⁹, Хабермас не принимает

---

269 *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2 (42). С. 180–197.

во внимание значение «власти» в общественной жизни и властный потенциал любого консенсуса. Ссылаясь на понимание «политического» Карлом Шмиттом, Шанталь Муфф полагает, что необходимо превращать роль «врага» в роль «соперника» в «агональном соперничестве», и в этом заключается возможность и суть демократии. Демократическая политика не исключает конфликтов и не замещает их консенсусом, а лишь снижает уровень накала противоборства сторон. Подобная критика требует лишь уточнения теоретической позиции Хабермаса, но вполне согласуется с основами его теории коммуникативного действия. Утверждение о существовании коммуникативной рациональности не отрицает существование власти в обществе, демократия существует в рамках бюрократического государства, которое создается процессами стратегической рациональности. Речь идет о понимании демократии, как усилий по контролю над властью в виде бюрократического государства, который не исключает конфликтов между различными политическими силами в обществе.

В своей теории «популизма» Эрнесто Лакло предлагает понимать его как онтологическую, а не онтическую категорию. Иначе говоря, «популизм» надо соотносить с практиками «популизма», а не с идеологией «популизма». Данное положение входит в противоречие со второй частью теории Лакло, в которой он предлагает считать признаком дискурса «популизма» соединение всех проблем (или требований) в одну метапроблему («образуя цепь эквиваленций»²⁷⁰). Например, все проблемы общества могут быть связаны с проблемой миграции. На наш взгляд, более правильно было бы говорить о многообразии практик «популизма» как о его наиболее фундаментальном свойстве. В своем анализе «популизма» Лакло старается оставаться марксистом, но при этом фактически объявляет «идеологию» первичной по отношению к материальным условиям жизни, поскольку они (материальные условия жизни) осмысляются в рамках дискурсов о социальной реальности. Хотя «народ» действительно социально конструируется в дискурсах о «народе», нужны конкретные агенты, которые навязывают данные дискурсы населению. В рамках нашей повседневности «социальный мир» выступает посредником между «субъективным миром» отдельных агентов и «объективным миром» материальных условий нашего существования. Упор на «практиках популизма» позволит связать «популизм» как социальную конструкцию с хорошо разработанным направлением социологического анализа «практик», то есть усилить «онтологический»

---

²⁷⁰ Лаклау Э. О популизме // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2009. № 3.

аспект «популизма» в рамках анализа повседневной жизни. Изучать «популизм» как феномен обыденной жизни и быта.

В более ранней версии теории Хабермаса речь шла о дуализме труда и интеракции²⁷¹, где под «трудом» понималось инструментальное действие и стратегическое действие. Понятие «труда» может быть проанализировано посредством близкого марксистского понятия «практики». Именно близкое к марксизму понятие «практик» стало использоваться многими социологами как альтернатива понятию социального действия в смысле Парсонса, и для критики системной теории Парсонса. Один из вариантов систематизации теорий практик предложили Вадим Волков и Олег Хархордин²⁷². Как они отмечают, хотя само понятие «практики» имеет ясные корни в марксизме, успех данного понятия в современной социологической теории связан с переосмыслением идей консервативных теоретиков Людвиг Витгенштейна и Мартина Хайдеггера. Именно поэтому более корректно говорить о «теории практик», а не о «теории практики».

Античная традиция позволяет обратить внимание на простую лесть «народу» со стороны демагогов, а также на риторическую (эмоциональную) подачу материала, как на эффективные практики «популизма». Хотя практики «популизма» могут использовать любые политические силы, но наиболее полно практики «популизма» может использовать «тиран» в силу его относительной независимости от идеологических реалий своего времени. Именно «тиран» наиболее прагматично использует практики «популизма» для достижения своих целей и обеспечивает независимость «популизма» от любой идеологической привязки, что довольно трудно делать другим политическим силам, особенно в условиях современной партийной (и идеологической) политики.

§2. От античного союза популизма и тирании к современным случаям

Перерождение политического лидерства в «тиранию» впервые было изучено в Античности, где данное перерождение носило более простые и явные формы, чем в наше время, которое характеризуется более сложными формами социальной жизни. Поскольку «тираны» ограничивали свободу граждан для достижения своих личных целей и интересов, в целом в эпоху Античности их воспринимали негативно. Понятие «тирании» изна-

---

²⁷¹ Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007. С. 47–49.

²⁷² Волков В. Хархордин О. Теория практик. СПб.: Изд-во ЕУ в СПб., 2008.

чально носило негативный оценочный характер, и применение данного понятия по отношению к Маркосу сохраняет указанный первоначальный смысл. Негативное восприятие «тирании» не всегда позволяло и позволяло увидеть сильные стороны «тирании» и сложные причины ее появления. Например, Дионисий Старший стал «тираном» Сиракуз используя эмоциональную риторику для воздействия на народ в духе практик «популизма» и «постправды», обвиняя военных руководителей города в измене и подкупе со стороны Карфагена (Э. Д. Фролов опирается на уникальный рассказ Диодора Сицилийского, который, с большой долей вероятности, восходит к сообщению участника событий историка Филиста²⁷³). Поскольку Филист был сторонником Дионисия Старшего, в его рассказе сохранились важные подробности захвата власти, которые показывают значение «популизма» в успехе Дионисия Старшего (что известно и по сообщениям Аристотеля о причинах установления «тирании»). По своему социальному происхождению (габитусу) Дионисий Старший был представителем «среднего класса», как и Фердинанд Маркос, то есть потенциальным сторонником демократии, но опирался на поддержку части богатых аристократов. А Маркос перешел из Либеральной партии в Национальную партию для получения возможности выдвинуться кандидатом в президенты в 1965 г. Обратной стороной подобной «гибкости» «тиранов» в маневрировании между различными социальными и идеологическими силами выступает слабая институциональная поддержка «тирании». Современный «султанизм» и древнегреческая «тирания» отличаются слабой «инфраструктурной властью» в области государственного управления²⁷⁴ (то есть способностями влиять на повседневную жизнь граждан своей страны). В Античности и в наше время «тирания» считается худшей формой политического режима из-за ориентации «тирана» на личную выгоду и выгоду своих «друзей». Уже Дионисий Старший вынужден был опираться на небольшой круг своих «друзей» и на поддержку наемной армии, поскольку не мог использовать институты обычного управления полисом. В древности и в современности «тиран» всегда выступает своеобразным азартным «игроком», который использует сложную кризисную ситуацию для установления своей личной власти, но при этом свободной от идеологических ограничений и институционального контекста своего политического времени. Ориентация на «друзей» связана со слабой поддержкой «тирана» со стороны обычного политического

---

²⁷³ Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.

²⁷⁴ Goodwin J. *Revolutions and Revolutionary Movements* // *The Handbook of Political Sociology* / T. Janoski, R. Alford, A. Hicks, M. A. Schwartz (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

порядка. В этом смысле «тирания» напоминает метафору «стационарного бандита». Эта организационная сущность «тирании» сохраняется в рамках современных обществ, адаптируясь к более сложным социальным условиям современного общества. По мнению Майкла Манна²⁷⁵, в современных условиях существуют более сложные и обширные сети военной власти, экономической власти, политической власти и идеологической власти (по сравнению с более простыми сетями в древности). Ограниченность количества «друзей» ослабляет способности «тирана» влиять на указанные сети социальной власти в наше время по сравнению с более ранними историческими эпохами.

Хорошо изученным примером соединения «тирании» и «популизма» является правление президента Фердинанда Маркоса на Филиппинах, которое в современных исследованиях политических режимов определяется как «султанизм» или «неопатримониализм»²⁷⁶. По мнению Лео Штрауса²⁷⁷, древнегреческое понятие «тирании» может быть использовано для анализа любых недемократических политических режимов, но идеологические партийные режимы или режимы «бюрократического авторитаризма» отличаются от классической «тирании» по целому ряду особенностей. Только «султанизм» как современный тип политического режима может быть обоснованно сопоставлен с древнегреческой «тиранией». Одно из их ключевых сходств заключается в «гибкости» по отношению к социальным и идеологическим ограничениям своего времени. Иначе говоря, древнегреческую «тиранию» и современный «султанизм» объединяет широкая опора на практики «популизма», в чем они существенно превосходят другие политические силы своего времени.

Президент Филиппин Фердинанд Маркос был законно избран на честных выборах как молодой и перспективный демократический политик. В этом он был похож на Дионисия Старшего. В условиях слабой гражданской войны на Филиппинах Маркос постепенно захватывал власть, и этот процесс закончился введением «военного положения». Введение «военного положения» на Филиппинах президентом Маркосом оправдывалось увеличением числа террористических актов, в которых многие обвиняли сторонников Маркоса²⁷⁸. В своем правлении Маркос также опирался на не-

---

²⁷⁵ Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом. М.: ИД ВШЭ, 2014.

²⁷⁶ Brachet-Marquez V. Undemocratic Politics in the Twentieth Century and Beyond // The Handbook of Political Sociology / T. Janoski, R. Alford, A. Hicks, M. A. Schwartz (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

²⁷⁷ Штраус Л. О тирании. СПб.: СПбГУ, 2006.

²⁷⁸ Левтова Ю. О. История Филиппин. М.: ИВ РАН, 2011.

большой круг своих «друзей», что дало основания исследователям анализировать его правление как «капитализм для друзей»²⁷⁹.

В отличие от Дионисия Старшего, Маркос не сумел сохранить свою власть и был свергнут в ходе либеральной революции, которая была проведена широким либеральным социальным движением во главе с К. Акино (вдовой убитого главы либеральной оппозиции Б. Акино). В своем сравнительном анализе революций в Иране, Никарагуа и на Филиппинах Мисах Парса²⁸⁰ отмечал процесс усиления личной власти как предпосылку для увеличения участия государства в экономике. В Иране имел место традиционный «султанизм» шаха, а в Никарагуа и на Филиппинах — современный «султанизм» в духе «тирании», но во всех случаях усиление личной власти вело к росту противоречий в экономической политике «султанов». Данный рост противоречий в экономической политике негативно отражался на экономике страны в целом и был предпосылкой для роста революционных настроений в обществе. Поскольку «тирания» и «популизм» разрушают институциональные основы политической жизни, то снижается относительная автономия «тирании» от общественного мнения. Возникают предпосылки для обвального падения легитимности «тирана». Ухудшение экономического положения и коррупция в сочетании с недовольством военных засильем «друзей» Маркоса привели Филиппины в состояние острого политического кризиса. В условиях данного политического кризиса сочетание попытки военного переворота с деятельностью либерального социального движения за демократию привело к падению «тирании» Фердинанда Маркоса.

Итак, практики «популизма» составляют и силу, и слабость современной «тирании» в виде «султанизма». Описанную современную форму «тирании» необходимо отличать от «бюрократического авторитаризма», который более соответствует «олигархии» в типологии Аристотеля, поскольку опирается на институты для коллективного (хотя и не демократического) господства. Практики «популизма» образуют основу идеологической власти «тирана», но они не могут заменить потребности тирана в других видах социальной власти, где ключевую роль играют «друзья», а немногочисленность «друзей» (и/или слабая их включенность в отдельные сети социальных властей) делает хрупкой институциональную обоснованность «тирании».

---

²⁷⁹ Сумский В. В. Фердинанд Маркос. Зарождение, эволюция и упадок диктатуры на Филиппинах. М.: ИМЭМО РАН, 2002.

²⁸⁰ Parsa M. States, Ideologies and Social Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Анализ практик «популизма» позволяет изучить многообразие использования «популизма» различными агентами в современном поле политики, но только «тиран» обладает возможностями наиболее прагматично использовать практики «популизма». Другие агенты поля политики более зависимы от идеологических и организационных ограничений на использование практик популизма. Практики популизма полезны только для усиления идеологической власти и не полезны, по Майклу Манну, для трех других сетей социальной власти.

ГЛАВА 13.

ПОПУЛИЗМ КАК ТАКТИЧЕСКИЙ РЕСУРС ЭЛИТ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

---

§ 1. Попытки элит в достижении ценностного консенсуса в обществе

В течение последних 25 лет становится все более значительным материальное и статусное расслоение российского общества. Отсутствует полноценная коммуникация между обществом и государством, не сформировалась институциональная структура для поиска баланса интересов между элитой и широкими слоями населения. Все это способствует развитию идей популизма и практического применения популистских практик в российском политическом процессе. «Традиционное описание популизма нередко сводится к тому, что это какой-то эксцесс, говорящий о неблагополучии, о кризисных явлениях, связанных с процессами модернизации и индустриализации, протекавшими в ряде стран в недалеком прошлом, или же с экономическими кризисами»²⁸¹.

В научной литературе, посвященной теме популизма в контексте современного политического процесса, отмечается ряд условий, которые рассматриваются как благоприятные для его распространения и сохранения в политическом дискурсе.

Разрушение системы ценностей, усталость от невыполненных обещаний, высокий уровень коррупции и низкая эффективность работы органов власти для большинства граждан, которые не могут приспособиться к новым условиям жизни, обуславливают стремление получить четкие и понятные ответы на жизненно важные вопросы. Популизм как движение, опирающееся на искусное применение слов и массмедиа, нацелено на то, чтобы склонить большинство к внутреннему и публичному согласию с политикой, которая не обязательно будет проводиться в интересах насе-

---

²⁸¹ Фишман Л. Г. Популизм — это надолго // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 57.

ния. Игнорируя открытое, плюралистическое, продолжительное обсуждение, политики-популисты используют стратегию нового объединения народа для выдвижения претензий на большую власть и ее приобретение²⁸². Большинство экспертов сходится во мнении, что популизму, как движению, необходимы как минимум наличие сильного, яркого, харизматичного лидера и присутствие в его риторике темы противостояния. «По мнению Н. Урбинати, двумя важнейшими компонентами популизма являются поляризация большинства и меньшинства, ведущая к критике представительных институтов, и наличие лидера или центрального руководства. Без них, стремящихся к контролю над большинством, народное движение с популистской риторикой (то есть дискурсом поляризации, выступающим против представительства) еще не является популизмом»²⁸³. Востребованность решительных, твердых, уверенных в себе политических лидеров, которые могут коротко и доходчиво довести до избирателей свои предложения, обуславливается как институциональной средой, так и идейно-ценностным компонентом политического сознания граждан.

Г. И. Мусихин полагает, что «отсылка популизма к идее бесспорности народного суверенитета служит очевидным оправданием примата аутентичной общей воли народа»²⁸⁴. Н. А. Баранов отмечает, что «народ, характеризующийся положительными чертами, обязательно притесняем, а элита противопоставляется народу и наделяется исключительно негативной идентичностью. По мнению некоторых западных ученых (У. Альтерматт, Л. Гудвин), популистские движения возникают тогда, когда быстрый модернизационный толчок в определенном обществе разрушает равновесие между экономикой, политикой и культурой и вызывает в широких кругах населения неуверенность, страх и напряжение»²⁸⁵. Такое противопоставление может быть применимо к любой сфере жизнедеятельности общества, что позволяет говорить о постоянно возрождающихся популистских практиках. В идеологической структуре популизма важное место отводится отдельной проблеме простого человека, что делает его понятным и близким каждому избирателю. «Характерная особенность популизма — прямой контакт между лидерами, обладающими способностями воздействовать на умы и чувства людей, и массами без посредства политических институ-

---

²⁸² Глухова А. В. Популизм как политический феномен: вызов современной демократии // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 52.

²⁸³ Глухова А. В. Указ. соч. С. 56.

²⁸⁴ Мусихин Г. И. Очерки теории идеологий. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 165.

²⁸⁵ Баранов Н. А. Возрождение популизма: европейский опыт и российские практики // Вестник СПбГУ. 2015. Серия 6. № 3. С. 26.

тов. Популизм тяготеет к сильной личности, харизматическому лидеру, вождю, для которого важнее всего не какие-либо программы, выработанные партийными или иными инстанциями, а „голос народа“, реальные настроения и чаяния „простого человека“, которыми он и руководствовался бы в качестве программы действий».²⁸⁶ Как отечественные, так и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что популизм, размывая четкие и логичные конструкты классических идеологий, не предлагает своей системы мировоззренческих установок или системы ценностей. «Существование в политической науке подобных разночтений не случайно. Подчеркивая узость популистской идеологии, отсутствие в ней самодостаточности, отличающей такие идеологии, как, например, социализм, либерализм, консерватизм или же национализм, многие авторы обращают внимание на ее способность сочетаться с другими идеологиями, представляя при этом в самом разном идейно-политическом обличье как левого, так и правого толка»²⁸⁷. За последние 15 лет популизм как явление стал широко распространен во всем мире, опровергая первоначальные гипотезы о значимости экономического фактора как первоосновы. Важно отметить, что кризисные явления не только в экономике, но и в ценностно-символической сфере выступают важными условиями для развития и распространения идей и техник популизма. В связи с тем, что оба эти фактора относятся к зоне ответственности властных доминирующих групп, такое развитие ситуации можно рассматривать как вызов современным элитам. Российский опыт позволяет проанализировать связь между распространением риторики популизма и качественным состоянием элит.

Трансформация политической системы в конце XX — начале XXI в. привела к появлению множества новых политических акторов, которые настойчиво стремились оказывать влияние на процесс выработки и принятия политических решений на разных уровнях властной иерархии. Властная элита в таких условиях становится одним из наиболее активных и влиятельных политических субъектов, определяющих вектор и характер развития государства. В конце 1990-х гг. изменения затронули все сферы жизни общества. Старые институты были разрушены, потребность в формировании новых стояла на одной из приоритетных позиций. «Общество, находящееся в процессе кардинальных изменений, не имеет устоявшихся институтов — они только возникают, и группы, стремящиеся контролировать создающиеся институты, стремятся, участвуя в их создании, завладеть

---

²⁸⁶ Баранов Н. А. Указ. соч. С. 33.

²⁸⁷ Вайнштейн Г. И. Современный популизм как объект политологического анализа // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 70.

ими и закрепиться»²⁸⁸. Для успешного формирования и функционирования новой институциональной структуры необходимо, чтобы она опиралась на соответствующую систему ценностей, которая поддерживалась бы обществом. Одной из функций властной элиты традиционно считается символическая. Производство и трансляция новых смыслов, символов, идей и ценностей позволяет элите в условиях тотальных реформ достигать определенного уровня поддержки своих решений «Формирование и изменение системы ценностей общества в целом зависит от восприятия элитой и гражданами друг друга, от специфики их взаимодействия, эффективности и открытости двухсторонней коммуникации между ними»²⁸⁹. Отечественные исследователи отмечают, что изменения ценностных структур как в элитных группах, так и в обществе проходили в несколько этапов. Период 1990-х гг. характеризуется увеличением численности участников политического процесса, ценностным расколом и отсутствием институциональных норм, регламентирующих поведение всех субъектов в поле публичной политики. Все эти факторы способствовали фрагментации, раздробленности элиты, повышению уровня конфликтности межэлитного взаимодействия, атомизации и разобщенности внутри общества. Эти процессы нашли свое отражение в избирательных кампаниях, которые выступили в качестве публичных площадок борьбы за перераспределения экономических и политических ресурсов. Элитные группы для получения доступа к законодательной власти стали одним из акторов электоральной политики. «Выбор в день голосования делают избиратели, меню этих предпочтений формируют элиты. Электорат может делать выбор в пределах, задаваемых состязанием элит, но не в состоянии выйти за эти рамки»²⁹⁰. Именно конфликт элит, по мнению В. Я. Гельмана, лежит в центре электоральной политики в демократических режимах. В новых институциональных условиях электоральная политика постепенно становилась публичным полем для разрешения межэлитных конфликтов и фрагментация элит нашла свое воплощение в широком спектре политических партий, движений и кандидатов, которые приняли участие в выборах. В выборах 17 декабря 1995 г. принимали уча-

---

²⁸⁸ Дука А. В. Трансформация постсоветских политико-административных элит // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 2. С. 15.

²⁸⁹ Селзнева А. В. Российское общество в постсоветский период: динамика ценностных изменений элиты и граждан // Политическая наука. 2016. Спецвыпуск. С. 150.

²⁹⁰ Гельман В. Я. Второй электоральный цикл и трансформация политического режима в России // Выборы в Российской Федерации / под ред. М. Б. Горного. СПб., 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://www.democracy.ru/library/practice/media/rfelec_gor/page3.html (дата обращения: 08.12.2017).

стие 43 избирательных объединения, из которых большинство — 39 — не сумели преодолеть 5 %-ный барьер.

С одной стороны, эти показатели демонстрируют большой разброс ценностных установок и ориентаций среди россиян. Эмпирические исследования начала 1990-х гг. фиксировали тенденции к нарастанию дробности ценностного сознания россиян, его плюрализации и либерализации, движению к модернистской системе ценностей²⁹¹. С другой стороны, можно сделать вывод, что ни одна из элитных групп не смогла претендовать на доминирующее положение. Для достижения своих целей формировались временные союзы, «построенные по принципу своего рода негативного консенсуса»²⁹². Динамика выборов в представительные органы власти оказалась тесно связана с персональными изменениями в ходе президентских выборов. Избирательная кампания Ельцина в 1996 г., когда для его поддержки была сформирована распавшаяся сразу после выборов коалиция из различных политических и экономических групп, позволяет характеризовать элиту как гетерогенную и разрозненную, с низкой степенью внутриэлитной интеграции и отсутствием ценностного консенсуса. В этот период складывается практика использования популистских лозунгов в предвыборных кампаниях как со стороны партий, борющихся за места в парламентах, так и со стороны представителей действующей власти. «В отличие от европейских стран российская политическая практика свидетельствует об обращении к популизму тех политиков, которые уже находятся у власти. В данном случае популистские стратегии используются как для легитимации власти, так и для отвлечения граждан от решения социальных проблем»²⁹³.

С точки зрения удержания власти и ресурсов для федеральной элиты потребность в снижении уровня разобщенности становится одной из важнейших. Противостояние между законодательной и исполнительной ветвями власти было одним из центральных векторов межэлитной борьбы второй половины 1990-х гг. Попыткой создания компромиссной «партии власти» для поддержки политико-экономических реформ президента и консолидации властных групп стало формирование на базе партии «Выбор России» общественно-политического объединения «Наш дом — Россия». «„Партия власти“, объединявшая в основном представителей посткомму-

---

²⁹¹ Селезнева А. В. Указ. соч. С. 151.

²⁹² Гельман В. Я. Второй электоральный цикл и трансформация политического режима в России // Выборы в Российской Федерации / под ред. М. Б. Горного. СПб., 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://www.democracy.ru/library/practice/media/rfelec_gor/page3.html (дата обращения: 08.12.2017).

²⁹³ Баранов Н. А. Указ. соч. С. 31.

нистической административно-хозяйственной номенклатуры, пыталась противопоставить идеологическим установкам коммунистов и либералов, прагматичный план действий, отвергавший радикальные перемены. Политическая линия партии, в существенных чертах отражавшая позицию федеральной исполнительной власти, состояла в стремлении к достижению равнодействующей различных политических сил»²⁹⁴. Но на парламентских выборах НДР набрала только 10 %, а блок левых партий набрал 32 % голосов. За период своего президентства Б. Н. Ельцину так и не удалось сплотить элиту и общество вокруг какой-либо системы ценностей. Элиты оказались не способны предложить рациональную программу действий с набором как тактических, так и стратегических решений, которая была бы понятна и близка по целям и задачам большинству граждан, что существенно сужало возможности сохранения властных полномочий при отсутствии массовой поддержки населения. В таких условиях популизм использовался как тактический ресурс от одной избирательной кампании к другой, но не позволял добиться качественных изменений.

К концу 1990-х гг. ситуация начала меняться. Дробность массового сознания в России сохранялась, но постепенно складывались основания для консолидации, формирования ценностного консенсуса: появился запрос на консолидирующие ценности, прежде всего ценности государственности и патриотизма, выражающиеся в стремлении видеть страну богатой и уважаемой²⁹⁵.

Начало 2000-х гг. характеризуется изменением ситуации как внутри элиты, так и в настроениях и ожиданиях общества. В связи с этим необходимость консолидации элиты приобрела особое значение не только внутри самой властной группы, но и по линии классического раскола «элита — массы». Исследователи выделяют несколько уровней консолидации — внутри властной элиты, между элитой и обществом и между различными социальными группами внутри общества. В рамках данной главы будут рассмотрены первые два элемента.

---

²⁹⁴ Шутлов А. Ю. Политические партии и трансформация правящих элит в новейшей истории России // Элитология России: современное состояние и перспективы развития: материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. Р. н/Д: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013. С. 31–32.

²⁹⁵ Петухов В. В. Политическое участие россиян: Характер, формы, основные тенденции // Российское общество: Становление демократических ценностей? / под ред. М. Макфола, А. Рябова. М.: Гендальф. 1999. С. 198–228.

§ 2. Модели и практики консолидации элит

Проблема консолидации или фрагментации элит является одной из ключевых в исследованиях как отечественных, так и зарубежных исследователей элит. Немецкий политолог Т. Байхельт определяет демократическую консолидацию как «процесс, в ходе которого значимые акторы политической системы (элиты и правящие группы) привыкают к разрешению конфликтов только в пределах нормированных демократических институтов».²⁹⁶ В соответствии с теорией демократического транзита, В. Я. Гельман выделяет две модели межэлитных отношений: 1) долгосрочную, которая формируется длительное время и основывается на согласии элит («конвергенция элит»); 2) краткосрочную, которая возникает после острого конфликта и основывается на компромиссных соглашениях по основным спорным моментам («сообщество элит»). Модель «сообщества элит», по мнению исследователя, наиболее близка к модели «пакта» элит, которая рассматривается как наиболее оптимальная при трансформационных процессах²⁹⁷.

Большинство типологий объединяет идея, что возможности консолидации властных групп зависят не только от институциональных условий, но и от степени их внутренней разобщенности и сплоченности. Разобщенность понимается как процесс, из-за которого группы, составляющие властную элиту, становятся более многочисленными, организационно разнообразными, функционально специализированными и социально гетерогенными. Сплоченность относится к структуре и характеру внутриэлитных отношений и часто обсуждается в терминах «сплоченность» и «единство». Так, Ева Этциони-Халеви подчеркивает относительный характер автономии многочисленных и разнообразных элит от государственной власти; она рассматривает это как главный принцип демократии. Обосновывается важность сплоченности элиты как отличительного признака демократических режимов. Западные исследователи предложили типологию элит в зависимости от степени сплоченности и степени дифференциации элиты²⁹⁸. Под сплоченностью элиты они понимают наличие единых ценностей, разделяемых большинством представителей элиты данной страны. При этом

---

²⁹⁶ Колесник Н. В. Консолидация российского общества: социальные возможности региональных элит // Условия и возможности консолидации российского общества. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 127.

²⁹⁷ Гельман В. Я. Сообщество элит и пределы демократизации: Нижегородская область // Полис. Политические исследования. 1999. № 1. С. 79.

²⁹⁸ Higley J., Pakulski J. Elite power games and democratic politics in Central and Eastern Europe // Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe // Historical Social Research. 2012. Vol. 37. No 1. P. 292–319.

сплоченность может основываться либо на некоей идеологической, религиозной или национальной доктрине, либо на принятии представителями элиты единых согласованных правил игры, в рамках которых возможно ненасильственное разрешение конфликтов между различными элитными группами. Одним из аспектов консолидации элит выделяют ценностный консенсус. «Консенсусно объединенная элита хороша тем, что нормы и правила, разделяемые такими элитами, встраиваются в политические институты и политическую культуру. Это делает взаимодействие элит саморегулируемым»²⁹⁹. Таким образом, важными условиями для достижения стабильности режима и консолидации власти выступает необходимость достижения внутри доминирующих групп некоторого уровня социальной гомогенности, сплоченности и ценностного консенсуса.

С приходом В. В. Путина на пост Президента РФ проблема консолидации элит становится одной из приоритетных задач его внутренней политике. На протяжении 2000-х гг., как отмечает ряд отечественных исследователей, значительные усилия президента были направлены на преодоление разобщенности элиты. «Поскольку консолидация в понимании политической элиты — это прежде всего наличие вертикали власти и формирование устойчивого политического большинства, деятельность российского государства и партии власти на рубеже XX–XXI вв. в России была связана с работой именно в этих двух направлениях»³⁰⁰. Процесс усиления федеральной элиты происходил за счет построения вертикали власти и консолидации региональных элит, которые вынуждены были заключить «пакт» с федеральным центром; в обмен на политические привилегии они получили доступ к федеральным ресурсам. Можно сделать вывод, что консолидация элит проходила по вертикальному сценарию «сверху». Ряд отечественных исследователей отмечали особую роль бюрократии в процессах российской трансформации 2000-х гг. Достижение консенсуса всех элитных групп с административной элитой происходило на условиях обмена ресурсов на государственную поддержку. Таким образом, формировалась консолидированная элита во главе с бюрократией. «Возможно, не желая того, Путин становится лидером консолидировавшейся бюрократии, поскольку именно он помог ей вернуть себе прежнюю роль»³⁰¹. Передача элитными группами властных ресурсов доминирующему актору, навязывающему им свои условия в обмен

---

²⁹⁹ Загородников А. Н. Демократия и элиты в России и мире в XXI веке: сравнительный анализ // Демократия. Власть. Элиты: демократия vs элитократия / под ред. Я. А. Пляйса. М.: РОССПЭН, 2010. С. 58.

³⁰⁰ Великая Н. М. Проблемы консолидации общества и власти // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 61.

³⁰¹ Мохов В. П. Государственная бюрократия как инструмент консолидации российских элит / под ред. А. В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 65.

на гарантии сохранения влияния, положения, капитала, позволило некоторым исследователям сделать вывод о «навязанном консенсусе».

Вторым вектором консолидации элиты было достижение устойчивого и лояльного парламентского большинства. Построение вертикали власти способствовало не только укреплению иерархии исполнительной власти и повышению уровня подконтрольности региональных элит, но также актуализировало вопросы легитимности. Для элит, которые не могут опираться на устоявшуюся систему институтов и общепринятые нормы и ценности, этот принцип имеет первостепенную важность. Статус легитимности подтверждается результатами выборов, которые демонстрируют уровень поддержки со стороны избирателей кандидатов и партий, что позволяет в спорных межэлитных ситуациях апеллировать к мнению большинства. Представительные органы власти на протяжении 1990-х гг. находились в противостоянии с исполнительной властью. Для снижения электоральных рисков и установления минимального уровня политической стабильности административная власть постоянно предпринимала попытки создания партии власти, но они не достигали поставленной цели. Успешным проектом стала партия «Единство», в состав которой чуть позже вошла НДР. «Избирательный цикл 1999–2000 гг. существенным образом изменил внутреннюю организацию политического поля: на смену противостоянию власти и оппозиции пришла внутриэлитная конкуренция»³⁰². Поражение на выборах демократических партий «Яблоко» и СПС продемонстрировало неспособность этих элитных групп быстро адаптироваться как к изменившимся запросам со стороны общества, так и к изменению баланса сил внутри федеральной элиты. «Итогом прошедших по сценарию „победитель получает все“ выборов стало вытеснение проигравшей элитной группы на политическую периферию»³⁰³.

Консолидацию элиты не следует рассматривать автономно, в отрыве от консолидации общества в целом. Объединение только властной группы, без определенной поддержки общества, способствует увеличению разрыва, отчужденности элиты от остальных социальных групп, что ставит под угрозу устойчивость режима. «Хотя консолидация власти и консолидация общества тесно взаимосвязаны, это разные процессы, причем в нестабильных обществах роль государства в процессе консолидации неизбежно возрастает»³⁰⁴. Параллельно с процессами внутри властных групп

---

³⁰² Гаман-Голутвина О. В. Российские политические элиты как ключевые акторы политической эволюции России. М.: РОССПЭН, 2006. С. 353.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Великая Н. М. Указ. соч. С. 61.

в обществе тоже удалось достигнуть некоторого уровня солидарности. «В период 2000–2010-х гг. дробность ценностной системы начала снижаться, возникла тенденция консолидации, в результате которой в обществе установился определенный ценностный консенсус, сменивший ценностный вакуум 1990-х гг.»³⁰⁵. В сознании россиян традиционно присутствует элемент персонификации власти, что объясняет особое отношение к главе государства. Президент занимает положение самой влиятельной политической фигуры среди российской элиты в сфере публичной политики. В зависимости от отношения к нему и его курсу развития страны, от степени близости связей с ним определяется место и роль остальных властных групп. В условиях экономического кризиса, высокого уровня социальной напряженности, отсутствия устойчивого ценностного консенсуса среди элитных групп и в обществе, президент как самостоятельный политический актер обладает широким кругом полномочий. «С приходом к власти В. Путина в 2000 г. ценностный раскол несколько сгладился, но консолидация общества проходила не на базе ценностного консенсуса, а исключительно вокруг личности президента, которого поддерживали в тот период разнообразные в ценностном отношении слои населения»³⁰⁶.

Электоральная легитимация нового президента обеспечила ему в достаточной степени свободу и поддержку по отношению к различным сегментам элиты. При всей очевидности исхода президентских выборов в условиях отсутствия реальных конкурентов победа В. В. Путина на президентских выборах 2004 г. только укрепила его позиции, что позволило получить более широкие властные полномочия, опираясь на активную поддержку населения и не опасаясь оппозиции. Убедительные победы на президентских выборах в последнее десятилетие В. В. Путина отражают стремление властной элиты демонстрировать обществу достаточно высокую степень своей сплоченности. В идейно-ценностном поле внутривластного дискурса власти в России 2000-х гг. была выбрана политика централизма, но содержательно наполнить ее смыслами и перспективными идеями не получилось. Убеждение населения в необходимости именно таких, а не иных решений по-прежнему достигается подчас через применение манипулятивных практик с помощью современных средств массовых коммуникаций. Но в результате легитимность решений нередко сводится лишь к их легальности, явственно обнаруживая тем самым «ахиллесову пятую» власт-

---

³⁰⁵ Шестопал Е. Б. Элиты и общество как политические акторы в постсоветской России // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 42.

³⁰⁶ Шестопал Е. Б. Политические ценности современного российского общества: Проблемы и перспективы изучения // Вестник Моск. ун-та. Серия 12: Политические науки. 2014. № 2. С. 93.

ных групп — авторитет политической элиты, ее право на господство ставятся массовыми группами под сомнение. Одних лишь административных средств для удовлетворения легитимационного дефицита не достаточно. Концентрируясь на достижении эффективности управления, элиты неизбежно сталкиваются с проблемой производства таких смыслов, которые будут адекватно восприняты массовыми группами.

Современное состояние российского общества характеризуется временной консолидацией, основанной на лояльном отношении определенной его части к фигуре президента, пользующегося достаточно высоким уровнем доверия и поддержки благодаря внешнеполитическому курсу с антизападной, антилиберальной риторикой. «Оценки сегодняшнего политического режима сводятся к тому, что это правопопулистский авторитаризм, опирающийся одновременно на инкорпорированную олигархию и патерналистский конструкт „простого человека“ с его традиционными и патриотическими ценностями. Политический миф режима строится на том, что единству лидера и нации „простых патриотических людей“ угрожает союз внешних сил и их внутренний агент — образованные и прозападнически настроенные элиты»³⁰⁷.

Кроме положительной стороны, выбранный курс имеет и отрицательные последствия. У избирателей присутствует ожидание каких-то новых предложений со стороны власти, включение новых акторов в процесс принятия стратегических решений. Однако вызывает сомнение способность элиты уравновесить политическое предложение с социальными ожиданиями: «...сознание элит трансформируется слишком медленно. Его ценностная разбалансированность и отсутствие стратегического, рефлексивного мышления, не позволяет рассчитывать на эффективное исполнение элитами миссии национального лидера. Сегодня у элиты как никогда ощущается дефицит высоких целей и ценностей, не сводимых лишь к обогащению, что ведет к духовной опустошенности и утрате ориентиров общенационального развития»³⁰⁸. Доминирующая группа стремится сохранить существующий баланс сил внутри элиты и уровень поддержки в обществе. Основные усилия федеральная власть направляет на сохранение основания консенсуса, существовавшего в 2000-е гг.: забота власти о росте благосостояния граждан в обмен на их политическую лояльность. При этом низкий уровень легитимности результатов последних парламентских выборов позволяет сделать вывод об актуализации проблемы взаимодействия власти и насе-

---

³⁰⁷ Глухова А. В. Указ. соч. С. 58.

³⁰⁸ Шестопал Е. Б. Элиты и общество как политические акторы в постсоветской России // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 42.

ления. Институт выборов в глазах избирателей все более обесценивается, растет недоверие к парламенту, партиям, профсоюзам и другим институтам демократии. «Режимные характеристики и институциональный дизайн российской политической системы не способствуют развитию идеологической функции партий, сокращая поле возможного предложения и ограничивая идеологическое творчество одобрением властных инициатив»³⁰⁹. Ограниченность политического предложения, которое формирует современная властная элита, уже в меньшей степени отражает запросы общества. «В обществе происходит привыкание к идеологемам и политическим приемам партий, к их лидерам и структуре. Главные следствия этого — общее падение доверия населения к партийной системе и абсентеизм»³¹⁰. Интеграция разрозненных, фрагментированных групп и слоев в единое сообщество на основе принятия некоторых фундаментальных ценностей, норм, традиций и правил игры является важным условием для демократического развития и стабильности политической системы³¹¹. На данный момент можно констатировать, что российской элите не удалось создать общенационального проекта и разделяемой всеми системы ценностей и идей, которые бы сплотили общество вокруг не отдельных политических лидеров, а на основе общей системы ценностей. При систематически не удовлетворенных ожиданиях общества в условиях дефицита «смысла» политический консенсус как базисное основание самоорганизации современного общества ставится под сомнение реальной практикой социальных взаимодействий³¹². Постоянное использование приемов популизма одного харизматичного лидера для сиюминутного успеха не снимает с повестки дня вопросов и проблем, связанных со стратегическими целями развития государства, а в обществе сохраняется запрос на сбалансированную стратегию с идейным содержанием. По оценкам экспертов, состояние современного российского общества нельзя определить, как консенсус, так как единой системы ценностей, разделяемой всеми гражданами и политической элитой, пока еще не сложилось³¹³.

---

³⁰⁹ Топтыгина О. А. Трансформация идеологической функции политических партий в современной России // Политическая наука. 2015. № 1. С. 169.

³¹⁰ Орлов Д. Партийная элита на старте выборов: инерция и обновление: Аналитический доклад [Электронный ресурс]. <http://www.regnum.ru/news/analitics/1427019.html> (дата обращения: 08.12.2017).

³¹¹ Глухова А. В. Указ. соч. С. 52–60.

³¹² Смирнов В. А. Политические элиты в трансформирующихся обществах // Политический класс в современном обществе / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 109.

³¹³ Селезнева А. В. Указ. соч. С. 162.

ГЛАВА 14.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПОПУЛИЗМ

---

§ 1. Политика популизма в избирательном процессе

Построение доверительных отношений между обществом и государством — залог их взаимопонимания, успешного взаимодействия и снижения конфликтного потенциала в условиях наличия неразрешенных противоречий между трудом и капиталом, управляющими и управляемыми. Наряду с потребностью в обеспечении безопасности, порядка, справедливым и беспристрастным правосудием, охраной жизни и имущества со стороны государства любое современное, в том числе российское, общество нуждается в честном доверительном диалоге с властью. «Доверие русского человека всегда эмоционально окрашено, включая доверие к власти. Оно очень близко знаменитой отечественной формуле „счастье — это когда тебя понимают“ и основано на желании быть понятым и услышанным»³¹⁴.

Доверие — очень хрупкая субстанция, при ненадлежащем выполнении одной из сторон общественного договора части своих обязательств, например, в результате деятельности «популистов», утрата доверия в среднесрочной перспективе может привести как минимум к политической апатии, или, что хуже, к противодействию со стороны обиженной стороны договора. Популизм как политическая деятельность, основанная на манипулировании популярными в народе ценностями и ожиданиями, имеющая целью обеспечение популярности в массах ценой необоснованных обещаний, демагогических лозунгов (подобная деятельность известна в США с конца XIX в.), за последние 30 лет все глубже проникает во все слои политической организации как зарубежных государств, так и отечественного общества, и заслуживает изучения и оценки.

Популизм как политическое явление возникает в странах, где имеются определенные демократические институты — всеобщее избирательное право, равноправие граждан и т. д., где массы в качестве избирателей

---

³¹⁴ Гараев О. М. Доверие граждан как фактор укрепления политической власти в современной России // Вестник Башкирского ун-та. 2014. Т. 9. № 4. С. 1511.

выступают участниками политического процесса. Только тогда попытки апелляции к настроению населения, попытки подстроиться под массовое сознание могут, собственно, и стать средством завоевания власти³¹⁵. Таким образом, популизм некоторыми исследователями признается закономерной и естественной чертой политической деятельности на определенном этапе развития демократических институтов.

Но почему тогда популизм не потерял своей актуальности в XXI в., когда в большинстве стран демократические институты уже устоялись и эффективно работают? Насколько искусственным является проникновение популизма в политическую систему? Не имеют ли существующие и широко признанные демократические институты уже в самой своей сути плодородную почву для последующих ростков популизма?

Кроме теоретических исследований, посвященных рассмотрению доверия в качестве фактора, понижающего или повышающего социальный статус органов государственной власти, большое число эмпирических исследований и опросов посвящено изучению доверия населения политическим институтам. На основе такого рода исследований СМИ делают далеко идущие выводы о легитимности/нелегитимности тех или иных политических институтов, подвергают сомнению результаты избирательных кампаний³¹⁶. Такое положение дел стало возможным, когда источником воспроизводства институтов стали признаваться, скорее, легитимность в массовом сознании, привычки и практические действия, чем правовые нормы.

В литературе можно встретить упоминание о разных типах популизма: экономическом, правовом, авторитарном, политическом, левом, правом и др. Все указанные типы популизма связаны с воспроизводством тех или иных институтов.

Институт выборов, выполняя ряд социально значимых функций, в теории является важным каналом обратной политической связи, позволяя населению и отдельным социальным группам организованно агрегировать и артикулировать свои интересы и чаяния, канализируя генерируемые в об-

---

³¹⁵ Малько А. В. Популизм как тормоз демократии // *Общественные науки и современность*. 1994. № 1. С. 106.

³¹⁶ Шестопал Е. Б. Электоральный авторитаризм: казахстанский вариант // *Полис. Политические исследования*. 2002. № 6. С. 172–174; Завадская М. А. Влияние выборов на легитимность политического режима в переходных обществах: страны Юго-Восточной Европы и постсоветского пространства // *Российское электоральное обозрение*. 2010. № 1. С. 61–70; Политтехнологи заявили о рисках протестов после выборов президента / РБК: 14 декабря 2017 / <https://www.rbc.ru/politics/14/12/2017/5a312cb39a79470926bd2abd>; Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) / Рейтинги и индексы / Доверие политикам / https://wciom.ru/news/ratings/doverie_politikam; Фонд общественно-го мнения (ФОМ) / Политика / <http://fom.ru/Politika>.

шестве сигналы в адрес органов политической власти. Но в общемировой (впрочем, и в отечественной) практике последних лет мы можем наблюдать обратную картину, когда партии, отдельные депутаты и политики-лидеры мнений через СМИ манипулируют общественным сознанием, спекулируют на важных для населения вопросах и формируют необходимую для себя социальную базу и повестку. На сегодняшний день не существует прямой ответственности народных избранников и политиков за «популизм», чем, разумеется, они активно пользуются.

Например, лозунг предвыборной президентской кампании Эммануэля Макрона 2017 г. «Мы будем „мыслить весной“» (фр. — *pensez printemps*) имеет в основе идею прекратить по-настоящему мыслить и начать «чувствовать», что могут демонстрировать проявления феномена социального инфантилизма, попытку задействовать иррациональные механизмы, бессознательное, некритичность восприятия действительности.

Из отечественных примеров можно вспомнить лозунг предвыборной кампании Бориса Ельцина во время президентских выборов в России 1996 г. «Выбирай сердцем», «Голосуй или проиграешь» как пример манипуляции общественным сознанием, использование эмоционального отношения людей к действительности. Также лозунги «Мир — народам!» и «Земля — крестьянам!» до сих пор приводятся в пример как откровенно популистские, но, тем не менее, в определенный период истории за этими лозунгами пошли значительные народные массы, не разбирающиеся, сколько на самом деле было у крестьян земли в то время. В США эксцентричный миллиардер Дональд Трамп во время предвыборной президентской кампании 2016 г. обещал в случае избрания президентом «вернуть Америке ее величие — *make America great again*». Создание и внедрение подобного рода лозунгов является легальными приемами политических технологов. Политики говорят о том, что волнует народ, и то, что народ хочет слышать; в этом — суть популизма.

Уязвимая сторона представительной демократии заключается в неизбежности политического отчуждения как правящей политической элиты, так и рядовых граждан, разочарованных в существующей политической власти, что может сопровождаться политическим абсентеизмом. Эти негативные явления выступают следствием системы представительного правления и в каком-то смысле провоцируют популизм, поскольку политической элите все-таки необходимо легитимизировать свое нахождение у власти, и она начинает грешить «демагогической демократией».

Поэтому еще одна уязвимая сторона, появившаяся как следствие первой, — слабая защищенность представительной демократии от современных средств манипулирования массовым сознанием, подмена воли народа, по словам Д. Шумпетера, «сфабрикованная воля». Теоретическим

выражением этой тенденции стала рыночная модель демократии, представляющая политическую организацию современного общества в качестве аналога его экономической организации³¹⁷.

Можно сказать, что «популизм — разновидность агрессивной социальной демагогии, которая подчас становится настолько самодостаточной, что теряет даже свое идеологическое обоснование в виде породившего ее популизма. Демагогичность экономического популизма состоит в так называемой „упрощенной публичности“, которая апеллирует к примитивизму „здорового смысла“»³¹⁸.

Подобный «примитивизм здравого смысла» находит отражение в программах партий. Как правило, партии заявляют о своих политических и социальных приоритетах посредством предвыборных программ, в которых полностью или частично должны быть отражены направления их политической и социальной деятельности, которую планируется проводить после победы на выборах и получения определенного количества «мандатов доверия» от избирателей. Программа политической партии — документ, отражающий основные идеи, выдвигаемые политической партией, включающие оценку текущей ситуации в стране и набор мер, необходимых для достижения идеала. Программа-минимум — меры, предлагаемые партией для решения текущих проблем, с выделением первоочередных задач, составляемая в виде набора лозунгов. Программа-максимум — это стратегия партии на перспективу.

Для партий важно правильное позиционирование в структуре электората — определение совокупности социальных групп и слоев, опора на которые обеспечит победу, и формирование имиджа, отвечающего ожиданиям этих групп и слоев. Здесь мы видим возможности для популизма, поскольку партия подстраивается под запросы, надежды, чаяния народа и пытается представить себя в наиболее выгодном свете.

Например, социальная компонента содержится в программах и платформах всех российских парламентских политических партий, поскольку она касается жизнедеятельности каждого человека и представляет для него реальную практическую ценность. Социальная компонента, по идее, должна включать в себя описание проблем и мероприятия, которые будут направлены на решение наиболее (по мнению партии) актуальных задач в сфере социальной политики. Вполне естественно, что каждая партия в

---

³¹⁷ См.: Баранов Н. А. Популизм как политическая деятельность. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2002. 44 с.

³¹⁸ Мамедов О. Ю. «Экономика популизма» (взгляд справа — налево) // Terra Economicus. Изд-во: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет». 2014. Т. 12. № 4. С. 10.

ходе предвыборной кампании стремится привлечь на свою сторону как можно большее количество избирателей из разных социальных слоев населения, и, соответственно, ориентируется при составлении предвыборной программы на социальные запросы к власти со стороны разных слоев, а также базовые ценности данных социальных групп. Поэтому в программах партий и в предвыборных лозунгах мы можем встретить весь политический спектр — от левых до правых идеологических ориентаций, иногда даже в рамках одной и той же программы партии³¹⁹.

В программах современных российских партий прямо или косвенно сформулировано наличие социальных проблем и обещания их решить, хотя зачастую отсутствует обоснование финансовой возможности для решения проблем и реализации обещаний, и не указываются конкретные механизмы решения. На основе изучения программ политических партий предыдущих созывов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации можно сделать вывод о том, что большинство из участвовавших в предвыборной гонке партий грешили популизмом. Единственная политическая сила, которая обещала не намного больше, чем могла сделать, это «Единая Россия», что, впрочем, не удивительно, поскольку она представляет собой парламентское большинство и имеет возможность успешно претворять в жизнь многие принятые решения.

Программа партии «Единая Россия», в которой основными ценностями являются свобода, закон, справедливость и согласие, принята Съездом 1 декабря 2001 г. Перед выборами в 2011-м «Единая Россия» в своей программе в социальной сфере делала упор на следующие категории населения: пенсионеры, работники бюджетной сферы, матери с детьми — всем им был обещан рост выплат. В планах партии было к концу 2014 г. увеличить среднюю заработную плату в стране в 1,5 раза, довести ее до 30–32 тыс. руб., увеличить зарплаты бюджетников, за 5 лет построить не менее 1 тыс. школ, не оставить ни одной в аварийном состоянии, к 2016 г. удвоить объем жилищного строительства, снизить ставки по ипотечным кредитам. Было обещано, что за два года фонд заработной платы в здравоохранении вырастет на 30 %. Возможность выполнения обещаний предполагалась за счет увеличения налога на потребление, недвижимость, имущество для богатых³²⁰. Что удалось сделать из обещанного?

---

³¹⁹ Сафонова О. Д. Социальные компоненты партийных предвыборных программ (Государственная дума VI созыва, 2011 г.) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2013. Т. 9. № 1. С. 129.

³²⁰ См.: Сафонова О. Д. Социальные компоненты партийных предвыборных программ (Государственная дума VI созыва, 2011 г.) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2013. Т. 9. № 1. С. 128–143.

Официальный документ, раскрывающий показатель трудовых доходов россиян, называется «Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике Российской Федерации в 1991–2018 гг.». Среднемесячная заработная плата в России в номинальном выражении в марте 2018 г. составила 42 364 руб., или 36 856 руб. после вычета подоходного налога в размере 13 %³²¹.

В 2014 г. в среднем за год номинальная начисленная заработная плата работников составила 32 495 руб. В 2014 г. на повышение зарплат бюджетникам из федеральной казны выделили более 80 млрд руб. Повышения зарплат врачам, среднему и младшему медперсоналу, научным сотрудникам, преподавателям, соцработникам и работникам культуры в соответствии с майскими указами президента: к 2018 г. бюджетники должны были получать не меньше, чем получают в среднем по экономике региона. В основном эта нагрузка ложится на бюджеты субъектов, из федеральной казны выделяется поддержка, и такие ассигнования в 2014 г. были почти вдвое больше, чем в 2013-м³²².

Отдельного упоминания заслуживает снижение ставки ипотечного кредитования: в декабре 2011 г. ставка в валюте составляла 9,8 %, в рублях — 11,4 % годовых. В конце 2014-го средневзвешенная ставка по стране составила 12,7 % годовых, но после повышения ключевой ставки ЦБ до 17 % ипотечная ставка выросла до 17–20 %. Средневзвешенная ставка по ипотечным рублевым кредитам в мае 2017 г. опустилась до минимального значения за последние девять лет и составила 11,32 %. По прогнозам, через два года может достигнуть 6–7 %. Таким образом, правительство собирается реализовать майские указы президента в части обеспечения жильем: создание для граждан Российской Федерации возможности улучшения жилищных условий не реже одного раза в 15 лет и до 2020 г. предоставление доступного и комфортного жилья 60 % российских семей, желающих улучшить свои жилищные условия.

По предложению «Единой России» Правительство РФ увеличило в 2016 г. минимальный размер оплаты труда более чем на 20 % (до 7500 руб.)³²³. А с 1 мая 2018 г. впервые в новейшей истории России произойдет

---

³²¹ Федеральная служба государственной статистики / Официальная статистика / Рынок труда, занятость и заработная плата [Электронный ресурс]. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (дата обращения: 11.11.2017).

³²² Президент России Владимир Путин 7 мая 2012 г. подписал соответствующий указ № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

³²³ Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной думы ФС РФ VII созыва. С. 40 [Электронный ресурс]. URL: https://er.ru/party/program/userdata/files/predvyibornaya-programma_3.pdf (дата обращения: 12.12.2017).

повышение МРОТ до уровня прожиточного минимума, что предписано международными рекомендациями Трудовым кодексом РФ.

Предлагали ли что-либо подобные остальные парламентские партии? В программе КПРФ последнего электорального цикла только восьмым из десяти пунктов вспоминают про человека и социальное государство, в основном классическое для партии противопоставление «сейчас все плохо — мы сделаем все хорошо»; у «Единой России» социальное государство на третьем месте из восьми. Тем не менее у КПРФ стабильный, достаточно устойчивый электорат, который может оценить риторику партии и лидера партии, граничащую с популизмом.

Из последних ярких примеров мировых политиков, которых обвиняют в популизме и демагогии, можно привести Эммануэля Макрона, как считают, антисистемного политика, не скрывавшего оказываемого над собой влияния идей теоретика неолиберализма и глобализма Жака Аттали. Макрон заявлял о себе как о кандидате, который не относится ни к левым, ни к правым, но его можно считать тем, кто несет с собой «обновление»; его еще называют «оптимистичным популистом». Программные положения, изложенные Макроном, подтверждали его центристскую позицию: программа содержала элементы как левого, так и правого толка. Среди левых идей — поддержание идеи увеличения минимального оклада и рост зарплат работников с низкими доходами, расширение услуг, оплачиваемых обязательной медицинской страховкой, увеличение числа учителей и сотрудников полиции, инвестиции в сельское хозяйство. Среди правых — дальнейшая либерализация рынка труда, отмена пенсионных льгот для госслужащих, снижение налога для наиболее обеспеченных граждан, упразднение 120 тыс. рабочих мест в бюджетном секторе, последовательное снижение дефицита госбюджета в соответствии с требованиями Евросоюза. Как оказалось позже, все-таки одной из главных составляющих стратегии Макрона для увеличения экономического роста стало введение более гибких условий на рынке труда, а также уменьшение стоимости рабочей силы и издержек, связанных с обязательствами компаний перед своими сотрудниками, против чего, разумеется, выступают профсоюзы, защищающие интересы наемных работников и отстаивающие их социальную защищенность.

Поэтому его лозунг предвыборной президентской кампании «Мы будем мыслить весной» в настоящее время может восприниматься уже не так ветрено философски. Один из ключевых вызовов, с которыми сталкивается новый французский президент Эммануэль Макрон, связан с неблагоприятной экономической ситуацией в стране, высоким госдолгом, безработицей и бюджетным дефицитом. Плюс деиндустриализация страны — свершившийся факт. Но поскольку преимуществом Макрона являлся очень высо-

кий уровень политехнологичности его предвыборной кампании, мы наблюдали его победу во втором туре президентских выборов во Франции (66,06 % голосов против Марин Ле Пен 33,94 % голосов при общей явке во втором туре 74,62 %). Таким образом, очевидно популистский «проект Макрон», тем не менее, нашел отклик у многих избирателей Франции как «наихудшее из трех зол», даже несмотря на то, что, будучи министром экономики в социалистическом правительстве Ф. Олланда, он явно готовил не популярные у населения программы.

§ 2. Популизм народных избранников

Политическому отчуждению и утрате доверия к институтам власти в России со стороны общества отчасти способствовало то, что в регламентах Государственной думы вплоть до 2016 г. не была установлена норма личного присутствия парламентария на пленарных заседаниях и не была определена ответственность парламентария за отсутствие без уважительных причин. Депутаты федеральных и региональных органов власти на протяжении довольно длительного времени и достаточно регулярно поднимали вопрос о «праве на прогул» и возможности голосовать по доверенностям, что противоречило бы сущности и предназначению парламента как представительного органа государственной власти.

Проблема разрешилась только в 2016 г., когда отменили норму, дающую право передачи своего голоса другому депутату в связи с отсутствием на заседании по уважительным причинам; был утвержден закрытый перечень таких уважительных причин, по которым депутат может отсутствовать во время пленарного заседания; введены штрафы для депутатов за отсутствие на пленарных заседаниях без уважительной причины.

Как правило, в общемировой и отечественной практике институт отзыва депутатов отсутствует, хотя гипотетически мог бы дать возможность избирателям осуществлять действенный контроль за своими избранниками — депутатами представительных органов или должностными лицами. Отзыв депутатов представительных органов местного самоуправления может быть предусмотрен уставами муниципальных образований в соответствии с законами субъектов РФ.

В нашей стране институт отзыва впервые был закреплен в законодательстве еще в советский период — декретом ВЦИК от 23 ноября 1917 г. «О праве отзыва делегатов». Он предусматривался Конституцией СССР 1936 г. В последующем был принят Закон СССР от 30 октября 1959 г. «О порядке отзыва депутата Верховного Совета СССР» и Закон РСФСР от 26 ноября 1959 г. «О порядке отзыва депутата Верховного Совета РСФСР». В СССР и

в союзных республиках были приняты также законы, предусматривавшие отзыв депутатов местных советов. В СССР и в РСФСР отзыву могли подлежать судьи и народные заседатели. В Конституции РФ, принятой в 1993 г., институты отзыва и роспуска не упомянуты. Однако с середины 1990-х гг. они стали закрепляться на региональном и муниципальном уровнях. Правовой основой их использования явились нормы Конституции РФ. В частности, в ч. 1 ст. 77 закреплено право субъектов Федерации устанавливать систему органов государственной власти самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом. Поскольку соответствующий федеральный закон до октября 1999 г. не был принят, субъекты Федерации осуществляли правовое регулирование в интересующей нас сфере самостоятельно. Наибольшее распространение получил институт отзыва³²⁴.

В каком-то смысле способствует снижению ответственности депутатов и политиков разного уровня иммунитет и индемнитет. Иммунитет депутата означает совокупность прав и привилегий, предоставляемых депутату и гарантирующих его неприкосновенность и неотвеченность. Депутатский иммунитет включает: неотвеченность и неприкосновенность депутата. В соответствии с парламентским депутатским иммунитетом депутат не может быть подвергнут полицейскому задержанию или аресту, а в ряде стран — и уголовному преследованию без согласия палаты, членом которой он является. Депутатский индемнитет означает, во-первых, что депутат не несет ответственности за свои выступления в парламенте и за решения, которые он поддержал своим голосованием. Во-вторых, он означает, что депутат получает денежное вознаграждение и пользуется привилегиями, которые обеспечивают его нормальную деятельность³²⁵.

Конституция Российской Федерации 1993 г. отказалась от закрепления существовавшего ранее императивного депутатского мандата. Теперь избиратели юридически не могут определять позицию депутата, а депутат не связан правовыми обязательствами и ответственностью с ними. Отсутствуют такие институты, характерные для императивного мандата,

---

³²⁴ См.: Руденко В. Н. Институты «отзыва» и «ропуска» в современном российском законодательстве: Практика реализации // «Чинovníк». 2002. № 1 (17) [Электронный ресурс]. <http://chinovnik.uapa.ru/ru/issue/2002/01/15/> (дата обращения: 12.12.2017).

³²⁵ Аналитический вестник Комитета по государственному строительству. Государственная дума РФ. М., 2000. Вып. 17: Зарубежный опыт регулирования правового положения парламентариев. Серия: Зарубежный опыт парламентской деятельности [Электронный ресурс]. <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4638/16449> (дата обращения: 12.12.2017).

как наказания избирателей, подотчетность избирателям депутатов. Характер депутатского мандата в настоящее время соответствует так называемому свободному мандату.

Можно отозвать только должностных лиц местного уровня, однако это не только депутаты, но и члены выборного органа местного самоуправления, выборное должностное лицо местного самоуправления. Об этом говорит Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Закон также уточняет, что отзыв депутата возможен только в случае избрания депутатов непосредственно избирателями по одномандатным округам и не применяется при избрании в составе списков кандидатов, выдвинутых избирательными объединениями. Детализацию правового регулирования отзыва местных депутатов закон поручает самим местным правотворцам, но основные правила содержатся в Федеральном законе. Основных правил тут два: основанием для отзыва депутата могут служить только его конкретные противоправные решения или действия (бездействие) в случае их подтверждения в судебном порядке, а процедура отзыва должна обеспечивать ему возможность дать избирателям объяснения по поводу обстоятельств, выдвигаемых в качестве оснований для отзыва. За отзыв должно проголосовать не менее половины избирателей, зарегистрированных в муниципальном образовании (избирательном округе)³²⁶.

Эволюция депутатского мандата привела к тому, что в современных демократических государствах утвердился принцип свободного депутатского мандата, признающий депутата представителем всего народа, который должен руководствоваться в своей деятельности своей совестью и не быть связан какими-либо поручениями и инструкциями. И вместе с тем современная практика народного представительства свидетельствует о том, что свобода депутата во многом иллюзорна: он зачастую находится в прямой зависимости от партий, выдвинувших его в качестве кандидата на выборах, или по спискам которых он был избран, а также от других, как правило, скрытых от общественного контроля сил, лоббирующих свои ин-

---

³²⁶ См. Постановление Конституционного суда от 24 декабря 1996 г. № 21-П по делу о проверке конституционности Закона Московской области от 28 апреля 1995 г. «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ; Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 34-П по делу о проверке конституционности положений п. «в» ч. 1 и ч. 5 ст. 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной думы. См.: Гаганов А. А. Отзывать нельзя помиловать / Центр научной политической мысли и идеологии Сулакшина [Электронный ресурс]. <http://rusrand.ru/analytics/otozvat-nelzja-pomilovat> (дата обращения: 12.12.2017).

тересы в парламенте. Поэтому понятие «свободный депутатский мандат» во многом потеряло сегодня то значение, которое в него когда-то вкладывали, противопоставляя императивному мандату³²⁷.

Можно сказать, что сегодня, как это ни странно, сами демократическая избирательная и партийная системы провоцируют политиков на популизм, не ограничивая их в риторике, средствах и методах (за исключением наказуемых деяний, таких как призывы к свержению конституционного строя, разжигание различных видов розни и пр.), посредством которых они добиваются лояльного отношения избирателей и далее идут к поставленным целям через решения необходимых задач.

Тем не менее в среднем достаточная явка избирателей и итоги выборов мировых и отечественных показывают, что граждане все-таки готовы попробовать дождаться реализации обещаний политиков и политических партий, несмотря на то что возможность выполнения некоторых из данных обещаний априори находится под вопросом, а также, несмотря на то что отсутствует какая-либо ответственность за невыполнение данных обещаний.

Как уже говорилось выше, манипуляция общественным сознанием, использование эмоционального некритического отношения людей к действительности и спекуляции на важных для людей ценностях и ожиданиях сначала могут принести свои плоды, но в среднесрочной перспективе могут уже не сработать, поскольку из-за вырабатывающегося иммунитета, обжегшись на политике-популизме, избиратель потом хорошо подумает, прежде чем за него голосовать. Все же в политике действуют сложные механизмы обратной связи, представители институтов власти должны об этом помнить. Мы рассмотрели отдельные политические институты, в рамках существования которых закономерно проявляются элементы популизма. Но популизм, граничащий с демагогией, подрывает доверие народа к институтам власти, он крайне нежелателен.

---

³²⁷ *Фадеев В. И.* Депутатский мандат: понятие, принципы и виды // Lex Russica. М.: Изд-во МГЮА. 2008. № 4. С. 820.

Научное издание

«ПОЛИТИКА ПОСТПРАВДЫ» И ПОПУЛИЗМ

Верстка *О.С. Михайлова*

Подписано к публикации 10.12.2017

Формат 60х84 1/16.

Усл. печ. л. 13,5. Заказ № 5252

Издательство «Скифия-принт»

197198 С.-Петербург, ул. Б. Пушкарская, д. 10, лит. А. пом. 32-Н